

Соня Сокол

СЕВЕР

СТОК

ЗАПАД

На неведомых тропинках
**ПО ИСЧЕЗАЮЩИМ
СЛЕДАМ**

Дом Ольги исчез, будто кто-то стер его с картины мира ластиком. Дом единственного человека в мире кошмаров. И ей придется пойти по следу, чтобы вернуть утраченное. Но что если цена возвращения — стать такой же, как и все вокруг? Стать чудовищем? Не окажется ли она высока? Или, наоборот, низка?

Аня Сокол

На неведомых тропинках. По исчезающим следам

— Ничего, — сказал Мартын и захлопнул потрепанный переплет не менее потрепанной книги.

— У меня тоже, — кисло добавила я, отодвигая разноцветные тома.

Пашка промолчала. Явидь давно дремала на стопке исписанных инописью листов. Мы трое — все, что осталось от исчезнувшей в небытии стежки.

Я потеряла слезящиеся глаза, двое суток в библиотеке filii de terra оставили после себя раздраженную усталость и тающие надежды. Так увлекательно мне не доводилось коротать ночь со времен студенчества.

Библиотека земли детей еще не доросла до электронной обработки и хранения информации, хотя пара компьютеров уже занимала почетные места в центре зала. Толку от технологий было мало, в электронную базу еще не внесена и десятая доля имеющихся в библиотеке книг. Мы добывали сведения, не вбивая буквы в поисковые строки, а более привычным способом — задавая вопросы и перебирая тома на деревянных полках.

Потянувшись, я встретила с полными мольбы карими глазами. Ошибка, нас осталось четверо. Сын Веника — Марик, которого на ночь всегда отправляли в корпус, и который каждый раз возвращался, задавая глазами один и тот же вопрос. Я не ответила, но он все понял и опустил голову.

Теоретически можно было еще найти дочку баюна, но зачем? Чем нам поможет еще одно испуганное создание? И уж тем более, никому не хотелось рассказывать ребенку, что у него больше нет дома. И нет отца. Наверное, вообще, никого нет. Нечисть редко заводит большие семьи.

Во рту давно поселилась противная горечь, ее привкус с каждым днем становился все сильнее. Привкус поражения.

— Так не бывает, — старший сын Константина встал и прошелся по вытянутому залу, — неужели никто никогда не пытался их вернуть? Пусть ничего не вышло, но, — он пнул ножку стула, — ни намек на успех или неудачу. Ни одного упоминания, ничего!

— Я могу забрать книги? — спросил хранитель знаний.

— Да, — выдохнул Мартын и повернулся к стеллажам.

Мужчина поправил очки и стал аккуратно составлять тома в стопочку. Я пододвинула еще несколько, оставив лишь одну книгу в желтом кожаном переплете. Она больше напоминала дневник или журнал, который долго таскали за пазухой. Пашка предпочла не шевелиться.

Добавили мы библиотекаря работы, но он не жаловался, лишь глаза за стеклами очков иногда вспыхивали вкусным цветом малинового варенья. Я с трудом представляла, какому испытанию подвергается выдержка стяжателя^[1], вынужденного хоть на время отдавать в чужие руки книжные сокровища. Но, судя по спокойствию, с которым он взирал на шумных малышей шести — семи лет, бегущих по залу и хватающих все подряд, ворий был стар и умел сдерживать инстинкты.

Дети продолжали пускать бумажные самолетики, сделанные, слава святым, не из книжных страниц. Ученики входили и выходили из библиотеки — основательного дома,

сложенного из серых валунов, пользовавшихся большим спросом у дворян прошлого тысячелетия для постройки родовых замков. Мы не покидали читальный зал уже два дня, не считая коротких отлучек в столовую да в детскую к Неверу. Спала я общей сложности часа четыре, и краткие моменты забытья не приносили удовлетворения, каждый раз возвращая к глубокому снегу и к пустоте, что разверзлась на месте нашей стежки.

И оставшись без дома, мы вернулись туда, куда вели все дороги в этом мире, дороги отчаявшихся и нуждающихся в убежище. В filii de terra. И что еще удивительнее, земля детей пустила нас. Змею, отбывшую наказание в замке хозяин, и его несостоявшуюся убийцу.

Молодой целитель положил на стол несколько толстых томов.

— Должно же быть хоть что-то, — парень сел, открыл ближайший, пробежал глазами предисловие и потер переносицу.

За соседним столом хихикали девочки, по виду, первого года обучения, разглядывая что-то, несомненно, веселое в иллюстрированном анатомическом атласе. Трое мальчишек в голос спорили у стола вория. Это очень отличалось от стерильности и безмолвия человеческих библиотек. Вдоль высоких окон, забранных переливчатым, как мыльные пузыри, стеклом, стояли круглые столы. Здесь не рассаживали детей, согласно утвержденному министерством плану, не делили на выпускников и малышей, здесь не заставляли молчать, здесь не давали знания, здесь учили задавать вопросы и находить ответы в шуме, в гаме, в хаосе веселых и иногда кусающихся нелюдей и в четко выверенных движениях библиотекаря. Может, это связано со слухом нечисти, сводящим на нет любые приватные разговоры, а может, с тем, что обитатели нашей тили-мили-трындии никогда не ходили строем и начинать не собирались.

— Достойное упорство, — пробормотала Пашка, поднимая голову, — искать дом, из которого тебя должны с позором выгнать.

— Точно, — Мартын перевернул страницу. — Вот найдем, и сразу выгонишь.

— А если нет? — спросила я.

Ответом стал судорожный вздох Марика, пацан никуда и не ушел, бродя вокруг стола с потерянным видом. И не уйдет, пока не прогоним.

— Найдем, — молодой целитель резко захлопнул книгу. — Перевернем Северные пределы, а если понадобится, и соседние. Нам бы зацепку, намек, направление, а там нас никто не остановит.

— Нас? — удивилась явидь.

— Нас, — он встретил горящий медью взгляд. — Мое обучение окончено, не вижу смысла сидеть тут до шабаша взросления и официального отпуска, — парень взялся за вторую книгу. — Я иду с вами, и это не обсуждается, — зеленые глаза вызывающе вспыхнули.

Пашка в ответ лишь зевнула и чуть напряглась. К нашему столу подошли две девочки, вернее, девушки. Минутой ранее их компания о чем-то переговаривалась у дверей и вроде уже собиралась уходить.

— Март, — позвала более худенькая с короткими черными волосами.

— Не сейчас, Лил, — Мартын даже не обернулся.

— Но, — девушка поправила волосы, — это насчет шабаша, ты в совете и надо...

— Потом, — парень сосредоточился на книге.

К счастью, спутница черноволосой, пухленькая, рыженькая, с задорными веснушками, оказалась сообразительней настойчивой подруги:

— Потом так потом, — она потянула девушку к выходу. — Пошли, Лили.

— Суров, — хмыкнула Пашка, скулы Мартына чуть порозовели.

Последующие пять часов мы провели, зарывшись в бумаги, слушая смешки и пересуды учеников, тихие шаги вория, недовольное шипение явиди, приправленное напряженным ожиданием Марка. Его два раза отсылали на занятия, и он два раза возвращался. Помощь не предлагал, но и не мешал.

Ярким светлым пятном выделялся визит Алисы. За двое суток мы виделись чаще, чем за последние три года. В какой-то момент я чувствовала на плечах ее руки и начинала улыбаться. По-дурачки, как охарактеризовала Пашка.

Быстро пересказав мне новости о разорванной блузке, невкусном рагу и приглашении на шабаш сразу от троих парней, моя Легенда зимы убежала на занятия. Улыбка не сходила с лица еще час, желтый дневник так и остался открытым на первой странице.

Стежки пропадали в нашей тили-мили-трындии редко. Известно о семи случаях. Юково восьмое. Каждое выдергивание нити перехода неотделимо от артефакта ушедших. Вещи из запретного города, из Дивного городища. Сценарий списан под копирку: хозяин или хозяйка брали в руки пакость, притащенную кем-то к тому времени покойным, а ушедшие взимали за это плату. И плату немалую. Если обычная нечисть, схватившись за запретное, могла потерять как дырявый носок, так и голову, то с хозяев спрос особый — демоны лишались переходов.

Предсказать, какая из тысяч дорог уйдет к низшим, невозможно. Может, крестик на карте, через который непрерывным потоком идут товары, а может, глухой угол с населением в три глухих деда и говорящей козой не привязи. В долговой расписке оставлена пустой графа под сумму. Взавшись за артефакт, демон подписывал пустой чек. Ушедшие его обналачивали. Они никогда не отпускали в долг.

Первым в истории расплатился за силу артефакта предок Видящих. В алой цитадели до сих пор хранилось каменное кайло, способное по слухам, пробивать твердь земли, давая выход воде. Там, где ударял камень, рождался чистый источник. За чудо заплатили жители Йоронбурга, маленького исчезнувшего поселка на западе континента.

Примеру огневолосого последовал Прекрасный демон, тогда это еще был «он». Хозяин юга раскрутил старое разошедшееся деревянное веретено, которое может как ускорить, так и замедлить время. Село Гейтари, по версии людей, осталось погребено под тоннами грязи внезапно сошедшего селя. Но уроком это Прекрасным не послужило, и артефакт вернулся в мир, спустя столетие. Южане снова оплатили счет хозяина, ушел в небытие Ай-Тодор, населенный пункт, упраздненный в связи с убытием жителей, как написано в людских исторических хрониках. Без подробностей, куда это они так неожиданно всей толпой убыли.

Три артефакта осели на востоке. Ожерелье из ста одной деревянной бусины, глиняный чайник и кисточка из шерсти степной рыси. Что они делают до сих пор, неизвестно. Простой не покидает границ предела, не распространяется о подвигах и не хвастается спрятанными сокровищами. Ушедшие забрали Кадычкан, любовно прозванный людьми Долиной смерти. Бывший лагерь ГУЛАГ — жемчужина в короне Простого, самое громкое исчезновение Тихой эпохи. Дороговато за кисточку из драной кошки.

В Эпоху истребления исчезновение Шежама в горне междоусобных войн прошло практически незамеченным. Надеюсь, чай из старой растрескавшейся посуды того стоил. В графе «причина исчезновения» даже люди написали правду — ликвидация дорожно-транспортного сообщения. Нет дороги — нет жизни.

Бусы, которые не наденешь ни на одну женщину, появились на востоке в эпоху единения. Их силу обменяли на Алысень, нелегальный поселок, так и не нанесенный ни на одну человеческую карту.

Седые не остались в стороне. Прапрадед Кирилл напоил из чаши жизни ведьмочку, ставшую впоследствии его женой. Живая вода, в которую посудица превращала жидкость, — единственное, что могло вернуть к жизни убитого на алтаре. Воскрешающая водичка обошлась северным пределам в Погыдино, по которому, судя по записям, никто особенно не скучал.

Спустя эпоху, его потомок взял в руки часть зеркала ушедших и, не получив желаемого, расплатился за химеру. Вопреки ожиданиям, в чужих руках стекляшка не смогла убить демона, а вела себя ничем не лучше обычного ножа.

А мы остались без дома. Без нашей дороги. Без Юково.

На этом страшные истории об исчезнувших поселениях заканчивались. Совсем. Ни одна из ушедших стезек не вернулась. Никто больше не видел и не слышал об их жителях. Ведьмы, нелюди, бесы и прочие твари сгнули в одночасье. Но больше страшило другое. Ни один хозяин никогда не пытался вернуть утраченное. В свете упрямства и жадности нечисти это наводило на нехорошие мысли.

Я снова взялась за книгу в желтом переплете. Хрупкие страницы исписаны от руки синими чуть расплывшимися чернилами. Как и предполагала, это был дневник. Записи путешественника, бродившего пятьдесят лет назад по внутреннему кругу по стезкам. Подвиг был бродягой, что само по себе странно, нечисть тяготеет к оседлому образу жизни. Он потратил жизнь на поиски налокотника доспехов кого-то из ушедших. Я заглянула в конец тетради. Не нашел, но побродить ему пришлось изрядно.

Лаконичные строки отправили меня на полвека назад вместе с Туром Бегущим в горы, у людей, носящих название Уральских. Он прошел немало дорог и сменил не одну дюжину стёжек ради своей неясной и недостижимой цели. И записал это.

Бумкнуло так, что вздрогнули стекла. Я подпрыгнула на месте, Пашка обросла чешуей меньше чем за секунду. Малыши замолкли, ученики постарше наоборот разразились ругательствами. Мы кинулись к окнам, не замечая, как падают стулья и шелестят страницами брошенные книги.

Снаружи был слышен лишь хохот. Четверо мальчишек лет восьми — девяти стояли на лужайке перед библиотекой, склонив друг к другу головы. На миг они замерли, а потом отпрыгнули в разные стороны так быстро, что человеческие глаза едва могли уловить смазанное движение. На траве остался лежать маленький красный цилиндр с коротким шнуром запала. Раздалось еще одно зубодробительное «бум».

— Святые, — с облегчением выдохнула я, — думала что...

— Знаю, — откликнулась стоящая на хвосте явидь, — я тоже.

Дети засмеялись. Всего лишь петарда, обычная новогодняя пугалка, которая заставляет таких «бабушек», как я, хвататься за сердце. Демоны стучали не в пример громче, заставляя содрогаться остров детей, но в первое безумное мгновение нас с Пашкой посетило одно и то же неприятное воспоминание.

Ворий уже был на улице, и через мгновенье трое хулиганов удрали через газон, бросив на прощание еще один цилиндр. Четвертый отчаянно старался вырвать ухо из крепких пальцев стяжателя.

Дети и в нашей тили-мили-трындии дети, пусть их шутки заставят поседеть

человеческих учителей. Думаю, скоро пробуждение с красным цилиндром под подушкой станет для местных реальностью.

Третий глубокий пробирающий до костей хлопок уже не произвел нужного впечатления. Скрипя ножками о каменный пол, поднимались стулья, шуршали страницы, собирались раскатившиеся карандаши. Пойманный мальчишка шипел, скаля клычки, безуспешно сопротивляясь втащившему его внутрь стяжателя. Кто-то засмеялся, кто-то вздохнул, им нравился бессильный злой страх пойманного, нравилось предвкушать чужое наказание.

— Низшие, а где книги? — растерянно спросил Мартын, возвращаясь к столу. — Кто взял? — парень отодвинул стул и заглянул под стол. — Вы? — он посмотрел на вория.

Глаза хранителя зажглись, рука опустилась, и мальчишка, потирая красное ухо, шмыгнул в раскрытую дверь. Стяжателя больше не волновали шалости.

Я посмотрела на стол, стопка листов с инописью, которую сутки переводила явидь, лежала на прежнем месте. Ни желтого дневника, ни пары томов по истории пределов, что листал целитель, не было.

Тихий библиотекарь, передвигавшийся среди стеллажей неспешным шаркающим шагом, вырос рядом с нами в один удар сердца. Взмах рукой — и стол оказался отброшен в сторону. Листки с инописью взлетели в воздух белыми неуклюжими птицами.

— Мои книги, — прошипел собиратель. — Мои!

Хранитель шаг за шагом наступал на Мартына. Глаза мужчины разгорались малиновым огнем, пока стекла очков, треснув, не осыпались на пол. Пол, потолок и стены исчезли, на краткий нереальный миг библиотека стала тем, чем была на самом деле — глубокой пещерой в агатово черной скале. Смех стих.

Я поняла, кем был ворий на самом деле. Увидела за оболочкой среднего неприметного человека нелюдя, собирателя и охранника сокровищ, того, кто жил в пещере, пуская в ее нутро желающих посмотреть на блестящие камушки, дотронуться до толстых переплетов. Стяжатель. Гигантский ящер с малиновыми глазами и чешуей, на которой играли блики. Люди называли их драконами.

Не благородные и мудрые создания, а воры, вымогатели, испытывающие болезненную страсть к предметам, не брезгующие убийством и шантажом, чтобы получить желаемое. Одна из истин обоих миров звучит так: никогда не вору у дракона. Все. Ни вариантов, ни двояких толкований.

— Мои книги, — повторил ворий, рыча и подступая к Мартыну.

— Не пойдет, — целитель нахмурился, в глазах парня засверкала зелень. — Я все еще воспитанник, и если ускорить сердцебиение, то хранительница будет здесь...

— Остынь, Картэн, — появившаяся из воздуха Мила положила руку на плечо библиотекаря. — Остынь, он не вор.

Целитель поставил стол обратно, стяжатель закрыл дверь за последними посетителями, библиотека временно перестала работать.

— Итак, пропали книги? — оглядывая зал, спросила Мила.

— Да. Книги, которые я выдал им, — стяжатель снял бесполезные очки и убрал в карман.

— У нас их нет, — ответил Мартын.

— Мы не выходили из зала, — добавила явидь и принялась.

— Он это знает, — сказала хранительница.

— Находясь в этих стенах, я чувствую каждый том и знаю, когда мои вещи пытаются вынести, — собиратель выделил голосом эпитет «мои», — но я вышел на минуту и двадцать семь секунд.

— То есть книги не затерялись на полках? — спросила я, — и это не шутка мальчишек, которые слишком заскучали?

Ворий отвернулся, не считая нужным отвечать.

— Что со следами? — спросила Мила.

— С ними все хорошо, — Мартын выдохнул сквозь зубы, — здесь отметилась половина острова — от первоклашек до выпускников. Так что можно начинать повальные обыски у каждого второго, по жеребьевке.

— Или нужных следов нет, вообще, — стяжатель сжал кулаки и посмотрел в мою сторону. — Демон в закрытии.

— Опять двадцать пять, — сморщилась Пашка. — Зачем это демонам? Папочка любого из них прикажет — сам в зубах принесешь.

— Значит, у нас вор, — резюмировала Мила.

— Раньше такого не случалось? — спросила я.

— Как же! — рассмеялся Мартын. — Когда у той же Лили началось созревание, она полкорпуса учебных пособий в логово перетаскала.

— Картэн не единственный ворий в filii de terra, — пояснила хранительница.

Библиотекарь шумно выдохнул и сел на ближайший стул. Градус общего напряжения стал падать, злость, исходившая от уязвленного стяжателя, чуть утихла.

— Если у кого-то из младших началось созревание, — мужчина достал очки, скорее, по привычке, повертел оставшуюся без стекол оправу и убрал обратно в карман. — Ему нужен наставник, иначе, — он посмотрел на хранительницу, — все может выйти из-под контроля.

— Значит, обойдем всех потенциальных стяжателей и, дадут высшие, найдем пропавшее, — Хранительница кивнула и растворилась в воздухе.

— Мы не подумали еще об одной возможности, — задумчиво проговорил Мартын. — Мы не скрывали, какие знания ищем. Книги забрали, чтобы не дать найти в них ответы.

— Мальчик, у тебя приступ величия? Книги стояли здесь годами, десятилетиями, — стяжатель встал и оправил рубашку, — их прочли тысячи до тебя, и тысячи прочтут после. Это не запретные знания, не тома из закрытого хранилища, — мужчина топнул ногой, пол отозвался громким гулом. — «Хроники эпохи истребления» и «Забытая история запада» имеют до сотни копий, разбросанных по пределам. Дневник дурачка Тура я дал вам, потому что там упоминается артефакт ушедших, — он пошел к двери. — Он бродил по горам в начале Тихой эпохи. Исчезновения стёжек пришлось на другие века, так что, — ворий открыл дверь и взмахнул рукой, — пошли вон из моего логова.

Библиотека находилась на юге, если понятие сторон света вообще применимо к острову, затерявшемуся во времени и пространстве. Мы могли бы назвать направления не западом и востоком, а первой и второй стороной, тьмой и светом, красной и синей окраинами, да как угодно. Но мы были консервативны. Я подумала «мы»? Самой не верится.

Сразу за каменным врастающим в землю домом стяжателя начинался густой ельник, справа между стволов виднелись высокие земляные насыпи, так похожие на кротовьи норы. Здесь ощущалась близость перехода, она еще не звала, не шептала, а едва заметно дрожала.

Но каждый проходящий мимо знал, что безвременье рядом. Это как понимать, откуда дует ветер. Просто ощущение, только в этот раз чувствуешь не кожей, а мозгом, какой-то не поддающейся рациональному объяснению частью.

— Он сказал, их читали тысячи, — Мартын расхаживал по газону перед библиотекой, из которой нас так вежливо выпроводили. — Глупая кража.

— Если пропажу не вернуть, нам закроют допуск в библиотеку. Всем закроют, — проговорила явидь прищурившись.

— Дракону, утратившему вещь, понадобится время, чтобы прийти в себя. Век, другой. Придется искать другие источники информации. Ближайший находился у хозяина в Серой цитадели, — согласился молодой целитель.

— Неужели нет никого, кто бы читал эти книги, — при упоминании цитадели, вернее, мысли о Кирилле, у меня по спине побежали мурашки.

Целитель остановился.

— Я должен поговорить с Лехой. Он читает все, что написано. И помнит тоже, как и все книгочеи, — парень взъерошил длинные волосы.

— Помощь нужна? — Пашка взмахнула хвостом.

— Лучше я сам, — ухмыльнулся Мартын, — встретимся за ужином, — он развернулся и побежал к жилым корпусам.

День перевалил за половину, солнце прогрело воздух, и я стащила кофту и повязала вокруг талии. Контраст с холодом зимы остального мира был разительным. Яркие лучи согревали кожу, тогда как внутри царил лед. Стоило хоть на миг закрыть глаза, и я возвращалась на стежку, на то место, где она была, в спадающих валенках, проваливаясь в снег, туда, где дул ветер. Холод забирался под кожу и застывал там.

— Хватит! — рявкнула явидь, складывая чешую и превращаясь обратно в девушку.

Я открыла глаза — вверху голубое небо и зеленые листья.

— Мир не остановился из-за того, что пропало Юково, поняла? Он не остановится, даже если мы его найдем. Прекрати скулить!

— Я не скулю.

— Ты воешь, — она ткнула пальцем мне в грудь, вроде легонько, без желания причинить вред, но я пошатнулась. — Ты, как собака, которую хозяин пинками выкинул за порог. Ты скулишь и бегаешь кругами в надежде вернуться в любимую выгребную яму, чтоб получить еще порцию плетей. Что ты там оставила? Полоумную бабку? Старика, который сломает тебя щелчком пальцев, а на следующий день и не вспомнит? Или, — она усмехнулась, — симпатичного соседа?

Я отвернулась, предпочитая смотреть на качающиеся головки сиреневых цветов.

— Смущение, стыд и чуть-чуть недовольства, но не отрицание, — в ее голосе послышалась издевка. — Иногда, когда смотришь на Веника, в тебе ощущается... — она щелкнула пальцами, словно не могла подобрать слово. — Хочется узнать, как это будет, да? Какими будут его объятия? Каков на вкус поцелуй падалыщика?

— Да пошла ты!

— Думаешь, мы легко читаем твой страх, ненависть и боль, но не в силах распознать похоть? Не смешно? Я две чешуйки из хвоста поставила, что еще до исхода внутреннего круга ты окажешься под ним.

— Что? Он же падаль...

— А он поставил три берцовые кости, что еще раньше.

Я посмотрела в медные глаза с двумя зрачками, нечисть давно не верит словам, только собственному чутью, да и то через раз. Как ей объяснить необъяснимое, то, что сама едва осознаешь?

— У нас в училище был преподаватель статистики, — я опустила глаза. — Ничего особенного, просто нестарый мужик, из тех кому идет седина, грамотный, логичный, отстраненный.

— Возможно, слишком отстраненный? — ухмыльнулась явидь.

— Возможно, — спорить не хотелось. — Но что-то в нем такое было, и иногда я представляла, — взмах рукой, — как он касается кожи, проводит рукой по шее, склоняется к лицу.

— Весело. И как? Дядечке повело?

— Почти, — я против воли улыбнулась. — Наверное, у меня на лице все было написано, как-то в среду статистика была последней, и он попросил меня задержаться.

— Судя по всему, — Пашка принялась, — на этом романтика и закончилась.

— Да. Он меня поцеловал. Дыхание отдавало столовской картошкой, губы были до противности слабыми, а руки, которые он запустил под свитер, потными и дрожащими.

— Восторг, — захихикала змея.

— Я убежала. И больше никогда не ходила на его лекции.

— Получила пять автоматом?

— Четыре, — поправила я. — К чему я это говорю, иногда люди любят мысли о чем-то, а не само действие. Иногда я гадаю, как это могло бы быть. И боюсь даже представить, чем будет пахнуть поцелуй Веника.

— Но иногда так хочется проверить, — кивнула Пашка. — Старик поставил артефакт вызова, как скоро хозяин разжует падальщика и выплюнет. Всего лишь из-за мыслей.

— Пошла ты, — повторила я, главным образом потому что ничего больше в голову не приходило. — Ревнивый демон, звучит, как анекдот.

— А кто говорит о ревности? — удивилась змея. — Он убьет его потому, что... — она оборвала фразу, чуть повернув голову, но на тропинку так никто и не вышел, библиотека оставалась темной.

— Почему?

— Потому что. Хватит трястись, хватит думать, что все кончено, — она вдруг схватила меня за блузку и дернула, удлинившиеся когти проткнули затрепавшую ткань. — Из-за твоего страха у меня клыки растут и яд вырабатывается в немереных количествах.

— А как же «Костя»? — хрипло спросила я. — Или нелюди готовы выбросить в выгребную яму даже тех, кого любят?

— Сейчас плюну ядом, и завоешь уже по делу, — она отпустила блузку, — Я хочу его вернуть, еще раз впиться зубами в плоть и слизать кровь, — она сглотнула. — Хочу услышать его «змейка», да просто хочу его. Но в отличие от тебя не буду разбивать голову о стену, если не получится.

— Я тоже не буду, — я оглянулась, кусты качались от ветра, вряд ли мы были одни, но никто не хотел вмешиваться в дело воспитания человека.

— Не ври. Когда приходит Алиса, ты вспыхиваешь, как лампочка, но потом вспоминаешь, и тебе становится стыдно за радость, что дарит дочь. Скажешь, не так?

— Не скажу. Никогда не спорю с тем, кто сильнее.

— Умная позиция. Так, может, включишь мозги? Потому что из человека ты

превратилась в добычу. Ты же так гордилась вашим племенем, вашей чистотой. Давай, отвлекись, сходи к дочери, спроси, есть ли у нее чистые носки и пилка для ногтей.

— Что? — я выпрямилась.

Пашка засмеялась, моментально почувствовав произошедшую перемену.

— Что ты сказала? — спросила я, стараясь не потерять тот обрывок мысли, за который удалось зацепиться. — Марк еще здесь?

— Даже не сомневайся, справа, в кустах, — указала она и крикнула. — Выходи, мелкий.

Гроздья цветов, похожих на нашу сирень, только в два раза крупнее, закивали головками, выпуская на тропинку осыпанного светлой пылью мальчишку.

— Видел вора? — спросила явидь, не успел он отряхнуться. — Ты же все время рядом терся.

Разочарование так ярко проступило на его лице, что мне стало ясно — не видел. Пашка чертыхнулась.

— А мальчишек, что баловались с петардами, видел? — спросила я.

Марик кивнул.

— Сможешь узнать, кто надоумил их сделать это именно сегодня и именно у библиотеки?

— Может, — ответил звонкий голос, я почувствовала, как неуместная улыбка раздвигает губы.

Марк обернулся, к крыльцу подошла Алиса. Пашка повторно и непечатно высказалась, ей не нравилось, когда к нам подкрадывались незамеченными.

Моя дочь положила руку на плечо разом оробевшего мальчишки и твердо сказала:

— Все выясним.

— Да, — добавил Марк дрогнувшим голосом.

— Это может быть совпадением, — пояснила я. — Выворачивать пальцы не обязательно. Узнайте, где взяли петарды и кто, если таковой был, подал идею позлить вория, — Алиска показала язык и шутливо отсалютовала мне рукой.

Парень кивнул, не в силах перестать коситься на Легенду Зимы. Глядя им вслед, я вспоминала слова дочери, сказанные здесь же:

«Я помогаю отцу, и мне это нравится. Нравится притворяться, лгать, подталкивать».

И вот теперь о помощи попросила я, вернее, не просила, но и останавливать не стала.

— Думаешь, не случайность? — спросила Пашка, когда они свернули на ведущую к столовой тропинку.

— Стоит стяжателю покинуть логово, как он теряет связь с вещами, — я пошла вдоль кустов сирени. — Другого способа вынести книги из библиотеки я не вижу. Так что, да, дума, его выманили.

— Зачем? В книгах действительно что-то есть?

— Возможно. В книге. В одной. У «Хроник эпохи истребления» и «Забывтой истории запада» есть копии. А у дневника Тура бегущего нет. Если книга не уникальна, то кража лишена смысла.

— Картэн сказал, он жил не в то время.

— Да, но он много ездил, много слышал и видел. Легенды, слухи, страшные сказки на ночь, — я вздохнула. — Это пока единственная надежда, если нам хотят помешать, значит, мы на правильном пути.

Я позволила себе легкую улыбку, потому что страх ослаб, отступил на один шаг. Да,

люди такие, они живут, пока думают.

Пашка оскалилась, выпрямила спину и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, выжидающе замерла, сложив руки на груди.

— Не думал, что увижу тебя здесь снова, Прасковья, — протянул вышедший спустя минуту на дорожку мужчина. Только он один называл ее так.

Змея зашипела, но как-то тихо, без злости, клыков, когтей и темнеющей на коже чешуи.

— Ты редко утруждаешь себя этим, Угрим, — она рассматривала ледяного учителя моей дочери, кривя губы от презрения.

Не в первый раз замечаю: там, где прошла Легенда Зимы, вскоре появлялся ледяной колдун. В светлых глазах мужчины не отражалось ничего: ни радости, ни ненависти. Бывшие любовники. Бывшие враги. Земля детей не пускала сюда тех, чьи сердца полны ненависти. Эти двое не могли быть здесь. И тем не менее были.

Угрим едва заметно усмехнулся и картинно похлопал в ладони. Ни один звук не сопровождал этот нарочитый жест.

— Bravo, Прасковья, ты сумела обуздать звериные инстинкты.

— С инстинктами все в порядке, просто твоя персона, Угрим, для них обесценилась, — Пашка отвернулась и, подхватив меня под руку, зашагала в сторону.

Мужчина остался стоять, всматриваясь в темные окна библиотеки, по-прежнему оставаясь таким же равнодушно замороженным.

— Впечатляюще, — пробормотала я. — Ты и в самом деле успокоилась? Или опять лазейка в магии? Как в прошлый раз земля детей впустила тебя в его отсутствие?

— Я даже не знаю, был ли он тогда здесь, — фыркнула явидь и тихо добавила. — Мне не до ерунды. Угрим не стоит и волоска Кости. Высшие уберегли, и мой Невер не от него, не от горничной Алисы Седой, — она рассмеялась, только смех вышел совсем уж невеселый.

Мартын не пришел на ужин. Причин этому могло быть множество: от банальной занятости до неприятного похищения с последующим избиением и поеданием неведомыми врагами. В последнее упорно не верилось, потому как в случае реальной опасности контролирующей свое тело целитель мог легко выбросить в кровь порцию адреналина, переключая сердце сразу на пятую скорость. Хранительница придет на помощь любому воспитаннику, стоит тому лишь испугаться. А враги умрут, ну, или, потирая отбитые пятые точки, разбегутся по корпусам зализывать раны и жаловаться на злую охраняющую.

Марик и Алиса также не появлялись. А вот поджигатели петард на отсутствие аппетита не жаловались, один из них на ходу запихнул в рот бутерброд и выбежал за дверь. В одном из залов, где столы покрыты скатертями, а еду разносят на подносах, сидели две подружки Марта. Брюнетка шмыгала носом и чесала покрасневшие ладони, рыженькая успокаивала. Первая любовь — дело хлопотное, это я по себе знаю.

Но червячок сомнения и тревоги продолжал подтачивать изнутри. Поэтому через десять минут мы стояли перед одноэтажным деревянным домиком. Такому самое место в сказке о трех поросятах, только серого волка по соседству не хватает.

— Уверена? — спросила я Пашку.

— Следы не врут.

Сразу от входной двери начинался широкий коридор с комнатами через каждые пять метров. В той, куда привел нас запах Мартына, никого не было. Лишь голубая в полоску футболка, что была на парне с утра, небрежно валялась на кровати. Обычная комната, не

очень большая и не маленькая, стенной шкаф с распахнутой дверцей, стол, стопка тетрадей, вечно покачивающийся маятник, фоторамка с нейтральным пейзажем, с которым она похоже и продавалась. Ни ноутбука, ни планшета. Хотя толку от устройств на земле детей немного, без выхода в интернет они мало чего стоят. В стаканчике от канцелярского набора ни одной ручки, ни одного карандаша. Покрывало на кровати смято.

— Что ж, мы знаем, что он здесь был, — сказала змея.

— Он хотел поговорить с книгочеем, — я вышла в коридор и громко крикнула. — Алексей!

Просто наудачу. Того, с кем хотел поговорить молодой целитель, могло не быть в комнате, в корпусе, да и вообще, в filii de terra.

Несколько секунд в коридоре стояла тишина, а потом Пашка развернулась к двери справа. Створка приоткрылась, и в коридор выглянула вихрастая неопределенного окраса голова.

— Мартын у тебя? — спросила явидь и, не дав парню открыть рот, нагло протиснулась в чужую комнату.

— Эээ... нет. Пару часов как ушел, — парень посторонился, пропуская улыбающуюся девушку в комнату.

Длинный, худой, с выступающим вперед носом и подбородком — когда повзрослеет, его лицо станут называть хищным, но пока круглые детские глаза придавали будущему хищнику наивный и растерянный вид.

В комнате книгочек был не один. На кровати на темно-зеленом покрывале сидел черт. Круглые копыта, жесткие курчавые волосы, скромные рожки и черные вздернутые губы. В смуглых руках — книга, вернее, тетрадь в желтом кожаном переплете.

Острым шипом кольнуло разочарование. Пропажа найдена, а значит, мои рассуждения перешли в разряд фантазий, и мы снова вернулись к исходной точке.

Пашка вопросами не задавалась, а просто выхватила у студента том и открыла посередине.

— Опять инопись, — простонала явидь и протянула желтый переплет мне.

— Сначала Март, теперь они, — глаза черта блеснули. — Дураки, ворующие у Картэна, до последнего года, как правило, не доучиваются.

Я раскрыла тетрадь, уже понимая, что книга не та. Другие страницы, другой язык, более светлые чернила, да и рука, выводившая строчки инописи, иная. Сходство, начавшееся обложкой, ей же и заканчивалось, на этой даже уголки не успели засалиться.

— Где Мартын? — спросила Пашка.

— Не знаю, — ответил худощавый парень.

— Ушел. Наверное, в библиотеку, — черт по-детски хихикнул и качнул рогатой головой, — пытал Леху насчет какого-то учебника по истории, а потом убежал.

— Много напытал? — я протянула тетрадь обратно.

— Без понятия. Если надо, Леха ему любой учебник от корки до корки процитирует, — нелюдь взял книгу и бросил рядом с собой на кровать.

— Аррко прав, — пожал плечами книгочек. — Мы так и не поняли, что именно он хотел. Ушел недовольный. Книги, как я понял, так и не нашлись?

— Это же глупо, — фыркнул черными губами черт.

Забавно, но он дал происходящему ту же характеристику, что и Мартын. Все это пахло глупостью.

— Сперва кеды, потом рубашка, книги. Прошерстили бы малолеток на предмет созревания, глядишь нашли пропажу под подушкой, как вспомню Лидку, — тихо пробормотал книгочей, когда мы уже повернулись к выходу.

— Стоп, — я нахмурилась. — Пропадали и другие вещи?

— Да, — ответил худой парень, но как-то уж очень неуверенно.

— У меня ничего не пропало, — поднял руки Даррко. — Меня не впутывайте.

Я посмотрела на книгочея.

— Ну, у Марта вроде бы кеды сперли.

— Вроде бы, — передразнила змея.

— Да он и сам не знал, сперли или в раздевалке забыл на полигоне.

— Так, — я подошла ближе, — а у тебя ничего не пропало?

— Рубашка, — от чего-то смутился Леха, — белая. Висела на стуле, а теперь нет.

— Так, может, ты ее в прачечную сдал, а забрать забыл? — фыркнула Пашка.

По тому, как парень отвернулся, я поняла, что часть правды в ее словах была и в факте кражи он совсем неуверен.

— Может, вы сами сходите и проверите, — цокнули копыта, черт встал. — Мы не обязаны вам что-то доказывать. Мы можем и хранительницу позвать. Она девка молодая, горячая, сначала бьет, потом разбирается, кто у деток погремушку отнял.

— И вся земля детей через час будет знать, что ты испугался человека, — сказала я, паскудная ухмылка тут же исчезла со смуглой рожи нелюдя.

— Так что там с рубашкой, — явидь, как бы невзначай скользнула вперед, глаза с двойными зрачками смеялись, — и кедами моего пасынка?

— Вы эта... та самая? — смешался книгочей.

— Ага, — змея оскалила клыки в жутковатой улыбке и напомнила, — рубашка?

— Я ее Марту одолжил, — быстро ответил высокий. — Он ее вернул. Сказал, что на стул повесил, но когда я пришел, ее не было, — он развел руками.

— У него что, своей одежды мало? — спросила Пашка.

— Да нет, — парень отвел глаза, — ему именно белая нужна была, а на свою он как раз пятно поставил.

— Почему именно белая? — удивилась змея. — На похороны? Жертвоприношение?

— Ну почти, — Леха смутился.

— Тьфу, — сплюнул черт, — Все вам расскажи непонятливым. С девкой он встречался, ясно? Не в черном же к девственнице идти.

— А девка — это Лили? Черненькая, худенькая, с короткой стрижкой? — продолжала задавать вопросы явидь.

— Ага, — кивнул книгочей. — Только никакая она не Лили, а Лидка просто не любит, когда ее так называют, вот и придумала это «Лили».

Я выдохнула, закрыла глаза, досчитала до пяти и, боясь спугнуть удачу, задала последний вопрос:

— У Марта есть компьютер?

— Есть. Ноут. В комнате на столе стоит, — пожал плечами Аррко.

— Спасибо, — поблагодарила я и вышла.

— Только не трогайте, — донесся в спину голос книгочея. — Он его какой-то гадостью намазал, сыпью покроетесь, родная мать не узнает.

— Слабак, — простонал черт, и дверь захлопнулась.

Мы вернулись в комнату целителя, чтобы убедиться, что стол по-прежнему пуст.

— Будем искать? — поинтересовалась змея.

— Незачем.

На улице солнце уже успело скрыться за деревьями, и их длинные тени причудливыми полосами легли на землю. Земля детей жила своей жизнью, где-то кричали дети, где-то истошно выл зверь, которого наверняка дергали за хвост. Я завертела головой, пытаюсь сориентироваться.

— Ты знаешь, кто украл книги, — вопросительных интонаций в голосе Пашки не было.

— Неуверена.

— Не ври. Я слышу это знание в твоих словах, вижу в глазах, чувствую в запахе.

— Как позвать Милу? — вместо ответа спросила я.

— Поймать ученика помельче и ущипнуть. Или наоборот, постарше. Я бы с удовольствием послушала, как верещит тот рогатенький. Давай...

— Не надо, — сказала появившаяся за ее спиной хранительница. — Ограничьтесь простым призывом, на ваш я сегодня откликнусь с удовольствием.

— Охраняющий слышит всех взывающих на своей земле? — я посмотрела Миле в глаза. — Слышит, но откликается лишь избранным, так?

— Ты позвала меня, чтобы это проверить? — девушка осталась спокойной. — Я не могу быть везде, иначе буду метаться между порезанным пальцем и неудачно сделанным домашним заданием. Мы играем теми картами, что нам сданы, и не хранители тасуют колоду.

— Давайте вы поплачетесь о нелегкой женской доле попозже, — влезла Пашка, — как твои поиски среди малышни?

— Никак. Все здоровы и довольны жизнью. Один на грани, сам признался, что стал присматриваться к ложкам в столовой, надо предупредить наставников. Но и только.

— Ольга знает, кто вор.

— Неужели? — Мила подняла брови.

— Только предполагаю. Где логово Лидии? У вас есть убежище для стяжателей? Для тех, в ком проснулись инстинкты? Не в комнаты же они всякий хлам тащат.

— Есть, — хранительница минуту раздумывала, а потом, развернувшись, пошла по дорожке к юго-западной окраине острова. — Старые ходы норников. Раньше здесь целая колония обитала, пока на зелья не извели, а норы остались. Картэн как старейший ворий одобрил их использование. Когда у стяжателей начинается созревание, их на первую декаду помещают... — она дернула головой. — Впрочем, вам это неинтересно. Это Лидия? Уверена? Она из предвыпускного года и прекрасно контролирует инстинкты. К тому же стяжатели не воруют друг у друга, они лучше других знают, чем обернется такой поступок.

— Уверена. Почти.

Пашка фыркнула, а я пояснила:

— С нечистью никогда ни в чем нельзя быть уверенной до конца. Но это она. Поверь.

— Верю, — хранительница ускорила шаги.

— А я нет, — Пашка скользнула вперед, на ходу меняя человеческий облик на звериный. — Ты в это веришь. Она верит тебе. Сплошной клуб по интересам. Мне требуется что-то посущественней.

— У Лидии созревание.

— Нет, она уже выросла... — Мила замолчала, сделав круглые глаза, — Ах, это

созревание.

— Очередной этап взросления, через который проходят все. И я, и ты, и даже ты, — я указала на растерявшуюся явидь. — Она влюблена. В первый, самый прекрасный и одновременно ужасный раз.

— Мартын, — догадалась Пашка.

— Да. Пропали вещи, которых касался парень. Вещи с его запахом: кеды, рубашка, карандаши, ручки, ноутбук. Я видела девочку в столовой, видела ее сжатые кулаки, слезы и сыпь на ладонях.

— Чертенюк сказал, что Мартын смазал игрушку какой-то дрянью. Умный мальчик, — в голосе Пашки слышалась гордость.

Мы миновали ряды корпусов, на сей раз сложенных из красного кирпича, прошли полосу с редкими деревьями и густой изгородью из кустов, напоминающих шиповник и сирень, миновали запертую библиотеку. Я чувствовала приближение переходов, слышала дыхание безвременья, мы подошли вплотную к выходу с *fili de terra*. Но до того как стежки лягут под ноги и уведут с земли детей, мы должны пройти сквозь череду невысоких курганов, напоминавших основательно заросшие крапивой кротовьи горки. Только вот кроты размером с теленка в обычном мире не водятся. А в нашей тили — мили — тряндии — пожалуйста. Будь у нечисти красная книга, норников бы туда занесли, как исчезающий вид. Но пока звери занесены лишь в меню.

Солнце клонилось к закату, и в сгущающихся сумерках округлые лазы смотрелись черными ходами в бездну. Кроличьими норами. По коже поползли мурашки, пришедшее на ум сравнение заставило передернуть плечами.

— Людей всегда пугает тьма, почему? — спросила Пашка. — То, что происходит при свете, не лучше того, что скрывает ночь.

— Может быть, — Мила пожалала плечами, — неизвестность, таящаяся во мраке, страшит больше, чем волк, поедающий девочку под полуденным солнцем, — Хранительница остановилась у третьего по счету кургана, — но монстры в этой темноте еще маленькие.

— Они достаточно взрослые, чтобы любить, — я подошла ближе, — и совершать поступки, — и сунула голову в лаз, вглядываясь в черноту. — Драконы похищают не только вещи, но и прекрасных принцесс.

— Ты хочешь сказать, что Мартын там? — не поверила Пашка.

— Как и пропавшие книги, — я выпрямилась и приглашающе взмахнула рукой.

Для человека тьма оставалась тьмой, а свет — светом.

Пашка хмыкнула и скользнула в нору первой, я второй, слыша за спиной тихие шаги Хранительницы. В туннеле можно было стоять во весь рост, норник — зверь немаленький. Пол устлала сухие листья и мертвые насекомые. Ход шел под уклон. Рассеянный свет экрана телефона придавал земляным стенам синеватый оттенок. Ни явидь, ни Мила в освещении не нуждались.

— И что, любой вот так запросто может зайти в логово собирателя? — удивилась змея в темноте.

— Не любой и не запросто, — ответила идущая впереди Мила. — Проблемы с стяжателями не нужны никому. Бывает, новенькие пошаливают, вход камнями завалят или стащат и спрячут что-нибудь вроде старой корзинки из-под фруктов. Как правило, после визита невменяемого ворья остывают даже самые горячие головы. Мы не делаем из этих нор тайны. Временные логова, и сокровищ там нет, стяжателям еще предстоит обустроить

настоящие. Мы учим детей жить бок о бок с разными созданиями. И если цена усвоенного урока — пара опаленных бровей и ресниц, то так тому и быть, я вмешиваться не буду.

Ничто не мешало хранительнице перенестись вглубь, но по каким-то своим соображениям, она предпочла неспешные шаги в нашем сопровождении. В моем, так как явидь тоже не торопилась. Причину этого я поняла, только спустившись в пещеру. Логово имело форму неровного круга с осыпающимися стенами и земляным полом. Лида была еще слишком мала, чтобы превратить свое убежище во что-то более уютное и пригодное для жилья.

У каждого из нас в детстве была шкатулка с сокровищами. Пусть она выглядела, как картонная коробка с фантиками, цветными мелками, ракушкой, привезенной кем-то из знакомых с моря, баночкой из-под гуталина, которой играли в классики, или крышечками от пузырьков. Это все равно были сокровища. Наши сокровища. Шкатулка Лидии была побольше, но хлам она собирала такой же никому не нужный.

Тусклый свет от экрана выхватывал из темноты очертания странных предметов, вызывая тягучее тоскливое чувство потери. Я скучала по моему чердаку и бабке, с горящими глазами самозабвенно роящейся в хламе. Синий свет отразился от кожаной обшивки треснувшего футбольного мяча. Рядом деревянный стул с выбитым сиденьем, какие-то картинки или открытки покрывали земляной пол цветными пятнами, каменная урна, которой место в сквере у лавочки, деревянная бочка с неизвестным содержимым, у меня в такой бабушка капусту квасила, ящик из-под бутылок и еще бог знает что.

У стены старая раскладушка, состоящая из полых алюминиевых трубок и куска ткани, натянутого меж ними. А на ней...

Непонятные шорохи и вздохи крались по стенам, заставляя приглядеться внимательнее.

— Мы не вовремя. Прекрасная принцесса хочет еще немного побыть в плену, — явидь хихикнула.

Света как раз хватило, чтобы разглядеть переплетение обнаженных тел. Мужского и женского. Я торопливо погасила экран.

— Вот и наша пропажа, — провозгласила змея и сунула мне в руки увесистые книги, вернее, то, что на ощупь на них походило.

Протяжный женский вздох удовлетворения был ей ответом.

— Одевайтесь и выходите, — скомандовала Хранительница.

Обратный путь показался намного короче, следуя за Милой, я механически переставляла ноги. В голове набатом билась мысль: если такое вытворяют шестнадцати — семнадцатилетние подростки, то у меня осталось года три-четыре, прежде чем Алиса... Стоп, вот об этом я думать не хочу.

Тут бесполезно патетично восклицать, что я в эти годы еще носила школьную форму, заплетала ленточки в косички и думала, что детей находят в капусте. Кирилл быстро устранил пробелы в моем образовании. Я была старше Лидии года на три, а на руках уже кричал увесистый сверток. Так что нечего разыгрывать из себя принцессу. Собственные годы вдруг обрушились на плечи невероятной тяжестью. Как мало времени осталось, прежде чем моя девочка вырастет. И как много его еще впереди. Чем я его заполню? Вышиванием или собиранием фарфоровых статуэток? А может, бездомными кошками?

Сумерки, в отличие от тьмы хода, показались мне ярче солнечного дня. Стяжатель молча стоял у насыпи черной жирной земли. Блеснули теплым малиновым светом

нечеловеческие глаза. Картэн не делал попытки приблизиться или войти. Без особой надобности стяжатели не нарушали границ личного пространства друг друга. Взрослые и состоявшиеся стяжатели, а не подростки, переживающие непростые этапы взросления. Им еще много предстояло узнать о своем виде, теле и способностях.

Ворий протянул руку, и я вложила в нее найденные тома. Собиратель втянул запах потертых переплетов и потребовал:

— Тетрадь Тура?

— Там были только учебники, — Пашка пожала чешуйчатыми плечами.

— Потому что только их я и взяла, — Мила посторонилась, и из темного лаза показалась Лидия, короткие волосы стояли дыбом. — Простите, но они так пахли, — она опустила голову перед хранителем библиотеки.

Из норы выбрался молодой целитель, облаченный лишь в синие джинсы и блестящие кольца наручников на левом запястье в качестве модного в этом сезоне аксессуара.

— Зачем мне её книжка? — сморщила нос Лили, кивнув в мою сторону.

— Она моя, — рыкнул ворий.

— Девочка, а ты уверена, что не взяла ее, чтобы прижимать к телу долгими одинокими вечерами? — спросила змея.

Молодая стяжательница зарычала. На ней была наверняка та самая белая рубашка сокурсника Мартына. Полы доходили до середины стройных бедер, длинные рукава натянуты на покрасневшие ладони, с которых уже начала слезать кожа.

Целитель не мог воздействовать на неживую материю, но даже будь это иначе, магия и механизмы плохо сосуществуют. Другое дело мазь с чесоточным порошком или вытяжкой из ядовитого плюща. Воришке пришлось пережить несколько неприятных минут.

Мартын взял узкую ладошку девушки, глаза зажглись яркой зеленью, отмершая кожа опала, обнажив новый розовый слой.

— Девочка услышала, что ты уезжаешь, и сорвалась, — продолжала ухмыляться Пашка.

— Да, — дернулась Лили, — Уезжаешь до шабаша! Сам пригласил, а потом решил сбежать, — она топнула голой ногой.

— Не продуманная кража, а порыв. Кеды, рубашка, в которой он был, когда вы в первый раз... — я не сдержала улыбку, хотя совсем не хотела смеяться над девушкой, — когда ты сама сняла ее с него. Книги, ноутбук, ручки из стаканчика. Ничего не забыла? — Лида отвернулась и уткнулась в обнаженное плечо молодого целителя. — Вот почему это так походило на глупость. Но дневник Тура она не брала. Понимаете?

— Нет, — ответила за всех Мила.

— Кража бесполезна, если украденное не уникально.

— Мы вернулись к тому, с чего начали, — первым понял Мартын. — Кто-то не хочет, чтобы мы прочли эту книгу.

— Кто? — спросила Пашка.

— Я бы тоже не отказался узнать, — ворий взвесил книги и позвал, — Лидия!

Девушка вздрогнула и еще сильнее прижалась к целителю.

— Определяю тебе наказание: две декады отработки во благо моего логова. И они начинаются прямо сейчас.

Солнце село, остров детей освещали многочисленные окна не менее многочисленных корпусов. Хранительница и ворий ушли, деликатно оставив нас наедине с проблемами. Лили

уходить не хотела, но стяжатель не тот, кому можно возражать.

— Вы же начали ее читать, — расхаживал взад-вперед перед кротовьей норой так и не удосужившийся одеться Мартын, — ну, вспоминайте.

Я пыталась, в памяти остались какие-то обрывки, подчеркнутые фразы. Дневник из-под пера Тура Бегущего вышел, на удивление, нудным.

«Проснулся. Поел. Попил. Продвинулся на тысячу шагов. Нашел следы, следовал по ним до разлома. Никого не встретил. Лег спать».

Одно и то же каждый день, с небольшими отклонениями. Пару раз он принимался пространно рассуждать о цели поисков, доспехе, судьбе, душах и демонах. А потом снова шел, ел, пил, срал, вернее, спал. Если что и было в этой книге, то я либо не поняла, либо еще не дочитала.

Пашка развернулась, вглядываясь во тьму.

— Наш молчаливый помощник вернулся на пост, — собравшийся кольцом хвост, расслабился.

На тропинку вышел Марик. Я с надеждой вгляделась в темноту за его спиной, но она осталась неподвижной. Алиса не пришла.

— Узнал что-нибудь? — спросила я, безуспешно стараясь скрыть разочарование.

— Ставр, Гринька, Митька и Жик отобрали петарды у одного из новеньких, — отчитался парень.

— Неделю назад был новый набор платников, — пояснил Мартын.

Понятное дело, бесплатников никто не набирает, они приходят сами и в любое время года.

— Пацанам понравилось, он так потешно отбивался, просил не поджигать петарды у библиотеки, — сын падальщика почесал нос, — Плакал, что его накажут.

— «Делай что хочешь, только не бросай в терновый куст ^[2]», — процитировала Пашка, немало меня этим удивив.

Мартын положил руки на плечи пацану и, заглядывая в лицо, проникновенно спросил:

— Узнаешь его? Или те парни укажут? Принявших первый год обучения чуть больше двух десятков, найти его не так уж и сложно, исключить девочек и тех, кто...

— Да, зачем? — высвободился Марик. — Мы его уже нашли.

— Мы? — переспросила я.

— Легенда Зимы у корпуса осталась, чтобы не сбежал, а я за вами, — он снова почесал нос. — Она тоже эту фразу про куст сказала. Выходит, он специально подал им идею?

— Так, — явидь оскалила клыки, — если и вправду выйдет что-то путное, добуду твоему папаше новый глаз.

Все постройки в *filii de terra* расположены по кругу. Учебные корпуса, полигоны — ближе к центру, жилые — к окраинам. И там, и там встречаются хозяйственные постройки, будки, хранилища инвентаря, столовая на севере, библиотека на юге, дом целителей на западе, там же и корпуса, куда расселили принявших первый год обучения. Возможно, чтобы далеко за подорожником и коньяком не бегать.

Двухэтажные, сложенные из серых блоков корпуса напоминали общежития, что строил завод ЯЗТА для своих работников во времена моей юности. Такие же монотонно ровные и лаконичные, как изделия из конструктора. В окнах горел свет, хлопали двери, раздавались крики и топот ног по коридору.

Кто-то скоро ляжет спать, кто-то, наоборот, убежит на ночные занятия, кто-то решит перекусить и сыграть злую шутку с соседом. Земля детей была отражением нашей тилимили-тряндии, где ночь — сложное время и для бодрствующих, и для спящих.

Дочь сидела на нижней ветке дерева, напоминавшего березу. Корявую и склонившую ветки к земле. С толстого ствола неопрятной бахромой свисали лохмотья подранной беловатой с прожилками коры. Легенда Зимы совершенно по-детски болтала ногами. Здесь и сейчас она все еще оставалась ребенком. Я почувствовала, как тугой узел, скрутившийся внутри, ослаб.

Алиса без слов указала на дальнейшее с торца окно, прикрытое розовыми занавесками, и прыгнула — полное мягкой нечеловеческой грации движение, на миг приоткрывшее завесу будущего, показав, какой девушкой она скоро станет. А может, фантазия, зацепившись за большую тему, сыграла со мной злую шутку.

Явидь знаком приказала детям оставаться на месте. Алиса скорчила недовольную мордочку. Но когда собравшийся возмутиться Марик открыл рот, она любезно прикрыла его ладонью, не дав произнести ни звука, чем напугала мальчишку до дрожи.

Общежития для учеников были организованы по одному принципу — коридоры с кучей фанерных дверей, из-за некоторых слышалась музыка, из-за других смех, из-за третьих заунывные песнопения, то ли духов вызывали, то ли по дому скучали. Первогодки — это нестепенные и переполненные собственной значимостью выпускники, новички — это шум, гам, каверзы.

Но за нужной нам дверью царил тишина. Пашка вошла, не церемонясь и не задумываясь о том, как может истолковать ребенок ночной визит нелюдя, полуголого целителя и человека.

Безликая необжитая комната: кровать, стол, стул, стенной шкаф. Ни личных вещей, ни раскиданной одежды, ни грязной обуви. Единственным посторонним предметом была желтая тетрадь, лежавшая на краешке полированного стола. Пацан, сидевший на матрасе, даже не повернул головы.

— Вот она, — змея схватила потертый дневник, раскрыла и удовлетворенно рыкнула.

— Я вас ждал, — он поднял черные, как колодцы, глаза.

— Зачем? — молодой целитель, прищурившись, присматривался к мальчишке.

Было что-то неправильное в его позе или в спокойствии, с которым он смотрел, а может, в нем самом, но понять что, я все никак не могла. Дети в таком возрасте похожи на гибрид вечного двигателя и радио. Они не сидят неподвижно, ожидая наказания.

— Не имеет значения, — ровно ответил ребенок. — вы получили, что хотели. Вернее, так думаете.

Пашка зашипела.

— А ты думаешь по-другому. Читал? — спросил целитель, указывая на тетрадь.

Мальчишка кивнул.

— Ты знаешь, что мы ищем? Там оно есть?

Два кивка подряд.

— Сто двадцать седьмая и сто тридцатая страница, — ребенок был лаконичен и совсем не испуган.

Я раскрыла желтый переплет, перелистнула потемневшие от времени страницы и пробежала глазами по сухому тексту.

Каждая запись была пронумерована странными значками — закорючками, мало

похожими на цифры. Тур Бегущий пользовался другим календарем, но строки, слава святым, были вполне читаемы.

«Низошел по склону Сосновой, две тыщи шагов по ополью к западыне. Зверье схоронилось. Чую недалече обиталище. Сызнова полтыщи шагов. Угольный чад и кровушка. Первая хата чрез сотню. Северная стежка — Вепрева пустошь на двадцать дворов. Остался на ночь».

«Потолковал со старостой. Никоих следов ушедших тута сродясь не видавши. Остался на ночь».

Я посмотрела на ожидающих мальчика и целителя, на явидь, постукивающую по полу кончиком хвоста, и вернулась у книге. Три страницы вперед. Сто тридцатая страница была не менее захватывающая.

«Подумавши, решил вертаться на тропу Висельника тем же ладом. До второй тыщи не доспел, поворотил севернее по следам вломной клажи. Третьего дня катили подводы. Семена, шерсть, железо. Шел вдогон, к полудню вышел к стежке Подгорной. Восточники. У старосты лыба, печёночный борканник, тесак за пазухой. Глянулось. Остался на ночь».

Следующая запись тем же днем без номера.

«Гвоздарь говорил, артефакты поверх кручи возят. Железо было, и доспех, и оружие, и кости. Подчас гнусь какую. Истекшей ночью у целительницы кровь свернулась, и настои в плесень ушли, солонина пожухла, как и грязь на дороге. Нехорошая была ночь, деревья шагнули вперед, у мальцов когти повыскакивали, балакают, видели в округе блаженного, но кто, когда и где — неясственно. Решил уразуметь».

И строчкой ниже:

«Не уразумел. Бабские байки. Воротился на тропу Висельника. Подъем к востоку. Хладный ветер, утешился овечьей верюгой».

Сразу видно, как весело проводили время на заре тихой эпохи, особенно порадовало «утешение от овечьей верюги».

— Не понимаю, — я покачала головой, ничего крамольного при всем желании из текста не выжмешь.

— И не поймешь, — ответил мальчик.

— Хватит строить умника, — рявкнула Пашка. — Станешь книгочеем — тогда и нос задирай, а сейчас как бы ни укоротили.

— Он не книгочей, — сказал Мартын. — Он визирг.

Вот что казалось мне таким неправильным в этом ребенке — он не вел себя, как ребенок, не сидел, как ребенок, не говорил, как ребенок. Душа человека, получившая шанс прожить еще одну жизнь в маленьком беззащитном теле. И не просто человека, а очень и очень умного человека.

— Расскажите нам, — попросил молодой целитель, сразу переходя на «вы».

Атмосфера в комнате изменилась. Пришедшие приструнить хулигана взрослые превратились в просителей.

— Расскажу, — черные глаза мигнули. — В обмен на услугу.

— Какую? — змея, как и любая другая нечисть, не любила быть обязанной.

— Смертельную, — парень сжал кулаки, — Вы должны убить меня.

— Ищи дураков, — разозлилась Пашка, хвост в очередной раз поднялся и, подрагивая, замер, прерывая монотонный перестук по доскам пола. — Схватиться с хранительницей и уйти следом? Я пас. Вон, иди башку о стену разбей или с крыши спрыгни.

— Охраняющая не придет, — холод собственных слов царапал горло. — *Filii de terra* не видит своих подопечных, магия острова читает вот здесь, — я дотронулась пальцем до виска. — Здесь, в голове, он более чем взрослый.

— Верно. Я прошел сюда с группой. Земля детей не открылась бы перед визиргом, — мальчишка вздохнул. — Я прожил хорошую жизнь, похоронил жену, а потом мои дети похоронили меня. Этого, — он указал на свою грудь, — не просил, не искал правды о мире, о пределах и стежках. Мне не нужна вечность в теле ребенка, который никогда не вырастет. Мне не нужен второй шанс, у меня все получилось с первого, — мальчик встал и посмотрел снизу вверх на змею, — Неважно как это будет: яд нелюдя или магия целителя. Хранительница не придет на зов, даже если вы размотаете мои кишки по комнате. Сделка. Смерть за информацию, — он протянул руку Мартыну.

Я знала, что мы должны отказаться. Знала, но промолчала. Я могла понять желание уйти из нашей тили-мили-тряндии, уйти дальше вслед за теми, кого уже не вернуть, а не остаться навсегда ребенком.

Тело, в которое вселяют чужую душу, теряет способность к развитию и не подвержено изменениями. Этот мальчик никогда не вырастет, никогда не постареет и никогда не умрет. Его убьют. Может, через день, а может, через века. Визирг просто предлагает сократить этот срок.

Но понимать это одно, а принять — совсем другое, особенно если речь шла о смерти. Человек внутри меня это знал. Но молчал.

— Информацию за смерть, — молодой целитель пожал детскую ладошку. — Сделка.

Мальчишка облегченно выдохнул. Впервые с того момента, как мы вошли, на бесстрастном детском лице появились эмоции и губы чуть раздвинулись в улыбке.

— Информация, — сразу стал выполнять свою часть обязательств визирг. — Тур Бегущий исходил Бурый или, как говорят люди, Уральский хребет вдоль и поперек, иногда спускался на равнины. Здесь описан один случай из многих, — тонкая рука указала на дневник. — Две стёжки у подножия Сосновой. Вепрева пустошь — глухой угол на двадцать дворов, где «никоих следов ушедших тута сродясь не выдавши». И перевалочный пункт восточников, через который везут товары — «вломную клажу». Большая и маленькая стежки. Так почему, Тур, спустившись с гор, прошел мимо широкого Подгорного к махонькой Пустоши?

— Восточная стёжка чуть в стороне, — пожал плечами Мартын.

— Ответ неверен, — строго сказал визирг. — Тур спустился, заночевал в Пустоши и вернулся по своим следам: «Подумавши, решил вертаться на тропу Висельника тем же ладом». А там, здравствуй, низшие, еще одна стежка, которую он умудрился не заметить, когда шел в первый раз. Подвий, что шел с закрытыми глазами?

— Он не знал, что там стежка. Может, не видел, не чувствовал или не обратил внимания, — предположила я. — Тысячи шагов, легко пройти мимо.

— Ответ неверен, — повторил мальчик.

— Человек мог, но не нечистый, — фыркнула явись. — Мы никогда не проходим мимо. Он нашел пустошь, но не смог унюхать более шумный и пахучий Нагонный? Бред.

— Следы, — дошло до меня. — Когда он шел в Пустошь, следов груза — «вломной клажи» — не было.

— А когда возвращался, были, оставленные «третьего дня». Но он провел на северной стёжке меньше двух суток. Как такое может быть? — удивилась змея.

— Очень просто, — ответил визирг. — Когда он шел туда, ни следов, ни стёжки в нашем мире не было.

— «Нехорошая была ночь», — пробормотал молодой целитель, забирая у меня книжку. — Свернувшаяся кровь, плесень в зельях, шагнувшие вперед деревья... Это не лес сдвинулся, это безвременье.

— Когти не выскакивают сами по себе, — добавила явидь. — Детей что-то напугало, что-то заставило их защищаться, пусть это было во сне.

— Еще они могли вырасти, — сказал мальчик. — Сколько времени отсутствовала стежка в нашем времени? А сколько прошло там, где они оказались? Кто знает.

— Нехорошая ночь, — повторил целитель. — Но не было ни слухов, ни разговоров?

— Точно. И не будет, — мальчик по-взрослому расправил плечи. — Мой хозяин велел уничтожить даже, — он указал на журнал, — упоминания.

— Хозяин? — переспросила Пашка.

— Не сам же я здесь появился, — визирг поджал губы.

А я подумала: раз исчезла стежка восточников, значит, Простой играл с одним из артефактов ушедших.

— Не думаю, что вам надо знать подробности, — добавил взрослый, запертый в тело мальчика.

— Согласна, — кивнула явидь.

— Информация за смерть, моя часть сделки выполнена!

Я вздрогнула, ощутив на плечах тяжесть решения, с которым молчаливо согласилась.

— Ольга, выйди, — скомандовала змея.

Я знала: мне не остановить то, что должно произойти. И это знание требовало присутствия в этой комнате здесь и сейчас. Надо перестать прятать голову в песок. Остаться и посмотреть, как убьют ребенка, кого-то, кто выглядел, как ребенок. Но необходимость и желание редко идут рука об руку. Перспектива увидеть эту смерть привела меня в ужас. Явидь поняла это раньше всех. Поняла и отдала приказ, позволяя человеку еще раз отвернуться.

Я вышла, давая себе слово, что этот раз будет последним, что в следующий раз буду смотреть в лицо смерти наравне со всеми. Но в этот момент гордиться тем, что моя кровь чиста, не получалось.

Дети стояли там же, что и несколько минут назад, у корявого ствола березы. Алиса вытянулась в струнку, тело чуть подрагивало, ноздри трепетали, втягивая прохладный ночной воздух. Легенда Зимы чувствовала прошедшую в двух шагах смерть.

— Это был визирг, — не удержалась от упрека я.

Кровь демона не могла не опознать чужую душу в детском теле хотя бы потому, что всегда видела суть вещей, а не их обертку.

— Вы сами велели нам не лезть, — прозрачные глаза дочери сверкнули.

Справедливо, но я неуверена, что мне нравится такая справедливость.

— И еще не раз велим, — из распахнутых дверей корпуса выскользнула Пашка.

— Где книга? — спросил Марк.

— Визиргу велели ее уничтожить, — ушел от ответа вышедший следом целитель. Не вранье, но и неправда. Нечисть в совершенстве владеет мастерством недосказанности. Алиса сморщила носик, Мартын вроде и не лгал, но слишком уж выразительно оттопыривался задний карман его брюк, слишком яркой была желтая обложка.

Убийство много времени не заняло, и за это я была благодарна. Кто бы мог подумать, что наступит день, когда я скажу спасибо за смерть ребенка.

— Значит, вы ничего не узнали? — сына падальщика волновал результат, та ниточка, которая могла вернуть отца.

— Нет, — на этот раз молодой целитель ответил честно, — но мы идем туда, где можем узнать, — видя, как сверкнули безумной надеждой карие глаза, добавил. — Мы идем, а вы остаетесь.

— Но... — мальчишка дернулся.

— Предлагаю сделку, — Мартын с серьезным видом склонился к Марку, — я постараюсь вернуть наших отцов, а ты сохранишь то, что мы здесь оставим.

Парень захлопал глазами.

— Я оставляю здесь брата. Очень маленького беззащитного брата. Она, — кивок на змею, — сына. Ольга — дочь.

— Ага, — подтвердила Легенда Зимы, — очень маленькую и беззащитную дочь, — она выставила палец и полюбовалась на коготок. — Кстати, мама, носки у меня есть, а вот пилочка не помешает.

Я даже не стала укорять ее за подслушивание, бесполезно и как-то глупо. Чувство неловкости серой мышью заскреблось внутри. Моя дочь слышала, что Пашка говорила о Венике. И обо мне. Я не знала, как относиться к тем словам, и не могла представить, как отнеслась она. Но судя по улыбке, шокировать Легенду Зимы не удалось. Она не я. И слава Святым.

— Присмотри за ними, — словно не слыша Алису, продолжал Мартын и протянул Марку ладонь. — Сделка?

Мальчишка подумал и пожал руку целителя.

— Сделка.

Больше всего это походило на договор о намерениях, которые так любят заключать политики. Вроде все правильно, и в душе отклик находит, но исполнять никто не собирается. Одно слово «постараюсь» сводило на нет любые обязательства. Но сын Веника был еще слишком мал, чтобы понимать, насколько сильными могут быть неданные обещания.

— Я сейчас расплачусь, — нарушила торжественность момента Пашка. — Тебе не целителем, а вожатым в лагере для умственно отсталых детей работать.

Братья по артефакту

Я мало где бывала, мало путешествовала. Ездила в детские лагеря, но не дальше границы области, маме так и не удалось выбить нам путевку в легендарный Артек. Куда еще? Дом отдыха, пара экскурсий в Москву, к бабушке на Климовские карьеры, к брату в Переславль, тогда он еще работал, не пил и был жив. К сестре на другой континент не выбралась ни разу, не успела, ушла на стежку. То время вроде бы обычное, человеческое сейчас вспоминалось с теплом. Тогда я знала, кто я.

До Вепревой пустоши добирались верхом, по нашей тили-мили-трындии не проложены железные дороги, да и никакие другие тоже. Вагон покачивался, колеса стучали, рельсы убегали вперед, иногда встречаясь с другими, иногда расходясь в разные стороны. Транссибирская магистраль, как свидетельствовал буклет, выданный в окошке кассы вместе с билетами, и который так и не поднялась выбросить рука, уходила на восток. Северный путь, как его еще называли (поживешь на стежке, поневоле начнешь обращать внимания на такие обозначения), проходил через Москву, Ярославль, Данилов...

Я и забыла, каким успокаивающим может быть стук колес, и каким настойчивым многоголосый гомон продавцов беляшей, шариковых ручек и кроссвордов, которые вытеснили газеты. Мне вспоминались Северный край, Советский спорт, что всегда покупали серьезные дядьки в кепках, и разворачивали сидя на жестких сиденьях электричек.

Галич, Нея, Шарья...

Почти сутки до Екатеринбурга, города в голове той, что перепрыгнула несколько десятилетий, оставшийся по-прежнему Свердловском. Я так и сказала кассирше, покупая билеты, вызвав пару смешков за спиной, и надзирательную, но, к счастью, краткую тираду женщины. В сущности, она права. Слова человека не причинили боли, за ними не последовал рык и удар, приятное разнообразие.

Мы выкупили купе, и явидь проспала всю дорогу на верхней полке, открыв глаза дважды. Первый, когда к нам заглянула проводница с парой дежурных вопросов про белье и чай. Второй, когда я, обеспокоенная ее неподвижностью, встала и подняла руку, но коснуться матраса не успела.

— Оставь, — Сказал Мартын, — Она в спячке.

— Вижу, что спит, — распахнувшиеся медные глаза, в которых не было ни грама осмысленности, закрылись.

— Я сказал в спячке, — парень поднял голову от ноутбука. — Восстанавливает силы, неизвестно с чем придется столкнуться.

Глазов, Балезино, Первоуральск...

Города сменяли друг друга за окном, как хорошо сохранившиеся фотокарточки. Чем-то неуловимо похожие друг на друга здания вокзалов. Светлые стены, часто колонны и обязательно часы, большие и круглые, которые наверняка оглушительно тикали, если бы висели в помещении.

Я пялилась на серую хмарь за окном, считая верстовые столбы, и думала. Никогда раньше никогда так далеко от дома не забиралась. Ни в прошлой жизни, не в нынешней.

— Ольга, — потряс меня за плечо молодой целитель. — Слушайте...

Я захлопала глазами, понимая, что умудрилась заснуть сидя за столом, положив голову

на руки. Небо за окном уже успело расцвести блеклыми красками зари, темные верхушки елей смотрелись упирающимися в небо пиками.

— Слушайте, — у парня в руках был так и «ненайденный» желтый дневник Тура Бегущего. Библиотека земли детей закрылась на неопределенное время. Я почему-то думала, что стяжатель последует за нами, вернее, за книгой, но Пашка и Мартын только пожимали плечами, как бы говоря, вот когда последует, тогда и будем думать.

— Почему ты обращаешься ко мне на «вы»? — я потерла глаза. — Собственно, ты один так делаешь.

— Вы же мать легенды Зимы, — он говорил это, как само собой разумеющееся, — Человеческая игрушка хозяина.

— Впервые слышу, чтобы слово «игрушка» произносили без пренебрежения. Давай на «ты», вроде вырос уже.

— Мне все равно, — отмахнулся парень, — лучше слушай, — и раскрыл дневник и нараспев прочитал, — Аже роздать душу демосу и зяяти в долонь налокотыню павшего, ведати алафу велицею, али Навь кликнуть.

— «Роздать душу деймосу»? — я зевнула, — Тур был заложником?

— Не уверен, прямо он об этом не говорит, только рассуждает, пока ищет свой налокотник — «налокотыню павшего» чтобы получить великую «алафу».

— Или сдохнуть, — вспомнила я слова о Нави, — И как это нам поможет?

— Пока не знаю.

— Тогда я еще посплю?

— Не стоит, через полчаса прибываем.

За его спиной с верхней полки бесшумно спрыгнула Пашка.

Сутки в поезде и два с половиной часа в нашей тили-мили-тряндии. Время штука странная. Люди — разгоняющие нашего мира, у них оно несется так, что иногда становится страшно, зато в глубине время концентрируется, сгущается как сироп, и способно вместить в один день с десятков человеческих. Так мы и отстаем, так и теряемся, когда за три года проходит три десятка и эра черно-белого телевидения сменяется цифровым, а люди начинают говорить так, словно выучили другой язык.

Екатеринбурга я толком не увидела. Это беда всех путешественников, которые чаще запоминают залы ожидания и электронные табло, чем парки и храмы.

Мудрить не стали, взяли на вокзале частника согласившегося отвезти нас в Пустошь. Вернее, в точку на карте, что Март указал высокому мужчине, водившему совсем невысокую ладу.

Города бывают разными ажурными и тяжелыми, открытыми, и похожими на лабиринт. Первый эпитет, который пришел на ум, пока я разглядывала широкие улицы и светлые здания сквозь автомобильное стекло, это — основательный. Не знаю уж почему.

— Уверен, что переход там? — спросила в пол голоса Явидь, — Откуда ты вообще знаешь?

— Прогуглил — усмехнулся Март, указывая на ноутбук, змея фыркнула, — Почти правда, — парень повернулся с переднего сиденья, — Восточное Подгорное внесено в реестр стежек, и все что рядом тоже. Парни стараются, скоро все оцифруют.

Я позволила себе легкую улыбку, безуспешно пытаюсь скрыть недоверие. Да, я научилась пользоваться техникой, компьютерами и интернетом, но не научилась доверять им. Каждый раз, заглядывая в экран планшета, я ожидала, что информация исчезнет, тот

очередной кусок знаний, который смогло отгрызть новое поколение нечисти.

Водитель запросил за вояж хорошую, как минимум завышенную вдвое, цену. Я на его месте, собираясь отвезти трех чудиков неизвестно куда, точно бы завысила, но потом, подумав, еще и умножила на три. А когда привезла на место и получила отрицательный ответ на вопрос об ожидании, как и он, быстренько бы уехала, оставив ненормальных мерзнуть на ветру.

Вепрева пустошь встретила нас промозглым дождем, и бурными, разжиревшими от талой воды ручьями, сходящими со склонов. Если на равнине весна уже согрела землю теплом, пробуждая деревья и мелкое зверье, то здесь в предгорьях Урала еще только сошел снег.

Вокруг, насколько хватало глаз, простирались холмы, пологие склоны, поросшие лесом, начинались сразу за нашими спинами и шли до самого горизонта. И ни одного поселения. В обычном мире Вепревой пустоши не существовало.

Хотя чуть более трехсот лет назад по внешнему кругу Пустошь была вписана в церковные ведомости людей, но до строительства прихода дело не дошло. Просуществовав менее сезона по внутреннему кругу, поселение исчезло, будто бы выкошенное чумой. Так ли это на самом деле проверять не стали.

Но Пустошь все еще была там внизу, в глубине мира.

Тропа, уходившая в неглубокий заполненный туманом овраг начиналась метрах в пятидесяти от того места, где нас высадил водила. На вид обычная тропа, спускающаяся в обычный овраг и почти сразу поднимающаяся, сколько таких на просторах страны, и не сосчитать. Только есть тропы, на которые лучше не вставать, лучше повернуть назад. Вспомнив, что не выключил дома утюг, не запер дверь, не налил коту молока, что угодно лучше, чем пройти по стежке до конца.

По ногам пополз холод, в животе привычно натянулась тревожная струна ожидания. В голове поселился шепот чужих мыслей, которые так легко принять за собственные, и побежать куда глаза глядят, или еще дальше.

Я шла сразу за молодым целителем, замыкала цепочку из трех человек бесшумная явидь. На спине парня подпрыгивал черный рюкзак. На нем я и сосредоточилась. На рельефных швах, на грубой плотной ткани, на чуть поблескивающих молниях. Смотрела и не позволяла голосам приблизиться. А они говорили, уговаривали, угрожали. Но идти, видя перед собой спину Мартына, и знать, что позади неслышно скользит Пашка гораздо проще, чем в одиночку. Мои спутники крепче людей, они не дадут мне сойти со стежки и броситься в безвременье. Это знание, эта уверенность вела за собой не хуже поводка. Я знала, что пройду.

Переход остался за спиной в считанные минуты, пугающие голоса в голове затихли, дурацкие мысли развеялись, как исчезает по утру кошмар, и, оглядываясь назад, ты не понимаешь, почему хотел убежать, закричать и проснуться.

В нашей тили-мили-трындии холодная изморось превратилась в монотонную стену дождя. Первый дом виднелся сквозь нее размытым пятном, где-то вдалеке раздавался тоскливый вой. До троих незнакомцев бредущих по стежке ее жителям не было никакого дела. Мы прошли из одного конца села в другой, не встретив ни одной живой или мертвой души. Лишь дома, наполняющиеся водой из стоков бочки, немые стекла окон и грязь под ногами, где-то в стороне на ветру монотонно скрипела калитка. Начало даже закрадываться нехорошее предчувствие, но, как оказалось, жители никуда не ушли. Они собрались в одном

месте на северной околице села.

Собрались по достойному поводу. Чуть в стороне от дороги, где заканчивалась ломаная линия домов, начинался выложенный золой и солью круг — лобное место с потемневшим от крови каменным алтарем.

Ни один не остался дома, ни один не решился переступить соляную черту. Ни один кроме палача и его жертвы. Очередной вой, от которого все внутри перевернулось, спугнул одинокую ворону, в небе захлопали черные крылья.

Жертвоприношение или казнь? Отличия были существенными. В том, что ты жертва твоей вины не было, и в идеале выбором низших надлежало гордиться. Но жизнь, как правило, далека от идеальной. На деле на алтарях ничего достойного не происходило.

Мартын растолкал нестройный ряд нелюдей и вышел к соляному кругу. Никто даже не подумал обернуться. Все как загипнотизированные смотрели на происходящее действие. Даже я, замершая за спиной целителя, не смогла оторвать глаз.

По бледной коже распластанного на камне толстого мужчины скатывались холодные капли дождя, смешиваясь с алой кровью. В его наготе не было ничего привлекательного, пухлое тело вздрагивало под ударами палача. В отличие от людских палачей прошлого и настоящего нечистый делал это с открытым лицом. И делал с удовольствием. Атам поднимался и опускался. Мужчина на алтаре еще был достаточно жив, чтобы кричать.

Я зажмурилась, но это не помогло, видение человека, которого режут на части, отпечаталось на сетчатке.

Остальные трепетали. Даже те, кто пришли со мной, с жадным любопытством вглядывались поверх голов в чернеющий круг. По лицу явиди побежали очертания чешуек. Меж губ скользнул раздвоенный язык, словно пробуя на вкус воздух, смакуя болезненный крик. Прерывисто вздохнул Мартын, его глаза вспыхнули зеленью.

Стоящая ближе всех ко мне женщина повернулась. Расширенные зрачки, вместо рта зубастая темная щель. Ноздри втянули воздух, словно хотели вобрать в себя мой запах, запах человека.

— Что он сделал? — спросила Пашка, протискиваясь меж нами, слова перемежались с шипением, двойные зрачки явиди горели медью.

— Из-за него издох устаток^[3], — отрывисто бросила та, что выглядела как неопрятная баба лет сорока. — Род лихачей прерван. Орол платит по счету низших.

Орол, он же «крикун». Он не кличет смерть, как карка. Он крикун в буквальном, а не в переносном смысле. Тот, кто силой голоса заставляет сходить лавины и сели. Тот, от чьего крика рвутся барабанные перепонки, лопаются, вытекая глаза, разрываются сердца и выплескивают кровь артерии. Низшая и очень опасная нечисть. Первым же удар атама выпил из голоса орола силу, оставив ему лишь боль и отчаяние. Но он все равно не мог молчать. Никто бы не смог.

— Староста где? — спросил Мартын.

Женщина указала на мужчину в центре круга, на раздетого по пояс палача, чью кожу украшала алая роспись кровью, на того, кто, улыбаясь слизывал ее с собственных пальцев. Провожаемое десятками глаз лезвие поднялось в очередной раз. И опустилось. Толпа охнула, подаваясь вперед. Мужчина повернул атам в ране и движением от себя вспорол толстое трясущееся словно студень брюхо. Живот лопнул, как переспелый арбуз, на камень вывалились сизые потроха, над которыми в холодном воздухе за клубился пар. Орол захлебнулся криком, тело задрожало в агонии и замерло.

Тягучий миг над пустошью царила тишина, а потом нечисть встрепенулась. Кто-то что-то сказал, кто-то засмеялся, кто-то застонал.

— Не зевай, — Пашка толкнула меня в плечо, указав на идущего вдоль линии круга целителя.

Я стиснула зубы и направилась следом, глаза то и дело возвращались к влажному от крови и дождя камню, к неподвижному телу на нем. Палач переступил соляную черту, перекинулся парой слов с седоватым старичком в клетчатой рубашке, хлопнул по заду замешкавшуюся женщину. Высокий мужчина с перекатывающимися под кожей мускулами, с темными волосами, пронзительными голубыми глазами и ленивой улыбкой. На вид чуть больше сорока, из той породы мужчин, что нравятся всем женщинам без исключения. Из тех, кто обладает первыми красавицами и заставляет таких, как я кусать от зависти подушку.

— Рад видеть, — палач протянул парню руку, от улыбки на щеках обозначились ямочки, в лице появилось что-то знакомое, в чертах, в линии губ, глядя на него, мне вспоминался экран черно-белой «Радуги» и лица актеров. — Гости в Пустоши редки.

— Эээ, — молодой целитель пожал широкую ладонь, и от чего-то смешался. — Я... мы...

— Мы идем по следам Тура Бегущего подвиз с севера, — оттеснила пасынка змея.

— Низшие в помощь, — улыбка осталась такой же безупречной, даже когда он посмотрел на меня.

— Вообще-то мы рассчитывали на вашу, — Пашка по-змеиному оскалилась.

— В своих странствиях, — Мартын торопливо открыл рюкзак, достал желтую тетрадь, — Он бывал и у вас, — парень зашуршал страницами, — «Стёжка на двадцать дворов».

— Ну, уже давно по боле, — мужчина поймал кинутое кем-то полотенце и стал вытирать шею, на мягкой светлой ткани оставались краснокирпичные полосы — Так что вы хотите от меня?

— Он останавливался тут на ночлег, может, вы знаете у кого? — спросила я.

— Откуда? — мужчина отбросил покрасневшую тряпку в сторону, — Я тогда еще не родился.

И в этот миг, когда улыбка палача стала нарочито сочувствующей, лежавший на камне орол шевельнулся. Вдохнул, хрипя, словно старый засорившийся пылесос, и заорал. Почти беззвучно, так же как умирающий старик на Заячьем холме.

Мое сердце заколотилось, воздух никак не хотел наполнять легкие. То, что я видела, было за гранью понимания, за гранью добра и зла. Липкие кишки елозили по земле, собирая черную золу, а он продолжал цепляться за жизнь.

Конечно, они об этом знали, потому и не торопились покидать лобное место. Сюрпризом это стало лишь для человека.

— У нас обширная программа, — то ли похвастался, то ли предостерег палач.

— Тогда не будем отвлекать, — Пашка с сожалением отвернулась от алтаря, и легонько толкнула Мартына. — До заката как раз успеем в Подгорный.

Целитель заморгал, словно пробуждаясь от сладкого сна, в котором продолжала литься кровь, и слышались стоны. Не будь с ними человека они бы остались.

Змея слышала стук моего сердца, чувствовала панику, загнанной птицей бьющуюся в голове. Она знала, как хрупко человеческое самообладание. Если сорвусь и побегу, они не смогут противиться инстинктам, они кинутся за добычей. Не исключено, что целитель и

завидь присоединятся к охоте. Именно поэтому меня так долго не пускали в *fili de terra*. Дети контролируют себя куда хуже взрослых, а я так долго училась не быть добычей, не чувствовать себя ею.

Но иногда даже этого было мало. Как сейчас. И Пашка отступала, а закинувший на плечи рюкзак целитель следовал. Пусть с сожалением. Это было сродни оттаскиванию падальщика от свежего трупа, тяжело и бессмысленно. Но именно эта бессмысленность и происходила.

Никогда этого не забуду, потому что дружба — это не всегда бой плечом к плечу, это еще и отступление, тогда как хочется искупаться в крови.

Я вспомнила восторг, когда лезвие входило в тело бессмертника, вспомнила теплую искру жизни, перетекающую в руку из атама. Сердце сладко заныло. Отчасти я их понимала, и это пугало.

— Вы идете в Подгорный? — хорошее настроение старосты испарилась вмиг.

— Да, — парень снова раскрыл книгу, — Тур Бегущий провел ночь и там.

— Святые, — улыбка старосты превратилась в гримасу, — вы смеетесь надо мной?

Вопрос улетел в хмурое небо и остался без ответа. Рука орола стала конвульсивно подергиваться, пальцы заскребли по алтарю, словно желая поцарапать камень. Его внутренности лежали отдельно от тела, на лице не хватало части кожи, а он не умирал.

Земля и небо качнулись, но я устояла, хотя убежать захотелось сильнее, чем в переходе.

— Тогда мы можем помочь друг другу, — взгляд голубых глаз палача переместился на Пашку, теперь он был серьезен.

— В чем? — она говорила чуть насмешливо.

Я заставила себя не думать об алтаре. Не смотреть, а слушать.

— Двадцать часов назад, — стал рассказывать мужчина, — Охотник загонял последнее лихо на сотню верст вокруг. Оба спустились сюда и столкнулись с оролом, — краткий взгляд на алтарь, — Но от его крика растекся не защищенный амулетами чужак, а остаток лихого рода, шальной, необученный, его родители лишились голов еще в первую свалку с Видящим.

Целитель пожал плечами и захлопнул книгу. Таких историй в северных, да и в любых других пределах без счета. Войны вспыхивали и затихали, дети рождались, родители умирали, и не всегда в свой срок.

— Охотник ушел, — в голубых глазах старосты сверкнул гнев, — Его взяли восточники из Подгорного.

— Взяли ветра — охотника? — засомневалась я, — Тогда им никто уже не поможет.

— Человека, — припечатал палач.

Слово упало, как немой укор. Иногда такое случалось. Кто-то из людей в силу обстоятельств получал информацию о нашей тили-мили-тряндии, о ее обитателях.

У таких было три (замечательное число, не правда ли?) пути. Первый — сделать вид, что ничего не было, и жить дальше. Ему следует большинство. Второй — прийти в неистовство от открывшихся перспектив и нырнуть в омут с головой. Примерно четверо таких закладывают душу и вливаются в наш дружный коллектив. Шестеро из каждого десятка исчезают. Возможно, уходят в безвременье, а, возможно, волки что-то недоговаривают.

Есть и третий, самый трудный путь, для твердолобых и отчаянных. Из добычи превратиться в охотника. На тот короткий срок, пока везение будет на вашей стороне. Может, удастся очистить мир от лиха, орола или даже падальщика. Пока ваши благие цели

не привлекают внимания тех, кто человеку не по зубам — лгунов, ведьмаков, изменившихся, нелюдей или ветров — охотников. На этом карьере истребителя нечисти можно считать оконченной.

Это и произошло с безмянным охотником. Старосту расстраивало то, что точку поставят восточники, а не он сам.

— Может быть, вы сумеете подобраться к нему, — глядя в сторону, стал рассуждать палач, — Мои все на виду, рожи успели примелькаться, а вы чужаки.

— Может быть, — осторожно ответила явидь.

— И, может быть, вы, совершенно случайно, обозначите его местонахождение указующим амулетом, — мужчина нагнулся, подобрал обычный серый камень, такие сотнями валяются в пыли.

Темные глаза вспыхнули, перед нами стоял не обычный палач, на нас смотрел ведьмак, наделенный властью как над живой, так и не живой материей. Камень на секунду раскалился докрасна, и с едва слышным шипением остыл.

— Взамен я узнаю, у кого останавливался этот ваш Тур, и каким тропами шел.

— Узнай, — Пашка подставила ладонь, и на нее упал ставший серым и неприметным камешек. — Мы тоже по сторонам внимательно посмотрим, но если не получится, не обессудьте.

— Не обессудим, — на лицо мужчины вернулась улыбка. — Какие обиды между земляками.

Подгорный мы увидели и слышали издалека. Дым печных труб, уходящий в небо, шум моторов, хорошо накатанная дорога. Даже я не прошла бы мимо, не то что нечисть. Несколько грузовых фур стояло на обочине, водители что-то обсуждали на повышенных тонах. И пусть основным языком востока были различные смеси китайских диалектов, здесь в центре континента все еще главенствовал русский, пусть и на стежке Простого демона.

Назвать Подгорный селом язык не поворачивался, по площади он был больше чем Заячий холм, если все его изгибы растянуть на плоскости, а по застройке плотнее чем наше Юково. Уже не деревня, а маленький городок. Необычно для линейной стежки, хотя если представить, сколько товаров через нее проходит, ничего удивительного.

Второй деревянный домик со старомодной вывеской «Трактир» оказался придорожным кафе. Чай, зелья, яды, закуски, глаза, нанизанные на нитку, консервированные мозги, сушеные суставы без уточнений о происхождении. Но среди водителей попадались обычные работяги, потому меню разнообразили чебуреками, быстро завариваемой лапшой и прочей гадостью, которой питаются люди.

Спрятавшись от дождя, мы взяли горячего чая и устроились за резным под старину столом. Если бы не девушка с мохнатыми бровями, приветливо обнажившая клыки из-за стойки, можно легко представить, что это обычная человеческая забегаловка.

Я смутно представляла, зачем мы явились сюда спустя несколько столетий. Кому мог запомниться путешественник, остановившийся на стежке на одну ночь, а потом снова ушедший в горы? К сожалению, ни к чему другому привязать произошедшую накануне «нехорошую ночь» мы не могли.

Мартын раскрыл тетрадь, и стал перелистывать страницы.

— Мы знаем, что на ночь он останавливался у гвоздаря, — задумчиво поднял кружку с чаем парень.

— А гвоздарь — это? — спросила я.

— Кузнец, — Пашка понюхала напиток, скривилась, но отпила чуть-чуть. — Как думаете, он жив?

— Если нет, то его сын точно, или внук, — ответил молодой целитель.

— Которые о «нехорошей ночи» даже не слышали, — вздохнула я.

— Что скажешь? — обернулась девушке за стойкой явидь. — Есть в Подгорном гвоздарь?

— Вам почто? — ответила та. — Зубья стерлись что ль? Или оградку заказать надумали?

— Оградку, — кивнула Пашка, — тебе подарим.

Незнакомка зарычала, хлопнула входная дверь, новый посетитель рассмеялся.

— Спасибо бы сказала, Вирка. Низшие не велят подарками пренебрегать, — пожилой почти лысый мужчина без спроса уселся за наш столик, — Я смотритель и летописец Подгорного, — он по очереди посмотрел на явидь, на меня, на парня, темная кожа на широком лбу собралась складками — Надолго ли к нам? Интересно по долгу службы.

— Будет зависеть от вас, — ответила змея.

— Гвоздарь живет за первым поворотом к югу, третий дом с кованными цветами вместо решеток, — улыбнулся смотритель. — Еще что-то для дорогих гостей?

«Чтобы вы убрались побыстрее со стежки» — невысказанные слова повисли в воздухе повисло в воздухе.

— Почему нет, — явидь кивнула мартыну.

— Мы идем по следу Тура Бегущего, — сказал молодой целитель.

— Плохой след, — нахмурился старик.

— Вы его знали? — удивилась я.

— Видел, — дед перевел взгляд в пространство. — Послушайте моего совета, не суйтесь к Илие с этим, — он указал на дневник в руках у целителя.

— Почему? — нахмурился парень.

— Потому что после ухода постояльца с желтой тетрадью его единственная дочь Алика понесла.

Я почесала нос, парень допил чай и поставил кружку, особого впечатления новость не произвела. Это же нечисть, тут за неверность, или беременность «в девках» никогда камнями не забрасывали.

— Мое дело предупредить, — смотритель встал. — Неприятностей с северниками мы не ищем, но если уж припрет, прятаться не станем.

Предупреждению мы не вняли, и уже через десять минут стояли перед домом с ажурными кованными решетками. Желтая тетрадь была предусмотрительно убрана в рюкзак. Ворота, пристроенного к дому, гаража открылись, и мы увидели гвоздаря.

Позади кузнеца там, где должна стоять машина располагалась мастерская. Пылала жаром печь, в длинных мускулистых руках кузнец держал отнюдь не кузнечный молот, а рычаг современного механического пресса. Шишковатый череп повернулся в нашу сторону. Одного взгляда хватило чтобы понять, почему Илие не стоит напоминать о визите Тура Бегущего. Он был робазом. Родами погибла его мать, его жена, а вот теперь и дочь. Ее убил плод, что оставил в ней путешественник, остановившийся в его доме на ночь. Еще один род, принимающий смерть от своих детей либо при рождении, либо после их совершеннолетия.

Дочь не доросла до того, чтобы поднять руку на отца, но успела зацвести для мужчины — вполне.

— Убирайтесь, — высказался Илия снова повернувшись к прессу.

— Уже предупредили, — процедила змея и без всякой опаски зашла в мастерскую.

— Не буду говорить о Бегущей твари. Судьбу переписать надумали? Без меня — робаз опустил пресс в форму. — Заявится Тур, шею сверну.

Я видела робаза второй раз в жизни, и в отличие от работающего у Седого в гараже, этот был образцом красноречия.

— Да низшие, в помощь, — криво улыбнулся целитель. — Мы тоже не особо хотим о нем говорить.

— Расскажите о нехорошей ночи, — попросила я, откидывая мокрые волосы назад. — Той, что была накануне.

Пресс с шипением поднялся, длинные обезьяньи руки напряглись и разжались.

— Бывают такие ночи, мало ли, — пробормотал Илия, — Сны дурные налетят и сгинут.

Я вошла следом за змеей. Илия посмотрел на меня маленькими темными глазками, нахмурился и по-звериному тряхнул головой. Но спрашивать, о том, что в компании целителя и нелюдя делает человек, не стал.

— Ночи? — услышала главное змея, — Ночь, когда деревья шагнули вперед, была не одна?

— Уходите, нечо бабские сказки повторять, — кузнец вытер руки и потянулся к висящему на стене молотку, разных железок вокруг висело в избытке. — Не то пески вернутся. Ну, — он повысил голос, — Пошли прочь!

— А вот это уже интересно, — целитель оглядел пустынную улицу, вопреки всякой логике разговор с кузнецом вызвал в нем воодушевление. — Вы слышали, ночь была не одна?

— Не глухие, — проворчала Пашка, — Что он имел в виду, говоря, что пески могут вернуться? — в первый раз я видела как ей не по себе. — Это ведь магия Простого демона.

— Логично, вы не находите? — остановился парень, подбирающееся к горизонту солнце сделало его кожу смуглой, и словно бы припорошенной пылью. — У кого собрано больше всех артефактов ушедших? Кто чаще других брал их в руки?

— Да-да, мы поняли, — перебила явидь. — Предпочитаю не связываться с магией хозяев. Не хочу превратиться в человека. Не обижайся, — она посмотрела на меня.

— Песок есть везде, — кивнул целитель. — А песок Простого забирает нечистые силы одним касанием.

Пашка переступила с ноги на ногу, словно ходьба по восточным землям доставляла дискомфорт и, приняв себя, вдруг присела, проводя пальцами по влажной черной земле.

— Здесь прошел человек.

Я сделала шаг назад, оставив влажный отпечаток.

— Да не ты, — отмахнулась змея. — Мужчина, не более суток назад. Один, без конвоя.

Только нелюдь могла почувствовать смытый дождем след, взять который не смогла бы и собака.

Я вспомнила, просьбу старшего Пустоши, ему не понравилось, что охотника взяли восточники. Но, по словам змеи, человек был более чем свободен. Сколько у них тут людей бродит?

Опытные, не в первый раз доставляющие грузы, водители предпочитали проезжать, а не проходить стёжку. Видимо, деньги были важнее отсутствия ночных кошмаров.

— Предлагаете заняться просьбой старосты? — спросил целитель.

— Всяко лучше, чем соваться в дела Простого, — кивнула Пашка. — Хотя, палач лукавил, он не станет выяснять, у кого останавливался Тур Бегущий в ту ночь.

— Почему? — спросила я.

— Потому что он и так это знает, — ответил целитель — Хотел нас на крючок подцепить. По его словам, в те времена он даже не родился.

— Вранье? — уточнила я.

— Нет, — фыркнула змея. — Но год, когда Тур бродил по горам, не мы не называли. Он знал его сам.

Планом Подгорное напоминало не расческу, как наше Юково, а скорее решетку для гриля. Мы шли прямо, потом два раза свернули направо, пока не уперлись в тупик. На первый взгляд глухой, но явидь, раздвинув ветви кустов, растущих вдоль дороги, прошла дальше не останавливаясь.

Мы выбрались к широкому деревянному срубам, больше похожему на общественную баню, нежели на жилой дом. Узкие оконца, серый дым из трубы.

В Подгорном построек с печным отоплением больше чем в Юково. К примеру, в моем доме, труба носит декоративный характер, а комнаты отапливаются от электрического котла. Я за него даже не плачу, как и за все сворованное у людей вроде интернета или газа. Вопросов, как это устроил старик, никто не задавал. Времена, когда я переживала за коллективную собственность давно прошли.

Теплый золотистый цвет бревен, широкое крыльцо, на котором, наверное, так приятно сидеть летними вечерами. Хозяин открыл дубовую дверь, не дожидаясь пока мы поднимемся и постучим.

Он смотрел на троих незнакомцев без улыбки. А жаль, она ему так шла.

Темные волосы, темные глаза, рельеф мышц под чёрной водолазкой, волосы чуть покороче, складка у рта чуть глубже, но в остальном... На восточной стёжке в доме, куда привел нас след человека, стоял староста Вепревой пустоши. Или кто-то нереально на него похожий. Как брат близнец.

Ошеломленное молчание было столь же осязаемо, как и влага, стоящая в воздухе. Солнце за нашими спинами готовилось нырнуть за склоны, максимум через час станет совсем темно.

— Привет, — поздоровался Мартын.

— Собак спущу, — ласково пообещал мужчина.

— Сделайте одолжение, — предельно вежливо ответил молодой целитель, наверняка таким тоном он отвечал на вопросы учителей, и его глаза вспыхнули светлой зеленью, — Давно мне таких подарков не преподносили.

За спиной мужчины вырос еще один силуэт. Я испытала непреодолимое желание протереть глаза. Этот был моложе, не старше двадцати пяти — тридцати лет, со светлыми карими глазами и длинной челкой, но семейное сходство не заметил бы только слепой.

— Отец, не надо. Я сам разберусь, — взгляд молодого мужчины пробежался по парню, явиди и остановился на мне.

Тот, кто давно живет на стёжке, волей-неволей учится наблюдательности. Пусть

разобраться в низших родах трудно, но отличить нечисть от человека может каждый, главное, научиться видеть.

Мы с молодым мужчиной посмотрели друг на друга, люди тоже иногда обходятся без слов.

— Черта с два, — выдохнул его отец. — Их послал Ксьян, так что...

— Проходите, — перебил молодой распахивая дверь. — И, кстати, собак у нас нет.

— Их нигде нет, — пожала плечами змея, заходя в дом.

С угрозами надо быть осмотрительнее, собаки, как и комары в нашей тили-мили-тряндии не прижились, кроме гархок, конечно.

Уютный мужской дом, вряд ли чувствовавший женскую руку. Пыльное чучело совы в прихожей и оленьи рога. Но, слава святым, обошлось без отрубленных голов на стенах. Стены обшиты светлым деревом, коричневый диван, письменный стол, стул, абстрактная картинка на стене и нереальная для мужского жилища чистота.

Чай или кофе в нечистых домах предлагают лишь в одном случае, если желают подсыпать яд.

— Передайте Ксьяну, что он может засунуть свое предложение в зад. Я не продаюсь, — обошелся без атрибутов вежливости хозяин.

— Так и мы не торговые представители, — явидь подкинула на ладони серый дорожный камешек.

Мужчина проследил за полетом указующего амулета, темные глаза сузились.

— Влад, выйди! — скомандовал он сыну.

— Но...

— Выйди, я сказал.

Его сын дернулся, но протестовать вслух не стал. Дверь за человеком, по капризу святых, приходящемуся мужчине сыном закрылась.

— Ему нужен Влад, — хозяин дома не спрашивал, он утверждал.

— Ничего удивительного. Он охотился в Вепревой пустоши, охотился на ребенка, — молодой целитель отвернулся.

— Но никого не убил, и даже не покалечил.

— Назови другую причину, — Пашка еще раз задумчиво рассмотрела камушек и убрала в карман.

— Люди, товар скоропортящийся. Шаг вверх по стёжке и выбирай на свой вкус, — поморщился мужчина.

— Но нужен конкретный человек, — сказала я, — твой человек.

— Не понимаю, — развел руками мужчина, — К чему вам — нелюдю и целителю, пусть пока серому, менять судьбу, свой род? Куда уж выше? Что вас не устраивает? Ей, — он указал на меня, — все равно не помочь!

Я проигнорировала и его недовольный взгляд и слова. Странные слова, так не вязавшиеся с эмоциями. В то время как чувства кричали, что вот сейчас, еще немного и все встанет на свои места. И я пойму разрозненные намеки, что вертятся в голове, как забытое слово на кончике языка.

— Эм, — клацнула зубами Пешка, — Ты о чем, ведьмак?

— Гвоздарь тоже говорил что-то о судьбе, — нахмурился Мартын и полез за желтой тетрадью.

— И вы еще будете меня уверять, — увидев дневник подвоя, хозяин дома прикрыл

глаза, — что пришли не за судьбой Даже дед понял, а он умом не блещет.

— Вы сын, родившийся у дочери кузнеца от Тура Бегущего, — сообразил целитель. — А Ксьян?

— Я слышу одну и ту же кровь бегущую по венам, — оскалилась змея.

— Она и есть одна. Молодой и здоровый подвий останавливался не только в Подгорном, и не только у кузнеца была дочь.

— Вот тебе и овечье одеяло, — пробормотала я.

— То есть ваш брат настолько соскучился по племяннику, что жаждет встречи на алтаре, — заключила Пашка.

Мужчина замолчал, и это молчание было красноречиво. Дело было не в человеческом охотнике, вернее, не только нем. Иначе, того бы уже давно отловили, слишком уж разные у них с северным «дядей» весовые категории. Если задуматься, староста Пустоши не просил нас поймать охотника или вывести за пределы стёжки, он всего лишь просил обозначить его местоположение сигнальным артефактом.

Так что имело значение? Человек? Его отец? Или этот дом, который в отличие от хозяев убежать не может?

— У кого Тур Бегущий так плодотворно остановился в Пустоши? — спросила я мужчину.

— Сообразила, — криво улыбнулся мужчина, — У изменяющегося. Он на эту забытую святыми стезжу, один такой был. Теперь ты понимаешь...

— Что вы храните в этом доме? — перебила я хозяина дома. — Оно стоит жизни вашего сына?

— Нет, — рык исказил лицо мужчины. — Не стоит. Уходите. Хотите — деритесь. А Ксьяну передайте, сунется — выпотрошу. Ясно? Камешек можете оставить, он не мне, не моему дому вреда не причинит, — мужчина взмахнул рукой, пальцы сжались в кулак, стоящий у стола стул опрокинулся на пол, ведьмак давал понять, чем обернется для нас дальнейшее пребывание в его доме.

— Классно поговорили, — шипела змея, улица уже была темна, свет в окнах домов ложился на дорогу размытыми прямоугольниками. — Люблю задушевные беседы, особенно когда оппоненты настолько близки, что обходятся одними намеками.

— Мы здесь никто. Ни сказать, ни приказать, ни заставить, прикрываясь именем хозяина. Прогоняют — уходи или дерись, — простая истина возмущала и озадачивала молодого целителя.

— Эти ведьмаки из Пустоши и из Подгорного братья по отцу, — сказала я.

— Спасибо, святая Ольга — заступница, вразумила, — Пашка изобразила шутовской поклон, впечатление портили лишь выскочившие черные когти. — Плевать мне на их родство. Что тут во имя низших твориться? Очередная версия Монтеки и Капулетти? Санта Барбары? Рабыни Изауры? Династии? Супермена?^[4]

— Он то тут при чем, — буркнул парень, последнее предположение почему-то его обидело.

— У ведьмака в доме что-то хранится... — стала объяснять я, но Пашка обхватила мои плечи с такой силой, что следующий вдох дался с трудом, не дружеский жест, а борцовский захват.

— За тобой идет человек, — прошипела она в ухо и потащила меня вперед. — По

соседней улице. Тот, кого якобы взяли восточники, кто якобы охотился на лихо.

— Точно за мной? — переспросила шепотом я.

— Ага, — улыбнулся Мартын, — За тобой. Его взгляд сверлит твою спину. Неужели не чувствуешь?

— Чему радуешься? — явидь увлекла меня в переулок. — Разворошили осиное гнездо.

— Так и прекрасно, — продолжал веселиться парень, — Пусть проявят инициативу. А мы посмотрим, что из этого выйдет.

Пашка оскалилась и торопливо зашептала:

— Идешь по улице до первого поворота, сворачиваешь направо, и оказываешься на Центральной. С нее не сходи, чтобы не случилось. До кафе, в котором мы сидели от силы два квартала.

— Дай охотнику шанс, — добавил молодой целитель, — Соглашайся на любое предложение, там разберемся, надо оно нам или нет.

— Повторяю со стежки не сходить, — снова стиснула меня Пашка, — Будешь ждать в кафе, сиди хоть до утра, но по темени не шастай, тут тебе не север. Поняла?

— Да.

— А чтобы не заснуть ненароком, — глаза целителя вспыхнули светлой зеленью, я почувствовала, как по телу поползли мурашки, прогоняя усталость и наполняя мышцы силой.

— Святые! Что отец, что сын. Хоть бы предупреждали, что ли, — я встряхнулась, чувствуя, как могу пробежать несколько километров без остановки. — Сами, что делать будете?

— Смотреть со стороны. Оттуда всегда лучше видно, — змея подмигнула, достала из кармана указующий камешек и протянула мне, — Может, ничего и не будет, и охотник пойдет своей дорогой. Но если нет, стоит его пометить.

— Не хочу сдавать человека палачу.

— Этот Влад тебе никто, поняла? Посмотрим, как запоет его отец, когда сынок окажется в любящих руках дяди. Если не он, так прадед вспомнит о «нехорошей ночи», — Пашка вложила амулет мне в ладонь. — У нас есть цель, не забыла? Юково.

Я сжала пальцы вокруг прохладного камня.

Влажная земля мягко пружинила, дыхание вырывалось рваными облачками пара, ночью на стежке похолодало. Дождь продолжал накрапывать, мелкий, надоедливый, неприятный. Капли затеками под воротник и охладили кожу.

Я шла, поминутно оглядываясь, вслушиваясь в каждый шорох, вглядывалась в каждую тень. И почти успела пожелать, чтобы шедший где-то позади человек решался хоть на что-нибудь: либо на разговор, либо на удар.

Но все же когда, вынырнувший из бокового переулка мужчина схватил меня за руку, я испугалась, не удержавшись от вскрика.

Со стороны смотрелось наверняка презабавно. Идут двое, мужчина и женщина, держатся за руки. Внутри меня все подрагивало от предвкушения и странной иррациональной неизвестности. Не страх, а лишь его преддверие. Я знала, что-то случится, и даже почти ждала этого. Так мы и шли несколько минут, не расцепляя рук, и бросая друг на друга косые взгляды.

— Как тебя увидел, сразу все понял, — заговорил, наконец, Влад.

«Ну, хоть кто-то» — мысленно ответила я, продолжая идти рядом.

— Ты человек, — он говорил так, словно это объясняло весь тот бред, что происходил вокруг, — Вместе мы сделаем это. Ты север, я восток. Соберем артефакт, и станем, — я почувствовала пожатие пальцев, — не слабыми людьми, не низшей продавшей душу нечистью, а высшей знатью, — он зло рассмеялся, — И тогда упыри умоются кровью.

По его телу прошла дрожь предвкушения и по руке предалась мне.

— Значит, то, о чем все говорят, то, что меняет судьбу, существует? Артефакт? — спросила я.

— Не просто артефакт, а вещь ушедших.

— И хранится он в доме твоего отца?

— Часть. А часть у Ксьяна, его разделили.

— Ты поэтому там охотился? Чем тебе маленькое лихо не угодило?

— Да ничем. Пусть не валят с больной головы на здоровую. У нас с лихачем был договор, да только Ксьян пронюхал, орола этого толстого на нас натравил. Меня защищают амулеты отца, — невзирая на дождь, он отогнул воротник куртки, показывая связку разноцветных подвесок на толстой цепочке, — А мальцу башку снесло.

Интересная картина, особенно если учесть, что орола староста сам и казнил. Напрашивающийся вывод прост, чтобы не хранилось у ведьмаков — это секрет. И ради его сохранности будут убивать.

— По отдельности части не работают?

— По отдельности это мусор, — он улыбнулся. — Предлагаю сделку, ты достанешь часть у Ксьяна, я у отца. Согласна?

— Предположим.

— Никаких предположим. Просто сделай. Ведь тебе не надо объяснять, что поставлено на карту.

«Нет, не надо. И неважно, что здесь происходит, мое дело — Юково».

— Сделаю. Куда принести?

— В хижину Охотника это на южном склоне Сосновой, иди от стёжки к югу по самой широкой тропе, не промахнешься — он остановился и заглянул в лицо, глаза стали серьезными, — Завтра на закате.

— Хорошо, — как велел целитель, согласилась я, — Только уж извини, страшно, — и это было правдой, — брать в руки принадлежавшее святым. Какова цена касания?

— Цена не для тебя. За полученную силу ответят другие. За силу рода, род и расплатиться, — от улыбки вокруг карих глаз собрались морщинки, — Артефакт вытянет силу из будущего. Из потомков. Из детей. Как думаешь, почему я такой? Чем в свое время воспользовался отец?

— Дети? — внутри что-то дрогнуло, — Артефакт заберет силу детей и передаст нам?

— Посмотри на это иначе — совсем необязательно их заводить.

— Ну а если... — я запнулась, — Ты уверен, что у тебя нет детей?

— Ну, — Влад усмехнулся, — Почти.

И именно увидев эту усмешку, я приняла решение.

— Твой отец сказал, что человеку артефакт не поможет.

— Он не знает наверняка, — Влад приобнял меня за плечи, как старого друга, и все это, потому что я человек, посторонний незнакомый, но человек, — Ты в деле?

— Да, — коснувшись влажной куртки, я разжала ладонь, и камешек скатился в широкий

карман охотника, — Будь уверен. Только вот...

— Что?

— Твой прадед — кузнец, грозил нам песками, и о нехороших ночах говорил. Я мало что поняла, прости, но оставаться совершенно не хочется.

— Брось, плохие ночи не так часты, как квохчут старики. Да они опасны для людей, — я подняла брови, — Но не бойся, отец предупредит, всегда меня предупреждает, а я тебя, — мужчина достал телефон, — Диктуй номер.

Я продиктовала. Теперь мы могли предостеречь друг друга, или завести в ловушку.

Ночь я провела в кафе, ловя на себе усталые, удивленные или плотоядные взгляды водителей. Выпила литра два чая и десять раз сбегала в туалет. Получила три неприличных, два льстивых и одно непонятное предложений.

Ни Мартына, ни Пашки так и не дождалась, звонки на мобильники проходили, но трубку мои спутники брать отказывались. Девушку за стойкой бара сменила полноватая женщина с синими волосами, я купила горячий бутерброд с неизвестным мясом, и от меня отстали еще на какое-то время.

К тому времени как над лежащими на горизонте горами поднялось красное солнце, я поняла — никто не придет. Осталось решить, что делать дальше. Целитель и змея могли как выследивать Влада, так и сидеть в подвале у его отца. В этом случае я ему не завидовала.

Выбор невелик: слоняться по Подгорному или исчезнуть, третьего, как говорится, не дано. Единственное место, куда можно пойти, лежало в паре часов ходьбы на запад.

Допив очередную, не помню, какую по счету, порцию чая, я встала, пригладила высохшие волосы и вышла. Из трактира. Из Подгорного. Из стёжки. Из восточных пределов.

Дождь кончился ночью, под скупым утренним солнцем земля просыхала медленно и неохотно. Не скрываемая больше завесой дождя Вепрева Пустошь выглядела неприветливо, особенно по сравнению с Подгорным. Черные, какие-то подгнившие дома, лужи, грязь и пустота. Тут праздных прохожих не бывает, а все свои на учете.

От напряженных взглядов горела кожа. Это и имела в виду явись, когда просила не шататься в одиночку. Я словно отмотала время назад, вернулась в свой первый час на стёжке, первый день, первую неделю, в то время, когда каждая прожитая минута казалась достижением.

Тетка с замотанной красным платком башкой и колючими глазами огрызнулась, но все же указала мне на дом измененного. На дом, в котором он когда-то жил. Раз еда сама идет к столу, мешать ей у нас не принято.

На выгнутых досках крыльца влага собралась в лужицы, в которых плавали размокшие ветки, ошметки коры, рваными кусками валявшейся тут же. Улыбчивый староста был дома, и даже постарался не очень удивиться моему визиту без спутников.

Его дом был полон книжных полок и затертых фолиантов, пыли и запахов. Ароматов мокрой псины и шерсти. Дом Изменяющегося, того, кто превращается в животное. И как интересно у волка в семье родился человек?

Я присела на краешек накрытой ковром софы. Мужчина отдернул занавеску и на меня упал тусклый утренний свет. Судя по всему, палач даже не ложился. Я посмотрела на его мятую рубашку и, вздохнув, заговорила.

— Варианта два, — выслушав меня, ответил Ксьян, — Либо твои спутники загуляли,

либо съедены восточниками.

— Не очень обнадеживающе.

— И реагировать мы можем так же. Подать кляuzu хозяину. Или ждать. Если закричим «волки», а дичь останется жива, ни мне, ни северу этого не забудут до конца времен, — он посмотрел в тусклое окошко, — А как с вашим делом? — темные глаза блеснули, — Нашли Тура?

— Боюсь, никто о Туре говорить не хочет, — я передернула плечами, — Сразу переводят разговор на какой-то артефакт, — и тут же попросила, — Не покажете?

Староста опустил голову и выругался, длинно, красиво, с чувством и на незнакомом языке.

— Этого следовало ожидать, — сказал палач, на этот раз улыбка вышла горькой, но не менее искренней, он указал рукой на одну из полок, — Смотри.

Рассохшиеся доски, прикрытые серой занавеской, крепились к стене с помощью металлических уголков. Вся поверхность была заставлена всякой всячиной. В основном коллекцией свечей разной степени траченности, в подсвечниках и без. Выросший в другом веке Ксьян не до конца доверял электричеству и прогрессу. Огарки соседствовали с блюдами с отбитыми краями, пустыми банками, баллонами, комками пыли, книгами с загнутыми краями и крупинками соли, сахара, или манки, рассыпанной и не убранной вовремя.

Длинные пальцы мужчины обхватили лежащую там округлую железную штуковину. Он поднял предмет и повертел в воздухе.

Трио, скрепленных между собой колец, образовывали широкую трубку, которую при желании пролезет и рука, и нога, и шея, если отпилить голову. По центральному кольцу шло гребенчатое уплотнение, с выступающим, когда-то наверняка острым шипом.

Даже не знаю, с чем сравнить этот артефакт, может, с частью блестящей гофрированной трубы, которую я видела в магазине сантехники? А может, с доспехом?

— Налокотник доспеха ушедших, — развеял сомнения староста, — Или не ушедших, больно уж невелика цена за его магию.

— Невелика? — переспросила я.

— Мир вокруг тебя останется прежним, изменишься ты сам. Ушедшие обычно берут дороже. Думаю, доспех война, прикрывавшего уход святых из этого мира.

— От кого прикрывал?

— Сие неведомо.

— Значит, Тур нашел то, что искал, — прошептала я.

«...заяти в долонь налокотыню павшего, ведати алафу велицею» — вспомнились мне слова из желтого дневника.

Ксьян пожал плечами.

— А что с моей просьбой? — он отвернулся к полке, — Нашли охотника? Можно идти на зов амулета?

— Можете, — я посмотрела на широкую спину с напрягшимися мускулами, — Уверены, что вам это надо?

Мужчина осторожно положил часть пыльного доспеха обратно на полку.

Помнится, мой тайник с серебром был из той же серии, хочешь что-то спрятать — оставь на виду. Жаль, что против нечисти, это редко срабатывает. Но без второй части артефакт не более чем древняя железка, и может валяться пыли хоть до следующей эпохи,

чтобы найти артефакт надо знать, что искать. И кто-то, безусловно, знает.

Не успела эта мысль встревожить меня, как грязные доски пола приблизились к лицу, резко встав на дыбы. Тело стало мягким, будто из него вытащили кости. Падения я не почувствовала, зато услышала, как в кармане весело заиграл, задергался сотовый.

— Уверен, — сказал, склонившись ко мне Ксьян, его улыбка осталась такой же располагающей.

Моя ошибка. Слишком привыкла считать себя кем-то более значимым, чем обычный человек.

В Юково знали кто я. Мать Легенды Зимы и старая игрушка хозяина, в которую он играет хоть и редко, но никак не соберется выкинуть. Они знали, что даже беззубая добыча может укусить до крови, они пусть и не сразу, но признали мое право на существование.

Здесь не дом, а Пустошь. Человек на северной стёжке один без явиди и целителя. И без метки гостя. Я не представилась, не ударила себя в грудь, не рассказала, как приятно греть постель хозяина. Оставалось только внутренне рычать от бессилия, хотя лицо оставалось неподвижным.

— Спать, — скомандовал палач и дотронулся пальцем до лба.

Касания я не почувствовала. Прошлое вернулось, на меня снова смотрели как на ужин. Время стремительно отматывалось назад, все дальше и дальше, туда, где все начиналось.

Двадцать седьмое сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Эта дата выжжена в памяти. И иногда, когда я устаю, когда готова опустить руки и сдаться, меня отбрасывает в прошлое, заставляя снова и снова переживать тот день.

Открывая дверь, я едва не выронила ключи, сетка больно ударила по ногам. Черт! Там же яйца, за которыми пришлось отстоять немалую очередь в гастрономе. Войдя в полутемную узкую прихожую, я щелкнула выключателем, опустила сумку на трельяж и присела рядом. Ноги гудели.

— Алиси!

Молния на сапогах, где бегунок был давно заменен канцелярской скрепкой, застряла посередине.

— Мама пришла. Кирилл помоги мне с... — я замерла, только сейчас обратив внимание, что в квартире царит тишина и темнота.

Первый легкий укол тревоги коснулся кожи. Полурасстегнутый сапог остался на ноге, я сделала шаг вперед и замерла в дверном проеме. В комнате никого не было. Алиса не делала уроки, Кирилл не дремал на диване, прикрыв лицо газетой. Я машинально посмотрела на часы — без пятнадцати семь.

Пуста была и кухня, и санузел, и даже лоджия, куда я заглянула скорее для проформы, не понимая, чего боюсь больше, того, что они могут выскочить из-за зимней резины или того, что они этого не сделают.

Какой сегодня день? По четвергам у Алисы кружок танцев, их могли задержать, а Кирилл мог пойти встречать дочь. Но тогда бы он оставил записку на кухонном столе. Я осмотрела столешницу, раковину, плиту, и даже заглянула в холодильник. Ничего. И сегодня пятница. Семь вечера.

Пальцы похолодели, сердце начало колотиться. Откуда столько страха?

Я бросилась из квартиры, по пути задев и опрокинув сетку с продуктами, но даже не обернулась на звук падения.

До школы минут десять быстрым шагом, пять — если бегом. Я дернула запертые двери раз, другой, третий. Окна по фасаду были темны, иногда учителя или технички задерживались в учебном заведении допоздна, но видимо, не сегодня. Внеклассные занятия закончились. Вечер пятницы, начало восьмого.

Я обошла территорию школы, грядки, с которых давно собрали урожай, сунулась на спортивную площадку, за развесистым деревом наткнулась на компанию старшекласников, которые еще не успели переодеть форму, у широкого ствола валялись брошенные портфели. Так и не придумав, о чем их спросить, я отвернулась.

Вдруг возникла мысль, что пока я тут занимаюсь непонятно чем, Кирилл и Алиса уже вернулись.

И я побежала обратно, но, едва свернув во двор, наткнулась взглядом на темные окна квартиры.

Это ничего не значит, — повторяла я про себя, влетая в подъезд, — Они просто не успели включить свет. Или забыли.

Сегодня можно подумать о запретном. О том, что я предпочитала не замечать, о том, что не вписывалось в привычную картину жизни. Как ногти дочери вспороли варежки, или как после минутного разговора с моим мужем окружающее перестали обращать на это внимание, словно клыки и когти были нормой. Или о молчании, за которое я цеплялась десять лет. Ведь пока не озвучишь проблему, так легко притворяться, что ее нет.

Я знала, и Кирилл, и Алиса прекрасно видят в темноте.

Руки дрожали, никак не получалось попасть в замочную скважину и ключи все-таки упали, дверь, скрипнув, открылась и я не сразу сообразила, что, убегая, просто забыла запереть замок.

Чуда не случилось, прихожая была пуста. Я перешагнула сетку с продуктами и схватилась за черную трубку телефона. Минуту послушала гудок и опустила обратно.

Куда звонить и что сказать?

Взгляд упал на висящие над аппаратом на гвоздике ключи от машины. Я схватила брелок и снова побежала на улицу. Бежевая копейка, на которую мы копили три года и еще два отстояли в очереди в профкоме, стояла с торца дома. Капот был холодным, но я все равно открыла дверь и посидела внутри, думая то об одном, то о другом. Мысли как шарики от пинг-понга скакали туда-сюда, от паники к принудительному спокойствию.

Что могло случиться? Кирилла поставили в ночную смену? И он не предупредил меня? Не позвонил на работу или домой? Ладно, пусть, но тогда где дочь? Она не настолько мала, чтобы не остаться дома в одиночестве. Десять лет отпраздновали мороженым и тортом три дня назад в тесном семейном кругу.

Или несчастный случай? Болезнь? Что-то с Алисой и муж вызвал скорую и сейчас ходит из угла в угол в приемном покое третьей детской?

Я уже потянулась к ключам, чтобы завести двигатель и поехать в больничный городок, но заставила себя опустить руки. Моя дочь ни разу ничем не болела, ни разу ничего не ломала, даже когда свалилась с турника, на котором минут пять висела вниз головой, кривлялась, как обезьяна.

Вместо облегчения эта мысль принесла новую волну страха, от которого заломило виски. Что меня так пугало?

Пятница, половина восьмого. На лавке у подъезда не одной бабки, осень выдалась ранней, и холод разогнал всех по домам.

Я заперла машину и пошла к дому, мысленно составляя список друзей Кирилла, которых буду сейчас обзванивать. Муж мог пить пиво в сквере, а Алиска зачем-то увязалась с ним. Одно имя сменялось другим. Маринка и Олег? Лена и Ванька? Михаил и Дашка? Я споткнулась, внезапно осознав, что к каждому мужскому имени присоединяю женское. Мы дружили с семьями моих подруг, с теми, с кем я его познакомила. На память пришло только одно полузабытое — сослуживец Леха, с которым муж ходил в баню на улице Свободы, и возвращался слегка нетрезвый. Стоило открыть дверь, как он подхватывал меня с порога и забрасывал на плечо, хлопая по попе. А вокруг прыгала Алиса, требуя либо вернуть маму на землю, либо поднять и ее тоже.

Я всхлипнула и поняла, что стою в подъезде, размазывая слезы по лицу. Что со мной? Откуда эта уверенность, что прежняя жизнь закончена?

Дома я бросилась к шкафу и распахнула дверцы, провела рукой по вешалкам, а потом стала выкидывать вещи с полок прямо на пол. Свитера, майки, носки, трусы. Уходя, мой муж и дочь не взяли с собой ни одного платка, ни одного носка.

От шкафа я бросилась к стенке, открыла бар, где по традиции вместо напитков хранились документы, аптечка, пара золотых цепочек, мои сережки, духи, и прочая ценная чепуха. Пальцы быстро перебирали бумажки. Мой паспорт, бордовая книжечка Кирилла, зеленая — свидетельство о рождении Алисы, голубая — сберегательная, пара двадцатипятирублевых в конверте, на черный день. Они ушли, не взяв ни одной тряпки, ни одной бумажки, даже пропуск Кирилла в пластиковом чехле валялся поверх коробки конфет, убранной «до гостей».

Девять вечера. Никто не пришел.

Я взялась за телефон и обзвонила всех кого вспомнила, всех чьи номера нашла в записной книжке мужа. Друзья встревожились, и неловко попытались меня утешить. В автомастерской не поняли, чего я от них хочу. На заводе никто не ответил. Какой-то Михаил бросил трубку едва услышал, о ком его спрашивают. Как и неизвестная Елена, томно выдохнувшая «алло». Ни одной записи о Лехе, или Алексее не было. Я помнила его, среднего роста, среднего телосложения, да и весь какой-то средний. С короткими пегими волосами, он несколько раз подвозил мужа домой. Мне больше вспоминались рассказы Кирилла о нем, чем он сам. Возможно, у сослуживца просто нет телефона.

Частные номера сменились общественными. Я звонила в вытрезвители, травмы и морги, очень боясь услышать положительный ответ. Но не услышала, все пострадавшие были опознаны.

Полночь, пятница сменилась субботой.

В какой-то момент я забралась с ногами на диван и заорала, пряча лицо в подушку. Потому что идеи кончились, и то от чего я убегала весь вечер, предстало во всей красе, не позволяя в очередной раз отмахнуться.

Чего на самом деле не хватало в доме? Не вещей и бумажек с печатями. Кто не выбежал меня встречать в коридор? Наша семья насчитывала еще одного члена. Кошка Муська всегда появлялась в коридоре первой, всегда забиралась в опустевшую сумку и шуршала там чеками или с упоением запутывалась в авоське.

Я подняла голову от подушки, на антресолях темнело одно пустое место, между коробкой от телевизора и свернутым старым одеялом. Не хватало спортивной сумки на молнии, в ней мы перевозим кошку, если возникает такая необходимость, а возникает она нечасто. Слезы хлынули вновь.

Завести котенка Кирилла уговорила Алиса, и, покидая дом, она забрала с собой то, что больше всего любила — своего питомца. А это значит, что дочь уходила сама, без принуждения, и знала, что не вернется.

Заявление о пропаже людей у меня приняли лишь через три дня. Усталый милиционер в мятом кителе и с дурным запахом изо рта нехотя взял исписанный синей пастой лист и покачал головой.

— Ну, ушел мужик, чего сразу заяву-то катать? Нагуляется — вернется, сама потом сюда бегать будешь, да в ножки кланяться, чтоб дело отозвали.

Должно быть, в те дни я выглядела настолько плохо, что милиционер легко мог представить, как от меня уходит муж, а адреса не оставляет, чтобы не доставала. И его мало убеждали «забытые» деньги и документы.

— Хорошо, пусть так, но нет такого советского закона, чтобы ребенка у матери отнять! Я не тунеядка и не алкоголичка, ясно? Надо будет, побегаю и поклоняюсь, вы только их найдите, — возмущение сменилось тихой просьбой, и рука, держащая лист, задрожала.

Мужчина крякнул, сдвинул на давно немых волосах фуражку и, взяв листок, буркнул:

— Ждите.

И я ждала. Отвечала на звонки друзей и знакомых, говоря одно и то же, задавая одни и те же вопросы и выслушивая одинаковые охи и ахи. Эти дни казались мне адом, но на самом деле не были даже его преддверием.

Земля разверзлась через неделю. Меня вызвали повесткой не в районное отделение милиции, а в Серый дом. Так у нас в городе называли главное следственное управление области. Тридцать лет спустя монументальное здание с колоннами перекрасят в желтый цвет, вызвав смешки и нездоровый ажиотаж среди граждан. Желтый дом уже существовал, на самом деле желтых построек было в городе в избытке, но один выделялся из прочих, сделав цвет именем нарицательным. Желтым домом в Ярославле называли психиатрическую клинику, или по-простому — «дурку». Отсмеявшись, народ пожал плечами, философски рассудив: психушкой больше, психушкой меньше, а сомнение в здравомыслии органов были всегда.

Я миновала проходную и следующие несколько часов отвечала на вопросы двоих следователей. Потому что такого человека, как Кирилл Трифионович Седов не существовало в природе. Мир большой и такое сочетание фамилии, имени и отчества встречалось, но это были не те Кириллы Седовы. Но возмущение органов вызывало другое — бланк паспорта был самым что ни на есть настоящим, тогда как сам документ никогда нигде не выдавался. А это значило, что утечка или кража произошла в самих органах.

— Вспоминайте! — рывкнул пузатый мужчина в сером костюме, ударяя кулаком по столу.

Я уже даже не вздрогнула, за предыдущие часы удары стали почти привычными.

— Не могли же быть настолько слепой?

«Могла» — хотела ответить я, но вместо этого покачал головой.

— Ваша сберкнижка? — второй, худой и какой-то остроносый сохранял спокойствие.

— Да.

— Знаете сколько там денег?

— Да. Двести рублей, мы копили на...

— Двести тысяч! И мне даже интересно на что вы до сих пор так и не накопили?

— Вы что-то путаете.

— Нет.

— Значит, это ошибка.

— Нет.

Я закрыла лицо руками.

— Откуда у человека, который проработал на заводе десять дней, а не десять лет, а потом просто не вышел на смену, такие деньги? Чем занимался ваш муж?

— Не знаю.

— Куда ушел?

— Не знаю.

— Вы говорили об Алексее, это друг вашего мужа? Сослуживец? В городе сейчас тридцать Алексеев Сельниковых, от десяти до семидесяти трех лет, который из них?

— Не знаю.

— Где ваша дочь?

— Деньги?

— Документы?

И так до бесконечности. Слезы, отрицание, крики и мольбы, которые никому не интересны. Ответов у меня не было, но они не верили. Я и сама и себе не верила.

Допрос длился пять часов, и еще десять я провела в камере, забывшись сном. А потом меня просто отпустили, выдали куртку и велели убираться.

Тогда я не думала почему, я сейчас об этом не думаю. Может, они думали, что муж свяжется со мной, и ловили на живца. Или Кириллу было не совсем наплевать на жену, и он в очередной раз поговорил с нужным человеком, а как известно, после разговоров с моим мужем люди иногда совершали странные поступки.

Все, чем я занималась следующие несколько часов, дней, недель — это рассматривала альбомы с фотографиями и перебирала вещи. В квартире провели обыск, и карточки из выпотрошенного альбома устилали пол, свитера Кирилла, пропитанные его запахом, валялись вперемешку с моими. Детские носочки, казавшиеся совсем маленькими, заставили реветь в голос. Я расклеилась, сдалась, впала в ступор. Спала, когда могла заснуть, а в остальное время пялилась на стены.

Помню, было десять утра, мама позвонила в очередной раз, с очередной порцией утешений. Но мне было все равно, все потеряло смысл. Поначалу звонков раздавалось много, но собеседник из меня неважный и многие сочувствующие исчезли. Остались лишь близкие. Это я поняла спустя время, тогда же хотела одного — чтобы мне вернули семью.

— Оля, — мамин голос был встревоженным, — Оля, как ты?

— Нормально.

— Не ври.

— Тогда не спрашивай. Со вчерашнего дня ничего не изменилось.

— Оля, я могу приехать прямо сейчас.

— Не надо.

— Но Оль...

— Пожалуйста, мам, не сейчас, — я швырнула трубку на аппарат, обрывая очередное встревоженное «Оль».

Это был последний раз, когда я слышала мамин голос. А она мой. Больше мы никогда не встречались.

Трубка упала на рычаг, и телефон тут же зазвонил вновь. Я дернулась, схватила аппарат, сорвала со стены и швырнула о пол. Легче не стало, и боль потери никуда не делась. Один из гвоздей крепления так и остался в стене рядом с косяком. Зато второй был вырван. В рваной бумажной дыре зеленел кусочек предыдущих обоев. Делая ремонт, мы просто наклеили новые обои на старые. И сейчас часть скрытого прошлого бесстыдно заглядывала в дыру. Я коснулась бумажного края, обхватила и потянула, сдирая первый слой. А потом еще и еще, отрывая кусок за куском, боясь остановиться, боясь ошибиться, и не доверяя собственной памяти.

За последние дни я перебрала вслед за милиционерами все вещи, и все воспоминания, ища что угодно, за что можно зацепиться, и если не найти семью, то хотя бы понять почему они исчезли.

В наше последнее утро Кирилл разбудил меня поцелуем, таким сонным и мягким, что меня до сих пор мурашки бегут от воспоминаний. Не так прощаются с той, что стала не нужна. Иначе, мне оставалось только выйти из подъезда, миновать лесополосу, мини-рынок, станцию, спуститься с перрона и сесть на рельсы. Какой только идиотизм не приходит в голову в моменты отчаяния!

Очередной кусок обоев остался в руках, открывая исписанную цифрами стену.

Я вспомнила звонок, прозвучавший в этой квартире семь лет назад. Леха, тот самый сослуживец мужа, торопливо поздоровался и попросил:

— Ольга, позови Кирилла, пожалуйста.

— Он в магазин пошел. За хлебом...

— Он что? За чем пошел? — вроде бы не поверил собеседник.

— За хлебом, — я рассмеялась. — Не за водкой же.

— Да, — мужчина на том конце провода замолчал.

Ко мне подбежала Алиска и, схватившись за подол халата, стала тянуть в сторону кухни. Маленькие ладошки были перепачканы в муке, я затеяла лепить пельмени и дочка помогала, честно поедая сырой фарш прямо с кружков теста. Удивительно, какие детали подсовывает память.

Ткань треснула, и оборка осталась в маленьких пальчиках.

— Давай, он тебе перезвонит? Диктуй номер.

Я потянулась к стаканчику с карандашами, Алиса отпустила ткань, и та повисла, касаясь тапок. Дочка обхватила ладошками ногу и стала нараспев повторять:

— Ма-ма-ма-ма.

На том конце трубки, что-то с горохом упало, и собеседник торопливо стал диктовать цифры. Я записала их прямо на обоях рядом с косяком. Алиса, потеряв терпение, дернула меня в сторону кухни, и последняя тройка номера съехала в сторону.

— Я передам, чтобы он перезвонил.

— Ма-ма-ма-маааа.

— Нет, скажи, что я прошу хозяина... вашего перезвонить, — он выделил голосом словно «прошу».

— Передам, — я положила руку на светловолосую голову дочери, и та сразу замерла, словно поняв, что через мгновение мама будет в ее распоряжении.

— Скажу, что на коленях умолял, — я развеселилась.

Но собеседник ответил неожиданно серьезно:

— Так и скажи.

Все еще смеясь, я повесила трубку и занялась дочерью.

Один эпизод, один отрывок из жизни. Сейчас уже не удавалось вспомнить, как отнесся к просьбе друга Кирилл, и перезвонил ли.

Отдирая обои кусок за куском, я молилась, чтобы запись сохранилась, чтобы не затерлась и не затерялась среди кучи таких же. Я не в первый раз чиркала на стене. Мама потеряла надежду приучить меня к блокноту или тетради. Даже если бумага оставалась рядом, рука все равно поднималась к стене над аппаратом.

Нетерпеливый рывок, и в руках остался пласт размером с альбомный лист. Старая стена была исписана цифрами, буквами и даже кривобокими цветочками. Я наклонилась к надписям, почти вода носом по бумаге.

— Ну же! Где?

Буквы, черточки, крючочки. Это мой почерк? Отрубите руку.

Засаленная бумага, по которой я водила пальцем, бормоча проклятия и скорей всего, походя на умалишенную, не спешила давать ответы. Взгляд зацепился за смазанную, съехавшую тройку. Шесть цифр написанных другой женщиной в другой жизни. Я потянулась к тому же самому стаканчику с карандашами, выдвинула ящик трельяжа в поисках пресловутого блокнота, не сводя взгляда в номера. Нашла только счет за квартиру, но это уже не имело значения.

Шесть цифр, руки дрожали так, что они походили на древний алфавит. Первая четверка или семерка? Какая разница, попробую и так и так.

Я села на пол, всматриваясь в телефонный номер, записанный поверх требуемой к уплате суммы. Номер, за который цеплялась, на который возлагала надежды, даже если им не суждено сбыться. Все это могло оказаться большим пшиком. Кирилл пропал для всех, так почему этот Леха должен стать исключением?

Телефон валялся в метре, я подхватила аппарат, перевернула и, не обращая внимания на обломки пластмассы, нажала на рычаг. Тишина. Еще раз. Опять тишина. Снова. И услышала спасительный гудок, больше похожий на треск.

Я торопливо набрала номер, начиная с семерки, и до боли сжала трубку ожидая ответа. Аппарат хрюкнул и ответил короткими гудками. Занято, ладно, значит, номер точно существует.

Вторая попытка, но уже через четверку. Миг ожидания и я услышала хриловатое «Алло» и едва не закричала. Я хотела, но голос внезапно пропал.

— Алло, да говорите же.

— Алексей? — через силу выдохнула я.

— Да. Кто это?

— Это Ольга. Ольга Седова.

— Черт, — выругался мужчина. — Не звони больше, поняла? Забудь...

— Забыть? — закричала я, чувствуя, как апатия сменяется злостью. — Кого забыть? Тебя? Кирилла? Свою дочь?

— Всех, — тихо ответил он, и повесил трубку.

Я сидела посреди коридора, держа на коленях разваливающийся аппарат, а голос в ушах повторял: «Забудь».

Трубка легла на рычаг, руки больше не дрожали. Слезы высохли, в голове образовалась звенящая очищающая пустота и четкость. Я точно знала, что нужно делать.

Леха не спросил, что случилось, не стал охать и успокаивать. А раз он не задает

вопросы, значит, ответы ему известны. Или не нужны.

— Не хочешь со мной говорить? — аппарат, звякнув, свалился с колен, — Я не оставлю тебе выбора.

Я снова полезла в открытый ящик, выкидывая весь хлам, что попадался под руку расчески, заколки, запасные ключи, платок, засохшая помада. В нетерпении, выдернув ящик из пазов, я просто перевернула его. Выругалась и схватилась за соседний. Она была там, книжка толщиной с мое плечо, которую открывали, дай бог памяти, лет пять назад.

Современные телефонные справочники больше походят на глянцевые журналы с кучей рекламы. Справочник моего времени был отпечатан на плотной желтой бумаге и заключен в твердый переплет. В двадцатом веке мы платили деньги, чтобы напечатать в нем свой номер. В двадцать первом вы готовы отдать больше, лишь бы он исчез с его страниц.

Прямо сейчас встаньте, пройдите к телефону, достаньте справочник. Ах да, я и забыла, все давно уже перенесено в цифру, но вдруг у вас дома сохранился бумажный раритет. Раскройте на любой странице. Что вы видите? Две колонки: список фамилий с инициалами и столбик номеров. В одна тысяча девятьсот восемьдесят первом был еще и третий, в котором печатался адрес. Да, тогда еще люди не боялись сообщать место жительства.

Я положила книгу на колени и раскрыла. У меня было шесть цифр и имя. Фамилии шли в алфавитном порядке, но не имена, и уж тем более не номера. Вы пробовали осуществлять поиск по цифрам? Нет? Уверяю, много потеряли. Страницы сменяли друг друга, семерки чередовались с тройками и четверками, но нужного сочетания все не было.

Мне повезло через четыре часа. Спину ломило от боли, глаза слезились, в голове царил кавардак, но я даже не подумала остановиться. И нашла его.

Номер был зарегистрирован не на Сельникова, и не на Алексея, а на Твердина М., проживающего на улице Чкалова, проходившей через всю Пятерку.

Через пять минут я уже заводила машину.

Пятерка — бывший рабочий поселок, ставший частью города еще до моего рождения. Район так назвали по номеру трамвайного маршрута — «Пятый», единственного общественного транспорта ходившего туда. Трамваи давно усовершенствовались, это не те дребезжащие чудовища, на которых я каталась в детстве, да и количество маршрутов увеличилось. Я редко там бывала, по какому-то капризу судьбы, там не проходило ни одной стежки.

Но тогда я этого еще не знала, Святые, как много я еще не знала.

Двадцатый дом по улице Чкалова был обычной пятиэтажкой. Святые, иногда я думала, что весь мир состоит из пятиэтажек, сложенных из серых кирпичей. На первом этаже «Хозтовары», на остальных квартирки по типу той, в которой мы жили с Кириллом.

Воспоминание, от которого защемило сердце. И я вышла, хлопнув дверцей автомобиля. За спиной проехал трамвай, тополя чуть качали голыми ветками на осеннем ветру, две женщины прошли по тротуару, у одной в авоське лежали зеленые яблоки. Когда исчезла моя семья, мир не остановился, он продолжал жить.

Я свернула за угол дома, обычный двор со скрипучими железными качелями, сейчас пустыми и усыпанными влажными листьями. Зеленые лавочки, сейчас пустые, увядшие кусты шиповника в палисадниках. Второй подъезд, третий этаж, двадцатая квартира, крайняя левая дверь на прямоугольной лестничной клетке. Я в нерешительности замерла напротив, протягивая руку к звонку. Кто откроет дверь? Алексей Сельников? Или М. Твердин, который вряд ли сможет мне помочь? А может, они оба в одном лице?

Внезапно накатил страх. А что, если это ошибка? Что если вся затея с номером просто чушь? Вряд ли можно внятно объяснить незнакомому человеку, почто меня сюда черти притащили. Но я ведь слышала голос Алексея, разговаривала с ним. И он узнал меня. Узнал! Почему-то сейчас телефонный разговор казался выдумкой, вывертом измученного разума, хватающегося за соломинку.

Нет! Я тряхнула головой и нажала на кнопку. Не имеет значения, отступить сейчас, значит, сдать. Понимание этого пришло столь неожиданно, что палец на звонке дрогнул и раздавшийся за дверью пиликанье, чуть смазлось.

Ти-лиииинь.

Пусть этот визит окажется бесполезным, я найду что-нибудь еще. Другой номер, другой адрес, вспомню другого человека. Но уже не отступлю. Впервые с того дня, как они исчезли, я поняла, что все еще живу, что дышу, что действую. Надо найти их, чего бы это ни стоило.

Как легко оказалось давать обещания, пока цена не названа.

Замок щелкнул, и я расправила плечи, проговаривая про себя, что скажу, если увижу незнакомца. Но этого не понадобилось. Дверь открыл Алексей.

— Ты? — процедил он. — Я же сказал: забудь.

— Где они? — я сделала шаг вперед, почти упираясь рукой мужчине в грудь. — Где?

— Нигде, — почти прошептал он и вдруг толкнул меня в грудь, заставляя отступить. — Зачем пришла? Жить надоело? — он покачал головой, — Все бабы — дуры.

А я только сейчас заметила, что он полностью одет, в пальто и ботинки, на голове клетчатая кепка.

— Тебе что денег мало? — спросил он, захлопывая дверь, — Или ты еще счет не проверила? Избавь меня от своего присутствия, проверь, козой прыгать будешь. Вмиг о муженьке и спиногрызке забудешь.

— Где они? — упрямо повторила я, жаль только, что решимость в голосе сменилась дрожью, — Говори, а то...

— О, — издевательски протянул он, — Угрозы. Как интересно, — Алексей вдруг схватил меня за воротник куртки, и снова толкнул.

Железные перила впились в поясницу, от неожиданности я икнула и невольно оглянулась, третий этаж, еще одно усилие и костей не соберу.

— А ты не подумала, что устранить проблему проще, чем решать ее. Кто теперь тебя защитит?

— Милиция...

— Что милиция?

Он расхохотался, только вот смех этот звучал зло, с капелькой испуга. Не знаю, почему я так решила. Может потому, что руки мужчины продолжали подталкивать меня за край, но взгляда он избегал.

— Слушай сюда, женщина. Уходи, и не возвращайся. Слишком многие хотели бы знать, что он нашел в человеке, и они не постесняются разобрать тебя на запчасти.

— Это вы послушайте, я прямо сейчас пойду к следователю, я... — он выпустил воротник и сжал руку на горле, — кххх.

— Я предупредил, — пальцы разжались, и я судорожно вздохнула, — Больше разговоров не будет.

Алексей отступил, поправил пальто и стал быстро спускаться по лестнице. «Так-так-так» — слышался перестук ботинок по каменным ступеням.

Я обхватила себя руками и, отступив от перил, прислонилась к коричневой стене. Все было неправильно. Перед Алексеем стоял не следователь, а всего лишь брошенная жена. Он мог разыграть незнание, или вообще, отказаться разговаривать. Но угрожать? Да еще так непонятно.

Моя ошибка, не надо было лезть напролом, надо было присмотреться, расспросить соседей. словно я в фильме про разведчиков. Глупое ощущение.

Шаги отдалились и стихли, хлопнула подъездная дверь. Спустившись на один пролет, я выглянула в окно. Мужчина быстрым шагом направился к белому Москвичу, стоящему за детскими качелями. Я вытащила ручку и прямо на ладони записала номер, смутно представляя, какой с этого будет толк. Машина дернулась, показалось, что Алексей смотрит на меня сквозь лобовое стекло, и я отпрянула. Автомобиль выехал со двора.

Он не соврал, больше разговоров не было.

Я спустилась еще ниже и остановилась между первым и вторым этажом. Здесь на стене висели почтовые ящики. Все разные с неровными подписями выполненной обычной краской, запертые на внутренний поворотный замок. В том, на котором написана кривая двадцатка, что-то лежало. Я постояла напротив, посмотрела вниз, вверх, в окно, двор оставался пустым, прислушалась, ни одна дверь не хлопнула. Вытащив связку ключей, я засунула плоский между стенкой и крышкой ящика, стараясь отогнуть язычок замка. Железо закрипело, на пальцы посыпалась отставшая краска. Чуть усилить нажим. Ящик еще раз чуть жалобно скрипнул, и крышка упала, стукнувшись о стену. У нас с Кириллом такой же, и пару раз мне даже удавалось терять ключ. Язычок замка был чуть искривлен, на краске белели свежие царапины.

Я достала почту, и аккуратно прикрыла крышку, конечно, если присмотреться, видно, что ящик вскрыли, но меня это уже не волновало.

Улов оказался невелик, вернувшись в машину, я отложила на соседнее сиденье «Комсомольскую правду», минуту подержала в руках извещение, что в дачный поселок через два дня привезут газ, и остановилась на счете за телефон. Он был выписан на знакомый номер, на имя Михаила Юрьевича Твердина.

Негусто. Теперь я знаю, как зовут Алексея, знаю адрес, телефон и то, что у него есть участок в поселке Юково. Дальше что? Я стукнула кулаком по рулю, прикрывая глаза, заставляя себя думать.

Мне нужны не его квартиры и дачи, мне нужно, то что у него в голове. Но вряд ли он этим поделится. Остается оно — ждать, и смотреть во все глаза. Может, удастся заметить то, что приведет к Кириллу. Или увидеть то, что позволит разговаривать с Алексеем — Михаилом со стороны силы, что, честно говоря, еще сомнительнее первого. Заводя машину и отгоняя ее за палисадник, я вновь почувствовала себя героиней фильма.

Сельников-Твердин вернулся ближе к вечеру. Лавочки у подъезда были заняты старушками, с которыми мужчина вежливо поздоровался. Впрочем, бабушки долго на холоде не просидели, и спустя час, двор опустел. Я не сводила глаз с двери подъезда. И та открылась, полный мужчина вышел погулять с собакой, а еще через пять минут школьники, стучая друг друга портфелями, скрылись внутри.

Я ждала, стараясь не поддаваться желанию снова позвонить в дверь и просить, а может, и умолять мужчину поговорить со мной. Стало темнеть, в окнах зажегся свет. Но я знала, что не уеду, даже если придется заночевать в машине.

Алексей вышел без десяти семь. На этот раз на нем был спортивный костюм и выдавшая

виды куртка, вместо пальто и костюма. Он направился к Москвичу, но я была готова. Завела машину чуть раньше, и выехала со двора первой, едва не лопаюсь от гордости за собственную сообразительность. Правда, потом пришлось чертыхаясь разворачиваться через трамвайные пути, потому что он поехал в другую сторону.

Первую остановку мужчина сделал в центре на площади Подбельского, сейчас она переименована в Богоявленскую. Как страну мотнуло от политического реализма до религиозного экстаза, я благополучно пропустила. Сельников вышел из машины и закрылся в телефонной будке у здания почты. Я притормозила на противоположной стороне Комсомольской улицы. Сквозь стеклянную дверцу было видно, как мужчина набирает номер и минут пять очень эмоционально с кем-то разговаривает. Жаль услышать с кем и о чем, не было никакой возможности. Алексей с размаху опустил трубку на рычаг. Он был не то чтобы зол, а скорее раздражен и задумчив.

К автомобилю Алексей не вернулся, постоял у будки, и двинулся к пешеходному переходу. Пока он ждал зеленого света светофора, я заперла машину и пошла вперед. Едва не налетев на мужчину, несущего в руке авоську с хлебом, поняла, что почти бегу и заставила себя остановиться. Нет ничего более привлекающего внимание, чем бегущий человек. Алексей перешел дорогу и направился к автобусной остановке.

Раздался автомобильный сигнал, какой-то замешкавшийся пешеход в плаще и резиновых сапогах бросился через проезжую часть на желтый свет, торопясь на остановку.

Я последовала за ним, очень надеясь, что Сельников не переседет на автобус или трамвай. Но даже если так, машина все равно быстрее, догоню, главное заметить, на что именно он сел. Но уезжать Алексей (или Михаил, хотя мысленно я все равно продолжала называть его первым именем) не спешил, сидел на скамейке, и вроде бы никуда не торопился.

Пузатый автобус подкатил к тротуару, раскрыл двери и в салон стали подниматься люди. Не очень много, время уже позднее. Пара рабочих в спецовках, женщина с корзинкой, девушка в шапке, за руки которой цеплялись две девочки в клетчатых пальто. Бабка с граблями наперевес наоборот отошла от тротуара, как и не очень трезвый дядька в вытянутых на коленях трениках. Сельников опустив голову, рассматривал что-то у себя под ногами, и я быстро прошла мимо лавки.

Тротуар имел форму полукруга, люди, ожидавшие транспорт напротив белых стен Спасо-Преображенского монастыря, стояли словно на выступающем языке, к которому один за другим подъезжали автобусы. Прятаться особо было негде, а потому я отошла к самому краю и остановилась за спиной полной шумно дышавшей женщины, у ног которой стояло закрытое мешковиной эмалированное ведро. Звякнув, мимо проехал трамвай.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вдоль дороги стали зажигаться фонари. Минут через десять Алексей встал и направился к проезжей части. В этот момент к остановке подъехал троллейбус, и еще добрый десяток человек пошло в том же направлении, только мужчина не стал подниматься в салон, а остановился у столба, на котором висели круглые часы.

Как на свидании, — подумалось мне.

И словно в ответ на мои мысли с другой стороны к столбу подошел мужчина в очках, делавших его похожим на филина. Низкорослый, лысоватый он тем не менее не производил впечатления человека пользующегося общественным транспортом. Слишком легким был его пиджак для такой погоды, слишком дорогим на вид.

Мужчины пожали друг другу руки, немного натужно для добрых знакомых, и отошли к козырьку остановочного комплекса.

Полной женщине чем-то не понравилось место, и, подхватив ведро, она переместилась на три метра вправо. Я, стараясь не торопиться, зашла за нетрезвого парня в трениках. Алексей как бы невзначай оглядел остановку и, расстегнув куртку, откинул полы перед очкариком. Тот склонился вперед.

Наверное, я что-то пробормотала, потому что пьяный мужчина обернулся, распространяя вокруг запах дешевого портвейна.

Вот оно. Сельников — барыга, перекупщик. Не знаю, что он продает, но судя по красным двадцатипятирублевкам, перекочевавших их одних рук в другие, сделка прошла успешно.

Я почувствовала удар в плечо, и пьяный голос протянул:

— Эй, лялька, — второй толчок. — Гыть со мной!

Он говорил развязно и громко, так что все начали оборачиваться — толстая тетка, и старуха с граблями, Алексей и его уходящий в сторону Первомайской покупатель. Сельников нахмурился и что-то проговорил, наверняка ругательство, но фыркнувший двигателем автобус заглушил звуки. Пьяный попытался подхватить меня под локоток, но качнулся в сторону и едва разминулся с черенком от граблей, которые тащила спешившая бабка.

Сельников быстрым шагом направился обратно к светофору. Я бросилась за ним, не представляя, что будет, когда догоню. Бросилась и налетела на полную тетку, которая в очередной раз решила сместиться. Женщина упала, тоненько заголосив, ведро опрокинулось, и красноватые картошины раскатились по тротуару. В любое другое время я бы остановилась, извинилась и помогла подняться, смиренно выслушав все, что она решит сказать. Но не сегодня.

Когда я выбежала к светофору, Алексей уже садился в машину. Открыть и завести копейку дело двух секунд, но за эти секунды москвич успел выехать на перекресток, и уйти на Московский проспект.

Что будет, когда я его догоню? Прижму к обочине и заставлю остановиться? Серьезно? Самой смешно. Тогда что? Буду преследовать, пока не остановится? Еще куда ни шло. И снова — что дальше? Пригрозить милицией, если он откажется разговаривать? Если не скажет, где Алиса и Кирилл то пойдет под суд. С барыгами обычно не церемонятся, статья-то с конфискацией.

И тут меня до меня дошло. Ноги стали ватными, и машина заглохла. Догадка объясняла все: деньги на сберкнижке, отсутствие работы и исчезновение. Муж называл Сельникова коллегой, может, так и было? Только работали они отнюдь не на заводе. Кирилл мог торговать, мог нарушать закон и мог исчезнуть, если грозило разоблачение.

Я снова завела машину, и выехала на перекресток. Это все меняло. И разговор с Алексеем, если таковой состоится, пройдет совсем в другом ключе. Никаких угроз, никакой милиции, только просьба, только убеждение. Я не враг своей семье.

Некстати вспомнился рассказ бабушки, как в неурожайный год ее сосед припрятал в погребе мешок колхозной картошки. За эту захоронку его объявили врагом народа и сослали на Колыму. Жена сразу подала на развод, а вот сын... Сыну пришлось почти так же плохо как отцу. Чтобы не говорили, но с детьми не разводятся. Конечно, времена уже не те, но иногда такие инциденты еще случались, появлялись статьи в газетах или репортажи в новостях, но всегда где-то далеко, всегда не с нами, но... Это «но» заставляло предполагать

худшее.

Прямой, как стрела Московский проспект был частично освещен. Красный запорожец перестроился и свернул направо, позади мигнула фарами такая же копейка, прося либо поторопиться, либо освободить дорогу. Светлый москвич опережал меня на пару сотен метров.

Я прибавила газу. Было кое-что не вписывающееся в новую теорию. Например, никогда и никем не выдававшийся паспорт. Если Кирилла поймают, вопросов ему зададут очень много. Ведь если его поймают, могут обнаружиться и другие странности вроде острых ногтей или того, как Алиска шипит на незнакомых людей и бродячих собак. Внутри все сжалось, опять вспомнились бабкины рассказы, которые непременно должны были научить подрастающее и практически потерянное поколение, жизни.

— «Их поднимут на штыки», — произнес ее голос у меня в голове.

К горлу подкатила тошнота. Надо успокоиться. Какие штыки, скажите на милость?

— «Как зверей», — добавила мертвая бабушка.

— Хватит, — сказала я себе. — Хватит придумывать. Ничего не будет.

Проспект уходил на юго-запад города, и чем дальше, тем реже встречались работающие фонари. На секунду показалось, что я упустила москвич, но уже через минуту, светлую машину, осветили чужие фары. Алексей включил подворотник, намереваясь остановиться у тротуара, и я с облегчением последовала его примеру.

Мы успели доехать до «Крестов», местность назвали по Крестобогородскому храму, что стоял на въезде в город, и по обоюстороннему кресту, что там хранился. Москвич подкатил к тротуару перед остановкой, и желтый свет покачивающегося фонаря осветил машину. Я ударила по тормозам и застонала. Москвич был другой светло-желтый. Водитель, мужчина средних лет с кудрявыми волосами, опустил стекло и громко спросил у стоявшей на остановке женщины:

— Далеко до Борисцева?

Упустила! Я стукнула кулаком по рулю. И пусть на помощь Сельникова рассчитывать особо не приходилось, неудача имела горький привкус.

Женщина покосилась на машину, оглянулась и успокоенная наличием еще двоих ожидающих ответила:

— Да нет, — она махнула рукой, — Напрямки через Карабиху до Космодемьянска, а там указатель увидите, — а потом, нахмурившись, добавила, — наверное.

— Ежели до Юково доберешься, разворачивай, проскочил, — добавил стоящий поодаль мужик, прикуривая сигарету.

— Спасибо, — кивнул водитель. — Проскочу, так мне в Юково подскажут, — москвич заурчал мотором и снова вернулся на дорогу.

— Разве что домовые, — хохотнул ему вслед мужчина, выдыхая темный дым, — Юково давно умерло. Еще бабка моя дом продавала, так и не продала, — мужчина он посмотрел на женщину, но та никак не отреагировала.

Я все еще решала, вернуться к дому Алексея или покружить по округе, когда знакомое название резануло слух.

«Юково».

Я, как и мужчина на москвиче, опустила стекло и громко выкрикнула:

— А это точно?

— Что? — не понял мужик, за его спиной со скамейки поднялся дед в кепке, стоявшая

впереди женщина нахмурилась.

— Юково нежилое?

— Нежилее некуда, девонька, — кивнул старик, — Кто ж поедет в глухомань? И ты не дури, на ночь глядя...

Он говорил что-то еще, но я уже отъезжала. Достала из бардачка честно украденные из почтового ящика бумаги, просто чтобы убедиться, что мне не показалось.

Все верно, именно туда Сельников заказал баллон с газом. Зачем? Пусть у тебя есть дача, пусть даже в глухом медвежьем углу, но зачем привозить газ под зиму? Сопруг ведь. Если только не собираешься там жить...

Внутри все подрагивало от нетерпения. Необитаемое Юково — идеальное место, чтобы спрятаться. Как сказали до Космодемьянска, а там по указателю? Не знаю как мужик, а я не заблудилась. Миновала нарядный, как новогодняя елка нефтеперерабатывающий завод. Когда я вернусь из этой поездки, его уже окрестят Лас-Вегасом, хотя вряд ли кто сыграет на его территории в рулетку.

Остались за спиной Красные ткачи, со светлыми прямоугольниками окон и открытой булочной. Я могла думать только о том, что скоро увижу Кирилла и Алису. Что я им скажу? А может, ничего. Одного моего присутствия будет достаточно.

Дорога изобиловала ямами и выбоинами, руль вибрировал, отдаваясь дрожью в костях. После Космодемьянска, поселка встретившего меня собачьим лаем, трасса сузилась, превратившись в обычную грунтовку, асфальт остался далеко позади. Борисцево я проскочила быстро, Барское оказалось темным и тоже выглядело заброшенным. В свет фар попал указатель.

Юково, у обочины тройка влажных пней и гора валежника. Звук мотора разлетелся по округе, а впереди царил темнота, которую не разгонял даже дальний свет. Вдруг подумалось, что я все-таки заблудилась, не там свернула или проехала мимо. Мысли о газовых баллонах показались полной ерундой, вернулось сожаление, что не удалось поговорить с Алексеем. Нужно все ему объяснить и лучше прямо сейчас. Поехать, попросить о помощи. Я переключила рычаг на задний ход, почти коснулась газа.

И вновь посмотрела на помятый указатель. Вот оно Юково в двух шагах. Но от чего-то развернуться захотелось еще сильнее.

Я сжала руль. Какое-то ребячество, повернуть назад в шаге от цели. Всего несколько минут, прокачусь по мертвому селу и поеду к Сельникову.

Дальше дорога шла под уклон, в неглубокую ложбину, к которой вплотную подступал лес. Я переключила рычаг на первую скорость и направила машину вперед.

Пять минут, не больше. Чего бояться?

Очнулась я рывком. Секунду назад первый раз ныряла в переход, моргнула, и вот уже перед глазами ночное небо, усеянное точками звездами. Холод, шедший от земли, пробирал до самых костей, которых я по-прежнему не ощущала. Где-то справа горел костер, его отблески, теплыми пятнами ложились на лицо. Мышцы не слушались, спеленатые все той же магией. Сменилось место действия, но не мое положение.

Телефон в кармане снова заиграл. Я попыталась сжать и разжать ватные пальцы. Ладони чуть дрогнули, но и только. Обнадеживающе, значит, это не навсегда. Еще одно усилие, пальцы чуть сдвинулись. Магию можно сбросить, но на это нужно время. Только вряд ли оно у меня будет.

Аппарат замолк. Мелодия стихла, и я уловила тихий звук шагов справа, едва слышное шуршание листьев. Выдох, все мышцы напряглись, готовясь к неминуемому удару. Бесплезно. Магия отступала слишком неохотно и медленно. Даже голову не повернуть.

Ночное небо заслонило лицо Влада. Длинную челку мужчины шевелил ветер, в карих глазах напряжение.

— Ты? — вопрос, не требующий ответа.

Я лихорадочно соображала, пытаюсь представить, что произошло. Где я? Что здесь делает человек из Подгорного? Из рта вместо вопросов вылетел едва слышный сип.

— Где доспех? — мужчина склонился и стал бесцеремонно шарить по карманам.

А я продолжала смотреть, неспособная пошевелить ничем кроме большого пальца. Ладонь соприкоснулась с землей, хрупкие стебли травы коснулись кожи.

Мужчина продолжал обыскивать мою одежду. Одна из его подвесок в расстегнутом вороте куртки дернулась кверху. Влад залез пальцами в боковой карман, достал телефон, посмотрел на экран, нахмурился. По второй подвеске побежали светлые искорки. Я почти ничего не понимала в магии, человек в ней сторонний наблюдатель, но сейчас готова поставить все кости, постепенно возвращающие твердость, кто-то подбирал ключики к защите человека.

Я снова открыла рот, на этот раз издав стон.

— Что? — рывкнул мужчина, приподнимая меня за воротник куртки. — Где доспех?

Длинная подвеска из темного стекла закрутилась вокруг своей оси и, покрывшись мелкими трещинами, темным песком осыпалась Владу на кожу.

Он вздрогнул, захрипел, хватаясь руками за горло, в широко раскрытых глазах отразилась паника. Губы приоткрылись, издавая булькающие звуки. Из горла мужчины на куртку хлынула вода.

Он тонул. На суше в горах ранней весной, стоя на коленях, на мягкой, покрытой гниющей травой, земле. Тонул с полными легкими воды, и не мог сделать ни вдоха. Очередной хлопок и Влад завалился набок, пальцы царапали покрасневшую кожу горла.

Староста Путоши вышел откуда-то сбоку, с той стороны, где танцевали теплые сполохи костра. Ксьян получил, наконец, племянника. Влад еще вздрагивал, когда палач стал обыскивать охотника почти так же, как совсем недавно он меня.

Из внутреннего кармана кожаной куртки Влада мужчина достал сверток. Несколько слоев пленки, сквозь которую просвечивало, что-то сморщенное, давно высохшее черно-коричневого цвета. Словно коряга под целлофаном.

— Вот и ты, — удовлетворенно кивнул ведьмак, так словно артефакт мог ему ответить, и оттолкнул задыхающегося мужчину на меня.

Грудь охотника дернулась, раз, другой, третий, тело выгнулось и замерло. Вода из раскрытого рта продолжала капать.

По телу поползли знакомые мурашки, и вага, которой набили меня изнутри, заставлявшая чувствовать себя тряпичной куклой, стала таять. Сердце заколотилось, по венам разбежался огонь и боль. Так на живую материю действует лишь одна магия. Магия целителей.

Не знаю, почувствовал ли ее Ксьян, но исчезновение своего заклинания, не заметить не мог. Он шевельнул пальцами, и что-то невидимое улетело во тьму.

Тьма ответила. Вены на запястье поднятой руки мужчины набухли и почернели, словно вместо крови по ним теперь текла грязь. Ведьмак зарычал, уронил сверток на землю, рванул

манжет куртки, разрывая плотную ткань одним движением. Темнота прошла по венам уже до локтя. Рык повторился, на этот раз в нем была чистая решимость. Ксьян повторил вспарывающее движение, но в этот раз под когтями разошлась не стеганая ткань, а светлая кожа. Черная жижа потекла по руке, пачкая синий материал. А потом темную жидкость сменила алая кровь.

Я перевернулась, сталкивая с себя Влада, и подняла голову. Напротив Ксьяна стоял Мартын, руки опущены, зелень ярком светом пылала в его глазах, рюкзак отброшен в сторону. Ведьмак был на голову выше, раза в два шире в плечах, и что еще опаснее, опытнее на несколько сотен веков. Старшими на стёжке просто так не становятся, нечисть подчиняется только одному закону. Закону силы. Пределом правит сильнейший, стёжкой тоже. Староста, не тот, кто старше по возрасту, а тот, кто выше силой.

Щелчок пальцами и камень под ногами целителя раскалился, растекаясь обжигающей лавой. Движение ладонью сверху вниз и парень начинает склоняться прямо в жаркую лужицу, еще чуть-чуть и он упадет. Ветки ближайших кустов качнулись, вмиг отращивая подвижные живые ростки, так похожие на усики дикого винограда. Гибкие зеленые стебли ухватились за руку целителя, цепляясь за куртку, обвиваясь вокруг пуговиц. Помогая парню устоять, становясь той соломинкой, что может удержать на краю пропасти.

Управление неразумными растительными объектами — это уже не серый уровень, а как минимум зеленый. Когда у тебя нет мозгов, то и приказ отдать некому. Вот почему нечисть, так не любит мою бабу, у которой котелок варит с перебоями.

Мартын выпрямился, сбрасывая невидимое давление, прищурился, приглушая на миг свет глаз. Ведьмак выставил ладонь, отражая что-то не видимое человеку. Кончики пальцев налились краснотой, кожа пошла волдырями, как при ожоге. Парень вернул огонь отправителю.

Магическая драка — это не выкрикивание заклинаний, на которые банально не хватит ни времени, ни дыхания.

Когда Семеныч, воздев руки к небу, проговаривал каждый звук, создавая вокруг Юкова защитный барьер, когда Тамария приносила клятву, обрекая свою зависимость от севера в слова, они строили. Созидать всегда сложнее, чем ломать. Создание подчинено строгим законам, тогда как разрушение инерционно и хаотично. Ломать легче и быстрее.

Схватка колдунов — это не размахивание посохами, разве что их решили использовать в качестве дубин, не полет волшебных палочек, и не поднятие к небу каменных ножей или рогатин. Когда сталкивается магия — это молчание, чередуемое стонами боли. Скупые движения, легкие повороты корпуса и чистая сила, помноженная на знания и мастерство. Надолго, как правило, такие противостояния не затягиваются.

Ведмак согнул пальцы поврежденной ладони, не обращая внимания на боль и лопающиеся волдыри. Воздух вокруг молодого целителя замерцал голубоватыми искрами, инеем оседая на темных ветках и коже парня. В лицо дохнуло ледяным ветром, на миг, в раннюю весну гор вернулся самый сильный, самый беспощадный холод севера. Чтобы тут же осыпаться белесой пылью, когда Мартын повел плечами и вскинул голову. Самонадеянный молодой целитель. Опыт против напористости.

Заклинание было с начинкой, такие еще принято называть двойными, а может, ведьмак смог выпустить сразу две ловушки. Я не видела процесса, лишь результат, остальное додумывала, и возможно, ошибалась.

Осыпаясь, снежная пыль вместо того, чтобы упасть, зависла в воздухе и вдруг рванулась

обратно. К целителю, который, сверкая изумрудной зеленью глаз, заставил ведьмака закричать, снова сделав что-то с его сосудами. Атаковав, защититься от вошедшего во вторую стадию заклинания, парень не успел. Ледяная пыль сменилась обжигающими искрами, холод — огнем. Раскаленная пыль, словно намагниченная, ринулась к телу Мартына, прожигая насквозь одежду и кожу. Ведьмак менял управляемые стихии с легкостью фокусника. Теперь уже закричал парень.

Все заняло несколько секунд, за которые я успела только подняться на ноги. Качнулась, устояла и сделала первый шаг из многих, бросившись к парню. Но тот уже падал, пусть и стряхнув с себя большую часть огня. Время упущено. Те доли секунды Ксьян использовал в свою пользу. Новая магия обрушилась на Мартына, вернее, подстерегала на земле. Влажная почва вдруг утратила твердость, став вязкой, как кисель. Под упавшим целителем разверзлась зыбкая топь. И уже не имело значения ответное заклинание Мартына, брошенное скорее со злости и от бессилия, чем из надежды отыграться. Каждый волосок на голове Ксьяна налился серебристой сединой, а лицо прорезали морщины.

Какой же медлительной я была на самом деле. Нечисть быстра, а ее магия еще быстрее. Что я могла сделать? Вытянуть парня из болота, в которое вдруг превратились горы? Или броситься на Ксьяна?

Ведьмак поднял ладонь, готовясь нанести последний удар.

Налетевший ветер рванул полы куртки палача. Земля тут же вернула себе твердость, застыла вместе с полупогруженным в нее целителем. Бок, ухо и половина щеки парня остались вросшими в горную породу.

Ксьян закричал, но не от боли, а от бессилия. Но это я поняла чуть позже, когда крик перешел в злобный рык. Когда один ведьмак, подхватив с земли сверток, нырнул в густой ельник, а второй выскочил на просеку. Их так легко перепутать в обычной жизни, и совсем невозможно в эту минуту. Из-за отчаяния восточника, из-за скорби в позе, в дыхании, в голосе, когда он кинулся к сыну.

— Влад, — мужчина перевернул охотника, на него безучастно смотрели карие глаза, сына больше не волновали ни слова отца, ни артефакты, — Влад...

Треснула земля, из твердого плена, выбрался Мартын.

— Целитель, можешь что-нибудь сделать? — спросил ведьмак.

Парень покачал головой. Сделать упыря из трупа, думаю, нетрудно, но воскрешать мертвых, излечить не только тело, но и вернуть душу, вернуть личность — это магия высшего порядка. Магия высших ступеней и демонов, которые создают визиргов, и не дают заложникам уйти без разрешения.

Все роды нечисти делятся на низших и высших. Нелюди, колдуны, баюны, охотники, лешаки, изменяющиеся, джины и другие — относятся к высшим. Подвии, падальщики, свары, робазы, заговорщицы и еще пара сотен родов — низшие. Главное отличие одних от других даже не в силе, лгуна тоже может снять с человека кожу, но тот же сказочник сделает так, что жертва еще и благодарить за каждый лоскуток будет. Отличие в том, что низшим может стать и человек, тогда как высшим можно только родиться. Низшие бывают разными, потомственными и заложившими душу людьми. К примеру, Веник — заложник, бывший человек, а вот его сын уже потомственный падальщик. Марк потомственный, но размашистая «зед» так и останется его знаком, как напоминание о том, как получил силу его отец.

Влад не хотел быть низшей нечистью, а потому умер, как человек.

Константин мог бы попробовать вернуть ушедшего, целитель с уровнем «черный», но не его «зеленый» сын.

Затрещали сучья, к огню выползла Пашка, не девушка, змея. Свет играл огненными бликами на чешуе. Мужчина, именем которого мы даже не удосужились поинтересоваться, прижался ко лбу сына и посмотрел в мертвые глаза. Картина из тех, что остаются в памяти надолго, даже в нашей тили-мили-тряндии, где детей приносят в жертву есть человечность, есть чувства, есть любовь, даже если ее объектами становится такое бесполезное создание, как человек.

— Он всегда мечтал об этом. С того самого дня, как услышал об артефакте, как понял, кого винить в том, что родился человеком, — глухо сказал ведьмак, словно его слова могли что-то изменить в прошлом или настоящем.

— Не вам его упрекать — вырвалось у меня.

— Не мне, — согласился ведьмак.

— Вы родились робазом, вы убили свою мать, а Ксьян рожден изменяющимся. Но вы повернули стрелки судьбы, сменили род, вытянули магию на себя, поэтому ваш сын родился человеком полностью ее лишенным, — я подняла брошенный Владом на землю телефон.

Всегда считалось, что путь вверх по родовой лестнице для низших закрыт. До этого момента. До этого артефакта. Оставалось только догадываться, как отреагируют на такое высшие, считающие себя едва ли не венцом творения ушедших.

— Твоя правда, — складка у рта стала глубже, он осторожно положил голову мертвого сына на землю, — Только Ксьян родился не измененным, он пришел в этот мир подвием, как отец.

— Тур искал способ перестать быть низшим? — спросил Мартын.

И он и Пашка были представителями так называемых высших родов, пусть и не очень влиятельных семей.

— Что за радость быть тем, от кого шарахаются родные? Как объяснить, что некоторым поступкам просто суждено случиться, независимо есть рядом подвий или нет?

— Вы тоже, не задумываясь, шагнули вверх, — сказала я.

— Мне было десять, — огрызнулся ведьмак. — То, что я видел в зеркале, не нравилось никому. Ни деду, ни мне. Ежедневное напоминание о той, что ушла, дав жизнь. А тут подарок святых — вернувшийся отец и старший брат.

— Гвоздарь говорил, если бегущая тварь снова заявится, шею свернет, — вполголоса пробормотала Пашка, — «Снова» — это значит, Тур уже возвращался.

— Отец изменил свою судьбу, судьбу Ксьяна и мою за один раз. Трудно представить, что было бы не разыщи он сперва сыновей. Если бы он просто применил артефакт без оглядки и лишних сантиментов. Мы с Ксьном в одно утро проснулись бы людьми, и, думаю тогда, собственный дед приготовил из меня рагу к обеду, — мужчина снова посмотрел на сына и провел рукой по его волосам, — Но Тур сперва нашел своих детей, мы собрали доспех вместе. В десять лет будущее предполагаемых потомков, как-то не очень волнует. Мы стали теми, кто мы есть, а отец разделил артефакт между сыновьями и ушел. Жаль, семейные отношения не заладились, — мужчина закрыл глаза и попросил, — Уходите, оставьте нас.

— Не получится, — ответила я, глядя на экран телефона, на список пропущенных вызовов, на присланные, теперь уже мертвым Владом, сообщения, я была в отключке целых шесть часов. — Сегодня нехорошая ночь, так ведь?

Sms с предупреждением пришло три часа назад.

— Что это за ночи? — рявкнула на ведьмака Пашка, — Откуда вы узнаете об их приближении?

Мужчина даже головы не повернул. Как сказал целитель, нам нечем было прижать восточников, нечем шантажировать, только просить, или заставить силой.

Ведьмак склонился к мертвому лицу сына, губы беззвучно шевельнулись. Молитва? Вряд ли. В нашей тили-мили-трындии к ушедшим обращаются иначе, да и не нуждается нечисть в посмертном напутствии. Ведьмак, не молился, он давал клятву. Обещание вслед ушедшему сыну. Кровную месть еще никто не запрещал.

— Где вы были? — я повернулась к Пашке. — Мы же договаривались встретиться в кафе?

— Точно, — Мартын стал отряхиваться. — А еще мы договорились узнать кое-что.

«Кое-что» очень правильное слово, ибо тому, чем мы здесь занимались другое слово подобрать сложно.

— Охотник оказался недоверчивым. И настойчивым, до утра тебя под окнами кафе караулил. А мы его, — сказала явидь, пожимая плечами. — Решили уж выждать до конца.

— Дождались? — поинтересовалась я.

— Ага, — парень подобрал брошенный перед схваткой рюкзак. — Такая беготня началась, даже разделиться пришлось. Я за сыном ходил.

— Я за отцом, — змея обогнула костер.

— Влад проводил тебя почти до Пустоши. Чуть-чуть не дошел, схоронился в ивняке в полукилометре. Потом позвонил, — Мартын подтащил рюкзак к огню, бросил на землю и сел сверху, — Полагаю тебе. Ты трубку взяла, но разговаривать не пожелала, сбросила. Потом прислала сообщение.

Я пролистала список sms-ок, тогда я уже спала и видела сны о прошлом, а телефон взял палач. Говорить за меня Ксьян не мог, зато мог писать, особенно после того, как понял, кто пытается выйти на связь. Первое сообщение было лаконичным до грубости:

«Чего тебе?»

Влад тоже обошелся без околичностей:

«Нашла?»

Если предыдущие сообщения шли друг за другом, то перед тем как написать третье Ксьян взял паузу минут на сорок, во время которых Влад набрал мой номер пять раз.

«Да. Куда принести?»

«Как договаривались, на закате, в хижине Охотника на южном склоне Сосновой».

Я не была местной и, следуя скудным указаниям Влада, могла три раза заблудиться перепутав тропы, по которым восточники ходят с рождения. Но в момент договора, ни он, ни я об этом не подумали. Я, потому что знала, вряд ли мне придется искать эту хижину на самом деле. А он... Он видел цель и не думал о деталях.

Ксьян был для Влада идеальным собеседником, не задавал вопросов, которые могла бы задать я, и понимал с полуслова. Они живут тут всю жизнь, для них не найти хижину на склоне горы, то же самое, что не найти стежку ступая по ней в разгар солнечного дня. Ведьмак даже костер не побоялся разжечь, наверняка чтобы охотник не заблудился. Или что еще вернее, чтобы слабые человеческие глаза рассмотрели все что нужно, меня, лежащую под деревом. Именно поэтому я еще жива, палачу нужна была такая приманка, увидев которую Влад забыл бы обо всем на свете. И он забыл.

«Не забудь свою часть» — напоследок попросил от моего имени палач.

— Влад караулил тебя до последнего, — парень бросил в костер ветку, — Догадываешься зачем?

— Чтобы отнять часть артефакта Ксьяна, если я ее достану, — я посмотрела на парня, в душе не было ни возмущения и обиды.

— Папаша долго ходил, хмурил лоб, думу думал, — начала рассказывать змея, — Хватился сыночка, позвонил, предупредил, что будет нехорошая ночь, велел убираться в горы.

— Ты не выходила, и Владу пришлось вернуться. Бегом до Подгорного, там он схватил часть артефакта, — вздохнул целитель, — Поругался с отцом.

— Думаю, специально, чтобы тот, рыча, вылетел из дома, — вставила Пашка, — Потом битый час успокаивался у одной очень симпатичной и ласковой падальщицы.

— Где мы? — я села на землю рядом с Мартыном, огляделась.

— Южный склон Сосновой, — явидь указала на смутные очертания постройки почти теряющейся в темноте, — Хижина Охотника, как и договаривались.

— Что дальше? — вернулась я к теме разговора.

— Дальше, — явидь свила хвост в кольцо, — Папаша вернулся домой, там его что-то разволновало настолько, что понадобился еще один разговор с сыночком.

— Влад к тому времени уже подходил у подножию Сосновой, — вставил парень, — Пошли телефонные звонки, он не стал брать трубку и выключил звук.

— Папаша рычал, подозреваю, не обнаружил в тайнике ценной вещи. И тоже подался в горы. Пришлось дать ведьмаку фору, это вам не сынок, вообразивший себя охотником, мог почуять.

— Я и почуял, — сказал мужчина, поднимая голову от застывшего лица сына, — Но это не имело значения.

Он нахмурился, опустил руку в карман влажной куртки Влада и достал серый дорожный камешек. Ксьян почувствовал приближение своего творения, получив еще одно преимущество над человеком, хотя казалось, куда уж больше.

— Расскажите о плохих ночах? Что это? Откуда вы о них знаете? Кто вас предупреждает? Куда уходит стежка на эти несколько часов? Кто..., — я засыпала мужчину вопросами в глубине души понимая, что все бесполезно. Не те мы люди и нелюди, чтобы с нами откровенничать.

— Хотите знать, как хозяин вытягивает стежку? И как возвращает? — спросил ведьмак и захохотал.

Так же, на грани истерики веселилась Влада в той комнате. Смех приговоренного перед приведением приговора в исполнение.

— Хотите? Тогда спросите у хозяина!

— Они так и поступят, — раздался голос, от которого веяло ледяным спокойствием.

Я вздрогнула. Все вздрогнули. Только один мужчина в обоих мирах обладал способностью лишать равновесия одним присутствием, и голосом, который ласкал кожу, пусть часто его нежность причиняла боль.

Пашка и Мартын склонили головы. В свете костра блеснули прозрачные глаза, светлые почти седые волосы трепал ветер. Он был одет в брюки и свитер с закатанными до локтей рукавами, словно только что встал из-за рабочего стола. Может, слухи о том, что демонам не нужны ни дороги, ни стежки и не совсем слухи.

— Исчезни! — отрывисто бросил Кирилл ведьмаку.

Мужчина сжал в кулаке серый камешек, в последний раз склонился к сыну. Земля, подчиняясь его магии, колыхнулась, став мягкой словно пластилин. Такой же фокус недавно проделал с целителем Ксьян. Тело Влада медленно опустилось в мягкую глубину. Вот и все. Человек — охотник отправился к низшим. Без напыщенных речей и обещаний помнить. Ведьмак встал и ушел, ни разу не оглянувшись.

— Хотите знать, как вернуть Юково? — то ли спросил, то ли констатировал демон.

— Откуда ты... — хотела спросить я, стараясь заставить сердце колотиться хоть чуть-чуть медленнее, и тут же сама себе ответила, — Алиса.

— Ответ в желтой цитадели. И мне он нужен, — сказал Кирилл, глядя куда-то поверх моей головы. — Вам придется заставить Аша раскрыть тайну выдернутых стежек.

— Заставить Простого? Я имею в виду, кто мы и кто он. Если он ответит, то другому демону. Хозяин, вы... — молодой целитель поднял голову, и тут же опустил обратно, разглядывать языки пламени явно было безопаснее. — Как прикажете.

— Он хотел сказать, что хозяину проще договориться с хозяином. С чего демону Востока отвечать целителю, нелюдю и человеку севера?

— Нельзя договориться с тем, кто не открывает рта. С тем, кто закрылся от мира в песках.

— И как это сделаем мы? — я посмотрела на бывшего и не совсем настоящего мужа.

Ни Пашке, ни Мартыну не надо объяснять, почему мне можно спрашивать, а им нет. Мне тоже нельзя, но я не сдержалась. Если оторвет голову, так тому и быть. Хотя, это лукавство. Не оторвет, не сейчас, не из-за такой ерунды, как неуместный вопрос. Человек слаб, и ему простительно то, чего не потерпят о нечисти. Ее дерзость примут за посягательство на власть, а человек просто говорящий ужин.

— Ходят слухи, что Аш лично оглашает пленникам приговор перед казнью, — Кирилл усмехнулся, блажь Простого, казалась ему неуместной.

— Мы должны лечь на алтарь? — голос явиди стал шипящим.

— Если это даст ответы то да, Павла. Но дожидаться ножа необязательно, — Кирилл усмехнулся, — Простой снова взял в руки артефакт, и Подгорный исчез. И вернется, если вещь ушедших не выполнит предназначения, не истратит вытянутую силу. До сих пор им везло, а Ашу — нет, он не разгадал тайну очередной игрушки. Я страж переходов должен знать, как перелить силу из зеркального клинка обратно в мир. Вы трое добудете ответ, и пусть Простой дальше уничтожает свой предел и упоминания об этом. Обманите, украдите, выторгуйте.

— Что у нас есть такого, что стоит знаний об артефакте ушедших? — я продолжала смотреть на того, кто так походил на мужчину внешне, подмечая детали.

Отросшие давно не стриженные волосы, отливающая серебром щетина, усталый взгляд — мелочи которые видны только близкому человеку.

— Другой артефакт, — Кирилл сделал шаг в сторону.

На усеянной хвоей земле, в грязи и обрывках травы лежали три предмета. Железные кольца и целлофановый сверток. И голова Ксьяна, приоткрытый в крике ужаса рот полон грязи и листьев, глаза уже подернулись мутной пленкой, кожа посерела. Разорванные сухожилия, торчали из шеи, белели сломы костей, обрывки тканей смешивались с хвоей и мусором. Эту голову не отрубили, ее оторвали. Или отгрызли.

— Доспех и его наполнение, — Кирилл коснулся носком ботинка свертка, — Старая

кость. Их срезали вместе.

Я отвела взгляд от серого заострившегося лица палача Пустоши, и посмотрела на артефакт.

Святые, кто-то заботливо хранил в погребе или в холодильнике среди кусков замороженного мяса, часть давно умершего создания. Хотя, религии человеческого мира не лучше, их коллекциям костей, мумий, скальпов позавидует даже ворий.

— Артефакт, меняющий судьбу, — я подняла голову, его руки были чистыми, лишь свитер на уровне груди был окроплен едва заметной россыпью потемневших точек — брызг. Пустоши придется выбрать нового старосту.

— Артефакт, убивающий судьбу, — поправил демон, — Я не желаю видеть это в своем пределе. Отдайте Простому, продайте, подарите. А от меня добавьте, если Аш поможет в поисках исчезнувшего, я помогу в добыче несуществующего.

— Может, тогда не стоит отдавать артефакт, хватит с него и обещания? Обещанного, как известно, три года ждут, — парень снова встретился с прозрачными глазами, шумно выдохнул и быстро добавил, — Сделаем, как прикажете.

— Я объясню, юный целитель, в первый и последний раз. Ты сам до сих пор не понял? Вы отдадите артефакт, — Кирилл пнул старое железо. — Собравший его единожды станет последним в роду. За его силу расплатиться будущее. Потомки станут людьми, у которых еще до рождения заберут силу. Род угаснет. Тупик, путь к вырождению.

Вот она «велицея алафа». И для кого-то она действительно желанна. Я видела на лице Кирилла отражение своего отвращения. И в эту минуту он казался мне, как никогда, красивым.

— А если его соберет человек?

Он медленно повернулся, глаза потемнели.

— Он станет нечистью? Сменит судьбу?

— Да, — демон не отрывал взгляда от моего лица. — Артефакт, как лестница, все зависит от ступени, на которой ты стоишь. Украденная магия поможет тебе перепрыгнуть несколько из них. И чем выше надо подняться, тем больше будет тех, кто расплатиться. Для человека это не замена одной магии на другую, это наделение способностями, прыжок через пролет. Человек — пластиковая бутылка, сила — кислота. И чтобы не расплавить стенки, надо изменить структуру сосуда. Для этого требуется больше чем сила, требуется жизнь. Это убьет рожденных и нерожденных детей. Если их нет у тебя, они всегда есть у брата, соседа, друга. Ведь люди — это один род, как бы вы ни пытались доказать обратное.

Нам предложили работу. Я была единственной, кто отказался. И не потому, что считала зазорным мыть стаканы в чайной у Ахмеда или торговать мороженым с лотка, а просто не видела ни смысла, ни необходимости. Не мне бить себя в грудь и гордиться трудовым прошлым. В свое время я отдавала долг выучившему меня обществу на заводе у станка. Слава святым недолго. Но смысла в том, чем занимались Пашка с Мартыном, больше не становилось.

Мне не было ни скучно, ни тоскливо. Я легко встроилась в неторопливое течение человеческого времени. Нечисть же совершенно не представляла, куда его девать. Они, как и все, кто родился и жил на стёжках, привыкли концентрированному коктейлю событий, поступков и происшествий, а когда выдавались свободные часы, дни, недели просто не знали чем себя занять.

Проще говоря, они смертельно скучали, раздражались и все чаще скалили клыки друг на друга и на меня и даже на шарахавшихся прохожих. Конечно, и змея и целитель не раз и не два покидали стёжку, выходя в мир людей. Но чего они никогда не делали, так это не жили в нем.

К концу весны мы оказались по ту сторону Уральских гор. Не очень далеко «по ту», но все же. Остановились в Остове Кусинского района немного восточнее Злокозово. В округе этого маленького городка собрались целых три стежки, одна из которых вела в несуществующее для людей Кусово, а от него, в свою очередь, начиналась дорога на Желтую цитадель. Вопрос был в том, позволят ли нам на нее ступить?

Причина нашего безделья была более чем уважительной. Охота летних, по каким-то не зависящим ни от кого причинам, собралась в начале лета.

— Почему сейчас? — спросила я Пашку сидя в восточной чайной.

— Потому что, — отмахнулась она, — Все равно не поймешь.

— Високосный две тысячи двенадцатый так действует на неокрепшую детскую психику?

— Скажи еще вспышки на солнце, — вставил Мартын, сидя под навесом летнего кафе, явись как раз смотрела на оно, и реплика получилась издевательской.

— Ясно, — подвела я итог, — Не для человеческого ума.

— Именно, — подтвердила змея, а целитель махнул рукой Ахмеду, прося принести счет.

Мир нечисти — это разноцветное конфетти, брошенное на карту. Это касается и пределов, и стежек, и жителей. Во владениях Седого и Видящего в процентном соотношении зимние подданные превышали летних, у Прекрасной и Простого — наоборот. Так исторически сложилось. Или, существует зависимость от силы хозяина и тех, кто живет под его властью. В реальности и те и другие существовали бок о бок и владели магией обеих стихий. Их можно сравнить с художниками, к примеру, с портретистом и пейзажистом. Оба способны нарисовать светлый лик любимой девушки, как и избушку на краю леса. Но что у кого получается лучше, объяснять не надо. С магией тоже самое. Летние тяготели к теплу, зимние к холоду, хотя технически владели обеими. Но на чуждую магию требовалось в два раза больше усилий, чем на ту, которая течет в жилах с рождения.

Были и те, к кому деление не применялось. Бесы, детей, которых никто никогда не видел. Нелюди, не интересующиеся такими тонкостями вовсе, их дети присоединялись к любой охоте, по выбору. Изменяющиеся, нашедшие простое решение, кто в какое время года созрел для первого обрастания шкурой, тот к такому лагерю и относится.

В общем, это разделение было скорее условным. С моей точки зрения, дети летних и зимних, в разное время осознавали насколько хотят пустить кровь живому существу. И пускали ее под присмотром старших.

Поэтому мы выжидали, желая не оставлять летнее сумасшествие молодых восточников за спиной. Главным образом из-за меня, из-за человека, для которого такая встреча смертельна.

Ахмед принес счет, а я все никак не могла найти карточку, чтобы расплатиться. И видя, что ни парень, ни Пашка не торопятся помогать в этом благородном деле, смуглый мужчина истолковал заминку по-своему.

— Деньга нет, да? — поинтересовался он вместо того, чтобы покрыть матом неубедительно роящегося по карманам посетителя, — Работа нужен, да? У Ахмеда работа есть. Чай есть. Деньга есть, — он белозубо улыбнулся, я вздохнула, разглядывая мелочь на ладони.

Так и получилось, что Мартын стал развозить на старом хозяйском мотороллере пиццу и суши. Окружающие не видели ничего странного в наборе блюд восточной чайной и не замечали, что итальянская пицца по вкусу напоминает шаурму.

В перерывах между заказами молодой целитель перемещался в соседскую аптеку, где изучал полки и обсуждал эффективность того или иного препарата с фармацевтом Егорычем, на деле Егором, молодым мужчиной всего пятью годами старше нашего парня.

Змея, в образе девушки встала под полосатый зонт к белоснежному боку холодильника с яркими этикетками внутри. Пашка снабжала мороженым молодое поколение Остова с улыбкой и тщательно спрятанными клыками, когтями и глазами. Мне она как-то призналась, что развлекала себя мыслями о том вывалиться ли это самое мороженое, если она прямо сейчас вскрыет чью-нибудь тоненькую шейку.

Я слонялась по улицам, открыла для себя мир детективов в мягкой обложке и пила чай. Для мытья стаканов Ахмеду пришлось найти Алию, которая почти не говорила по-русски. Она, вообще, предпочитала молчать.

День шел за днем. Десяток здесь, один на стежке. В нашей тили-мили-трындии время шло коротким путем. Здесь длинным и утомительным. Пока в один из солнечных дней мои друзья не исчезли.

Я тогда только вернулась с прогулки по местному музею бересты, куда меня занесло после осмотра памятника бездомным животным. Вдоволь налюбовавшись на поделки: фигурки медведей и мужиков с дубинами, лапти, подносы, посуду. Примерив пару расписных платков и потрогав тряпичных кукол, не очень понимая, где здесь собственно береста, я вернулась домой, решив сегодня избежать визита к Ахмеду по причине банальной лени и яркого солнца, которые требовали, как можно скорее завалиться на диван и раскрыть очередной томик с отважными домохозяйками — сыщицами.

Мы сняли маленькую двухкомнатную квартиру на той же улице, что и чайная. Не отказались бы и от большой, но тут таких попросту не было. Из окон кухни прекрасно просматривалась аптека, к которой так тяготел целитель и угол заднего двора чайной, откуда шел дым. Значит, Ахмед или его повар — официант — заместитель Муса жарил

пашлык. Или делали вид, что жарили, подавая клиентам вчерашний.

Лоток с мороженым стоял на тротуаре, притягивая взгляды немногочисленных прохожих. Помню, я заметила переминавшуюся перед ним парочку детей пяти и пятнадцати лет, старшая девочка ни на минуту не выпускала руку брата. Пашки на рабочем месте не было. Иногда она перемещалась в тень чайной, особенно если не было покупателей, сейчас увидит детей и выйдет.

Но когда я минут через десять снова кинула рассеянный взгляд в окно, дети были на прежнем месте. Девочка, вытянув шею, пыталась заглянуть за деревянный забор. Пашка не спешила к покупателям. Спустя еще пару минут из чайной вышла Алия в цветастой юбке, из-под которой выглядывали не менее цветастые штаны и тапки. Женщину сопровождал размахивающий руками Муса. Не прерывая монолога, мужчина взял деньги, а она, открыв крышку холодильника покрасневшими руками, вручила по яркому брикету.

Спустя минуту, к ним присоединился Ахмед. Несколько подкрепленных жестикуляцией фраз и Муса упираясь в белый бок, покатил холодильник внутрь летнего кафе. Вроде все просто и буднично. Кроме одного, волнующего только меня вопроса — где Пашка?

Могла ли она бросить, волей случая доставшуюся, человеческую работу? Легко. По сотне причин и даже их отсутствия. Но для того, чтобы бросить меня, вернее, то, чем мы занимались, к какой цели шли, повод должен быть серьезный. Я сходу не смогла придумать ни одного. Впрочем, тогда мои мысли еще не зашли так далеко.

В квартире царил беспорядок, змея бросала вещи прямо на кровать, похоже не задумываясь о назначении шкафа. Одежду пришлось приобретать специально, как оказалось, ходить день за днем в одном и том же в мире людей считалось плохим тоном.

Я набрала номер, что-то задрожало в груди блузок, а потом разразилось стонами и ахами из фильма для взрослых. Телефон явидь оставила дома. Повинуясь импульсу, я нажала сброс и тут же набрала Мартына. Он в силу специфики работы, должен быть доступен, мало ли кто в городе свихнулся настолько, чтобы заказать суши со вкусом плова в восточной чайной. Гудок сменялся гудком, пока вежливый голос девушки не попросил меня оставить сообщение или перезвонить позже.

Я прошла из комнаты в комнату, из коридора на кухню. Больно кольнули воспоминания о том, как из мира людей исчезли Кирилл и Алиса. Кольнули и отступили. Что собственно случилось? Ничего. Ушли люди, или нелюди, по своим делам, такое бывает сплошь и рядом. Ну, бросили работу, бывает.

Спросить в чайной? Я подошла к двери, остановилась и, развернувшись, вернулась в комнату. Просто так, без причины. Или она была спрятана очень глубоко, и отказывалась выходить на свет.

Номер целителя я набирала несколько раз, и каждый во мне поднималась надежда, что сейчас он возьмет трубку. Не взял.

Надо признать, что оба: и целитель и явидь, могли бросить человека. Глупо было рассчитывать на «особое отношение», хотя именно на него я и рассчитывала. Бросить меня, но не Юково. Цель была важнее, чем задерживающий их балласт в виде человека. Они бы просто пошли дальше.

Только в этом случае, я не понимала, почему бы Мартыну не ответить на звонок? Нечисть не страдает угрызениями совести и не бежит, пряча глаза, от тех, кому откусила палец. Игнорировать и не придавать значения еще куда ни шло. А уж жизнерадостно бросить в трубку «привет» и насладиться растерянной беспомощностью и кучей обиженных

вопросов, сами Святые велели.

Я отложила аппарат, понимая, что это бесполезно, пусть пальцы сами тянулись к кнопке повтора.

Была еще одна возможность, в которой от них ничего не зависело. Например, Седой отдал приказ прямо противоположный, озвученному темной ночью на склоне Сосновой. Неважно, что было, неважно по какой причине, важно, что послушаться они не могли.

Я прошла в соседнюю комнату. В отличие от кровати явиди и моего дивана, софа Мартына была застелена покрывалом, доставшимся нам в пользование вместе с квартирой. Смена одежды на стуле, под ним на полу рюкзак. Я подцепила черную матерчатую ляжку, вытащила его, закинула на кровать и потянула за язычок молнии. Дневник Тура Бегущего лежал сверху.

Пора перестать ходить кругами, а признать, они могли уйти и бросить меня по множеству причин. Все. Точка. Я ничего не могла с этим поделать. Кое-кто удивился бы, почему они не сделали этого раньше.

Но перед глазами лежало доказательство обратного. Несколько скрепленных меж собой колец и часть сустава, высушенного вместе с мышцами, сухожилиями и еще Святые знают с чем. Они бросили бы человека, но не артефакт с объявленной стоимостью. Особенно после слов Кирилла, где бы он хотел его видеть, и с чьим родом покончить. Подарок Простому демону все еще лежал в рюкзаке молодого целителя.

На улице уже успело стемнеть. Ахмед ушел, Муса закрыл чайную, за ним молчаливой тенью выскользнула Алия. В таких городках, как Остов не было круглосуточных кафешек или клубов. За исключением «разливайки» за автобусной станцией, да и там после захода солнца продажи шли через форточку, прямоугольное окошко во входной двери. Егорыч, работавший пять дней в неделю, три часа как ушел вверх по улице весело насвистывая. Фонари погасли.

Свет в комнате я не зажигала, продолжая наблюдать за темной чайной и аптекой. Продолжая думать. Вспоминать, как Ахмед подмигивал, каждой встречной женщине, сыпал многословными комплиментами и подливал коньяк. Исключение составляли трое: я, Алия и Пашка. Ладно мы с Алией, а молодая и красивая Пашка? Она просто обязана была попасть в радар хозяина чайной. Но южанин сторонился своей симпатичной мороженщицы.

Какая только глупость не лезет в голову за полночь, начинаешь искать черную кошку в черной комнате. Я потерла лоб. Змея могла при первых же поползновениях легонько заехать мужчине в бок, и все вопросы отпали бы сами собой. Мусу же, когда он ухватил ее за пятую точку, задела плечиком так, что он раскатал по полу целое блюдо шашлыка. Ахмед тогда ругался, вся улица слушала, назвал Пашку: «не женщин, а гадюк, да».

Я перевела взгляд на темные окна аптеки. Егорыч, ее единственный и бессменный работник спокойно пускал за прилавок парня с длинными волосами, пусть и представившегося студентом — медиком, но никак этого не подтвердившего. Разве может человек с улицы иметь доступ к препаратам, отпускаемым «строго по рецептам»?

Святые, в книгах, скопившихся возле изголовья дивана, у героинь все так ловко получалось. И одновременно абсурдно, заставляя читателя смеяться или недоверчиво качать головой. Я же не видела перед собой ничего кроме мрака и зарождающейся полоски зари за домами. Наступал новый день кисельного времени внешнего круга.

Ни Пашка, ни Мартын не вернулись. Артефакт переместился обратно в рюкзак. Не зная, что это даже самый непривередливый грабитель вряд ли покусятся на такую гадость.

В восемь утра Егорыч не открыл аптеку. Какой-то ранний посетитель дернулся в дверь, удивился и пошел дальше. Спустя два часа явился Муса и распахнул ворота чайной. Алия в темном платке тенью проскользнула в кафе десятью минутами позже.

Мне предстоял разговор с обоими, нужно убедить их в его необходимости, и добиться искренности. Способ на ум пришел только один, банальный и очевидный. Я почувствовала острую тоску по клинкам. Как говорят, добрым словом и пистолетом можно добиться больше, чем просто добрым словом. Сжала руки в кулаки, кончики пальцев закололо, словно после сна в неудобном положении. Я вспомнила тяжесть серебра в ладони. На некоторых людей один вид оружия действует лучше всяких уговоров. Я вспомнила, что на кухне имеется неплохой набор ножей для хлеба.

За спиной что-то шевельнулось, уловив краем глаза движение, я развернулась. Не скажу, что готовая к любой опасности, скорее готовая заорать и поднять на уши квартал. Но там никого не было. Лишь у стены, чуть потеснив табуретку с облетевшей краской, стоял коричневый туалетный столик с белым орнаментом. «Следующая» вещь Нинеи. Вернее, уже моя. Покалывание в пальцах унялось. Артефакт наконец-то догнал хозяйку.

Не до конца доверяя глазам, я подошла ближе и подняла широкую крышку. Бледное лицо с запавшими после бессонной ночи глазами смотрело на меня и абсолютно целого зеркала. словно не было бессмертника Ивана ткнувшего меня в него головой. Пальцы легли на медное кольцо и потянули. Правый ящик легко выдвинулся. В нем по-прежнему тускло поблескивало серебро. Нож и стилет. Пара со светлыми навершиями, подаренная и помеченная Пашкой. С ними соседствовало, словно вышедшее из очередного кошмара, малахитовое жало Раады.

— Кирилл, — прошептала я с горечью и восхищением. Вряд ли кто другой отдал распоряжение заменить зеркало и положить атам в ящик.

Вытащив серебро, я позволила себе пару простых перехватов, вспоминая уроки Николая Юрьевича. Губы сами раздвинулись в улыбке.

Из глубины зеркала на меня смотрела женщина без возраста. Не красивая, но и не уродина, с хищной кривой улыбкой, прищуренными холодными глазами. В ее руках готовые колоть и резать шевельнулись острые лезвия.

Я отпрянула. Что со мной? Иду разговаривать с людьми и не мыслю беседы без оружия, без насилия? Мало того, почти предвкушаю его.

Клинки легли обратно во тьму.

— Нет, — сказала я той, что отражалась в зеркале, — Ты изменишься. Но не так, — и сожалением закрыла ящик. Потом снова открыла.

Алия возилась в моечной, Муса занял место так и не появившегося хозяина за стойкой, отделанной мозаикой с восточным орнаментом. Чайная представляла собой огороженную часть внутреннего двора, плавно уходящую в дом. Плетеный навес, мягкие диваны с подушками, низкие столики, и даже шторы, если ткань развязать они превратят каждый столик в отдельную комнату. Навес поддерживали изрезанные орнаментом столбы, такой же элемент декора присутствовал и внутри кафе. Пол застилала циновки. На каждом столике стояла прозрачная чаша со свечой. Тут было очень уютно вечерами.

— Где Пашка? — спросила я.

Муса раздвинул рот, изображая радушную улыбку.

— Не говори, что не знаешь кто это такая, — предвосхитила я реплику мужчины, —

Хочешь милицию? Сейчас будет. Хочешь ругани? С дорогой душой. Выбор за тобой.

— Вай-вай.... Какой красивый, и какой злой. Ну, зачем полиц? Тебе нужен? Нет? И мне нет. Садись, дорогой гость будешь, шашлык будешь, чай будешь...

— Муса, — я повысила голос, он заулыбался еще старательнее, — Она пропала, понимаешь? Пропала из этой забегаловки. Куда ушла? Зачем? — я потянулась к поясу за спиной. Вопреки принятому решению я взяла с собой клинок, сейчас успешно скрывающийся под выправленной рубашкой. Атам, как влитой вошел в петли для ремня, особенно под широкую пластину кожи со знаком производителя, оставалось только надеяться, что он оттуда не вывалиться и не порежет мне спину. Потянулась и уронила руку, представив, как махаю каменным ножом перед носом Мусы, смешно и грустно, — Аллахом заклинаю, скажи!

— Как что-то надо все Аллахом просят, — пробормотал он. — Нет ее, — акцент, придерживаемый для «дорогих гостей», заметно поубавился. — Ушел, — он развел руками. — Ни словечка не сказал: «Эй Муса, постой за моя, потом я за твоя», — он вздохнул, — Нехорошо так.

— Куда ушла? Когда?

— Не знать. Смотреть — дети стоять, женщин — нет.

— Она за водой пошла, — раздался тихий голос.

Мы обернулись, одинаково удивленные. Алия стояла в зале, вцепившись своими маленькими натруженными ладошками в черенок швабры, и говорила. По-русски, без малейшего акцента.

— Вы видели? — я шагнула к ней.

— Да, — женщина нервно покосилась на Мусу, но все же продолжила. — Вода кончилась. Она в кладовку пошла за новой упаковкой. Мне хозяин через полчаса крикнул, чтобы я мороженое выдала. Ее уже не было. Только дети и холодильник.

Мужчина что-то сказал на незнакомом языке, женщина дернулась и опустила глаза в пол. Он разглядывал ее со странной смесью удивления и враждебности, так бывает, когда тот, кого привыкли считать мебелью вдруг встает и открывает рот.

— Можно посмотреть? На кладовку?

Еще до того как я закончила вопрос, поняла, что он не разрешит. Не потому, что боится, а потому что не хочет. Запрет ради запрета, назло, мне и Алие.

Когда Ахмед еще питал надежду нанять всю троицу оптом, уж не знаю, чем приглянувшуюся, мы удостоились короткой экскурсии по заведению. Я помню, что кладовка находится сразу за боковой дверью, напротив большого холодильника, где на крюках висели туши баранов, кур, кроликов. Если я сейчас нырну в дверь по правую руку, которую как раз не закрыла Алия, в два шага окажусь перед кладовой. А Мусе придется либо, как герою фильма, перепрыгивать стойку, чему вряд ли способствует округлое брюшко над ремнем, либо бежать через дверь за его спиной, через мочную и кухню. В любом случае у меня будет несколько секунд.

А догонит? И что? За тесак из холодильника схватиться? «Очень может быть» — сказала та внутренняя я, которая недавно смотрела на мир из зеркала. Слишком давно вокруг меня лишь нечисть.

Чем-то я себя выдала, движением глаз или легким поворотом головы, потому что он закричал: «Эй!», не успела я сорваться с места. Муса трезво оценив возможности своего невысокого пухлого тела, выбрал путь через кухню. Там что-то загромыхало, когда я уже

открывала дверь кладовки. Алия осталась в зале, возвращаясь к своему молчаливому невмешательству. Охранников в чайной не водилось. Не доросли они пока в Остове до такого уровня преступности, а может, наглости и дурости, чтобы нуждаться в вышибалах. Что не может не радовать.

В маленьком квадратном пространстве кладовки свободной была лишь середина. Вдоль стен до самого верха громоздились товары в коробках, обтянутых прозрачной пленкой. То тут, то там зияли неровные дыры, когда банку или бутылку выдирали прямо из упаковки. Приправы, консервы, соленья, соки и воды. Большие бутылки внизу, маленькие вверху.

Как водится в летний сезон с лотка торговали не только мороженым, но и охлажденной водой. До настоящего июльского прибывающего к земле зноя было далеко, и тем не менее начало лета две тысячи двенадцатого вышло на редкость теплым. Вода по двойной, как водится, или тройной цене неплохо расходилась. Именно за ней пошла Пашка в кладовую, когда предыдущая партия закончилась, но вот взяла ли?

Я подняла голову, вокруг плафона под потолком летала жирная муха, единственное живое существо в помещении.

— Пошел отсюда, да! — закричал тяжело дышащий Муса, — Сам полиц позову!

Не кладовка, а закуток два на два метра, тут и кошку не спрячешь не то, что человека или змею. Да и не удержала бы ее хлипкая деревянная дверь с рисунком, похоже, нанесенным выжигательным прибором в детской руке.

Не думаю, что явидь остановила бы и другая, стоящая напротив меж двух декоративных столбов, с крепким механическим замком, створками из нержавеющей стали и ледяным нутром. Дальше по коридору, рядом с дверью черного хода, начиналась лестница вниз, ведущая в подвал к овощам и вину.

— Вызывай, — прошептала я, разворачиваясь к запанному выходу.

Приоткрытая дверь, за которой слышался шум проезжающих машин, а из-за косяка чуть выглядывала ручка в белой обмотке. Словно снаружи к стене прислонили велосипед. Или мопед. Я толкнула дверь, выходя на соседнюю улицу. В тени невысокого куста стоял грязно-белый потрепанный скутер. У нас пацаны летом на таких же громких и обшарпанных, по стежке гоняли, пока кто-нибудь вроде старика не рывкнет и не урезонит их на несколько часов.

Ахмед прижимист и вряд ли за ночь успел обзавестись новым транспортом для разносчика. Да еще точной копией старого.

— Вызывай, — повторила я, дотрагиваясь до ручки переключения скоростей, на колесах засохла рыжая грязь, Муса шумно дышал за спиной. — Пусть Пашка ушла сама, а ты не видел, не слышал, шашлык кушал. А парень, что развозил пиццу? Немного ли пропаж для одной забегаловки? У меня для тебя новость, он — несовершеннолетний. Разницу чувствуешь? — я посмотрела на мужчину. — Сядем, чай офицерам нальем, расскажешь, куда делся ваш посыльный, и откуда здесь мопед, который он не успел вернуть, потому что не вернулся сам, — я достала сотовый. — Милицию?

Чистый блеф, вряд ли у Мартына в этом мире были якоря в виде документов. Вчерашний воспитанник *filii de terra* еще не числился ни в одном из бесконечных человеческих реестров. И все же я не врала, парню было семнадцать, а стоящий рядом мужчина не был нечистью, чтобы услышать в голосе недосказанность.

— Эй, ну зачем так, — он взмахнул пухлой рукой. — Давай Ахмед придет все скажет, все что хочешь, да! Доволен будешь. Муса не знает где малой, мамой клянусь, не знает, —

мужчина понизил голос. — Позвонить заказ, Ахмед отправить малой с коробкой к клиент. Малой ушел, вай, хороший какой, не вор, вернул мотор, Ахмед доволен.

— Сам вернул?

— Муса не видеть кто.

— Куда вы его отправили? — спросила я, — Кто клиент?

— Если сказать — ты уходить?

— Уходить. Говори.

Мужчина поманил меня пальцем за собой к барной стойке. Кроме меню, на отделанной цветными стеклышками столешнице, лежала еще толстая, похожая на гроссбух книга. Муса раскрыл раздутый от исписанных синей пастой страниц журнал и ткнул пальцем в строчку.

«Пицца с колбасой, большая, ул. 2-я Очаковская, д. 23».

И все, ни номера квартиры, ни фамилии клиента.

Почерк у Ахмеда оказался по-детски округлым, но вполне читаемым.

По городку курсировало с десятков автобусов, и три маршрутных такси управляемых судя по выговору земляками Мусы. Один из них, разбрасывая камни из-под колес, лихо довез меня до северной окраины, и на ходу захлопнув дверь, скрылся за поворотом.

Первой Очаковской улицы на карте не было, как и третьей, четвертой, пятой и всех последующих. Но вторая змеиным хвостом обвивала Остов на севере, изгибаясь и петляя меж редких домами и песочными ямами. Жилье здесь не пользовалось популярностью, и выглядело так, словно было готово развалиться если не в этот год, то в следующий. Не заброшенные халупы, а скорее лачуги маргиналов. Алкоголиков, нищих, опустившихся и ничего не желающие делать и знать людей. Подлатают, чтобы не рассыпалось, и живут дальше, а если что-то отвалиться, значит, такова судьба. Красить постройки никому в голову не приходило, как и поднимать повалившиеся заборы.

Я двинулась вдоль грунтовой с остатками асфальта дороги, где-то на противоположном конце улицы забрежал пес. С каждым шагом, следов запустения становилось все больше и больше. Кусты, деревья, лебеда, проросшая прямо сквозь ступени крыльца, птичий помёт на крышах, серое осиное гнездо перед выбитым окном. И нарастающая почти неслышная вибрация, от которой хочется убежать.

Не думаю, что здесь живут люди, заказывающие пиццу. Не думаю, что тут, вообще, живут, в отличие от начала улицы, где на веревках сушилось видавшее виды белье. Все, кто пытался либо в психушке, либо привыкают к долгим прогулкам по безвременью.

По тому, как натянулось что-то внутри, я поняла, что встала на стёжку. Дорогу в нашу тили-мили-трядию. Улица закончилась тупиком, в котором стоял дом, его стены еще хранили воспоминания о светло-голубой краске, на торце чернел едва заметный номер «23».

Все бы ничего, да только об этой стёжке нет ни единого упоминания, ни в книгах, не на официальном сайте восточных пределов. Она также не входила в число тех трех, что располагались в непосредственной близости от Остова.

Вопрос, что сделал Мартын, когда понял, куда именно надо доставить пиццу? Ответ прост — доставил. Даже мы в Юково бывало заказывали еду на дом, правда, всегда старались встретить посыльных перед переходом.

Я подошла к чудом державшейся вертикально части забора. Вдоль косых, расщепленных досок, шла засыпанная песком сточная канава. Влажно поблескивающая густая рыжая грязь, по цвету очень напоминала ту, что осталась на шинах мотороллера. Я присмотрелась к

рифленым следам, тут стояло что-то на двух колесах. Мопед или мотоцикл, а вот для велосипеда следы слишком широкие.

Чем ближе к дому, тем тише становились звуки. Стих ветер, замолкла и без того редкая переключка птиц, даже собственные шаги потеряли силу, став совершенно бесшумными. Я миновала заросли лебеды и крапивы, гигантский зонтик прошлогоднего борщевика, проросшего прямо сквозь дырявую стену. Он едва заметно качнулся в мою сторону. Не запертая, а только прикрытая дверь, разохшиеся доски и хорошо смазанные петли.

— Эй, — позвала я вдруг севшим голосом, и звук затерялся в неестественной тишине стёжки.

Я сделала первый шаг внутрь. Пол тщательно очищен от мусора, как и дом. Ни мебели, ни людей. Ничего. На обоях в прихожей широкий темный прямоугольник, вероятно, здесь висело зеркало, или постер с молодежным певцом или лунный календарь огородника. На потолке пучки скомканных проводов, облетевшая краска. Голо, пусто, тоскливо. Сюда не забредают бомжи или подростки, ни следов кострищ, ни грязного матраса в углу, ни пластиковых стаканчиков и использованных презервативов. Даже пыли нет.

Широкий коридор пересекал дом насквозь. Не заглядывая в комнаты, я подошла ко второй двери, вырубленной в стене гораздо позднее. Это видно по грубым сколам досок, отсутствию наличников и даже ручек на полотне. Не дверь, а шатающаяся деревянная сворка. Туда-сюда. Без скрипа. В тишине.

Стоило выйти на задний двор, как узел в животе свернулся еще туже. Огорода как такового не было, все та же лебеда, да крапива, вставшая по обе стороны дома сплошной стеной. Не было видно ни заборов, ни соседских участков, да вряд ли они существовали здесь на грани перехода.

Дом словно стоял на пригорке, широкая тропинка, тянувшаяся через весь участок, медленно спускалась с его склона. Дорожка, покрытая тем же осыпавшимся из-под ботинок рыжим песком. Ног коснулся туман. Сперва редкий, от которого мир становился пыльным. Потом, плотнее, непроницаемо матовый, окружающий со всех сторон и оставляющий тебя один на один с дорогой.

Этот переход был привычным в своей жесткости. Без ласковых уговоров и предложений прогуляться под гигантскими листьями крапивы. Сорняки разрослись до размера пальм, жгучие побеги чуть шевелились, словно живые. Все было как обычно, паника зарождающееся в голове, удары сердца, отдающиеся грохотом в ушах, и отчаянное желание убежать. Но каждый бесконечный шаг перехода, я помнила, что бежать мне больше некуда, и поэтому ни на миг не остановилась, не свернула, не оглянулась.

Тропа поднялась, всплывая из молочной мути, впереди был не песчаный склон, а хоть и старое, но добротное асфальтовое покрытие, светло-серое с крошащимися краями. Подталкивающий в спину страх отступил. Заросли вдоль дороги не стали меньше, травянистые столбы стволов, жирные и мясистые больше всего напоминали ни разу не виденные лианы джунглей. Толстые основания растений уходили в песок, который начинался там, где заканчивалось дорожное покрытие. Песок, из которого не могло расти ничего столь большое и зеленое. Однако росло и весьма неплохо.

Дорога уходила за горизонт.

Я понятия не имела, где очутилась, и спросить было не у кого. Метров через сто-сто пятьдесят стезжку перегораживала железная конструкция. Широкая висевшая в воздухе на высоте примерно третьего этажа дома, труба, края которой уходили в заросли за границу

видимости. Отсюда и иллюзия «висения», хотя наверняка они к чему-то крепились.

К перекладине с помощью цепей подвесили клетку. Обычную такую, если в клетках вообще может быть что-то обычное. Дно замерло в полутора метрах над землей как раз на уровне глаз. Подул ветер, цепи тихо звякнули, решетки качнулись.

Почти зловещее зрелище. Все портило отсутствие двери и мало-мальски приличного запора. Проем, сквозь который при желании можно залезть внутрь покачивающейся темницы был, а вот ни двери, ни засова не было. Вход и выход в подвешенную камеру был свободным.

Я остановилась, не дойдя до нее с десятков метров, на обочине, там, где крошащийся асфальт сменялся песком, лежала плоская квадратная коробка. Я подошла, присела, потрогала отсыревший за ночь картон и подняла крышку. Песок осыпался с тихим шорохом. Большая пицца с колбасой так и не была доставлена клиенту. Клетка снова качнулась, хотя, возможно, он заказывал нечто иное.

Вернувшись на дорогу, я попыталась представить, в какой момент Мартын отбросил коробку, и что его на это подвигло.

Ответ мне дали через десяток шагов. Уж не знаю, на что я там наступила, задела, и какой рубеж пересекла. Но асфальт под ногами вдруг разъехался, распался на кусочки-островки, будто лед на весенней реке, только здесь вместо воды желтый песок который вдруг обрел подвижность. Светло серые куски асфальта исчезли в его быстром течении.

Я вскрикнула, отпрыгнула, споткнулась и упала на четвереньки. Руки и колени ушли в холодную сыпучую глубину, увязая в текучем песте, как в болоте. Стоило поднять одну ладонь, как вторая, проваливаясь дальше, словно я пьяный давилщик винограда, вставший вместо двух на четыре конечности. Я отпихивалась от песка, не понимая, что тело непонятно каким образом остается в одном положении, в положении «над» землей.

Паника плохой советчик.

В очередной раз рванувшись, я задела ладонью обо что-то острое. Вытащила руку, успев заметить длинную царапину на коже, выступившую кровь, налипший на рану песок. Не скажу, что это сильно отрезвило, но заставило задуматься.

Когда песок в очередной раз просел под пальцами, я собрала волю в кулак и замерла. На миг, на один удар сердца, чтобы нащупать под песком то, обо что распорола кожу.

Руки провалились, и все замерло. Стоило остановиться мне, как замирал и песок. Ладони уперлись в твердые куски того самого утонувшего асфальта. Песчинки опять зашевелились, но ни руки, ни ноги дальше скрытой опоры не проваливались. Это не зыбучие пески, это пародия на них. Ловушка для нечисти.

Я выдернула руки и села. Песок, словно живой, раздался в стороны, щиколотки и задница тут же провалились, попавшие под одежду песчинки царапали кожу. Очень неприятное чувство, когда инстинкты велят вскочить и бежать со всех ног. А вдруг на этот раз земли в глубине не окажется, вдруг на этот раз я провалюсь?

Но она была на месте.

Я посмотрела на клетку, до нее было ближе чем до перехода, как раз на один хороший прыжок. Когда земля под ногами оживает не до рассуждений. Нечисть скорее добровольно ляжет на алтарь, чем коснется песков Простого и утратит магию. Так что выбор Мартына очевиден. Как и отсутствие двери у клетки, нелюдя из нее еще и выманить надумаешься, хоть человеческой печенкой тряси.

Хорошо, что я человек, стало быть, хуже уже некуда, а бояться поздно. До спасительной

клетки при всем желании до не допрыгнуть, возможности не те.

Я отряхнула ладони, стирая с царапин выступившую кровь, и встала. Мгновенье невесомости, когда песок расступался, обтекая ботинки, а потом подошвы коснулись твердого дна дороги.

К шагу, более напомиравшему ходьбу по глубокому, плотному и тяжелому снегу, я приноровилась быстро, во всяком случае, не падала. Клетка впереди все так же покачивалась на цепях, не проявляя никакой агрессии. Предполагаю, что целителя они получили именно в этой упаковке. Хотя кто такие «они» еще предстояло выяснить.

Я коснулась холодного металла. Ни дверей, ни запоров, ничто не мешало Мартыну впоследствии выбраться отсюда. Ничто, кроме подвижного песка. И еще магии. Пальцами я чувствовала неровные засечки на железе, на первый взгляд, маленькие и беспорядочные, а на второй... Я склонила голову набок, если представить, что вертикальные прутья — это строки, то хаотичные насечки складываются в буквы инописи, нанесенной нетвердой детской рукой, но вполне опознаваемые. И очень знакомые, по спине пробежал холодок предчувствия.

Я уже видела эти спускающиеся сверху вниз строки. Видела там, где они не привлекали внимания. На столбах в чайной, в окружении цветочного орнамента знаки смотрелись органичной частью узора, а не символами древнего языка.

— Что ж, Ахмед, дорогой, нам пора поговорить, — я дотронулась до рукояти отозвавшегося теплом атама, — На этот раз по-нашему, по-нечистому.

Стоило ступить на склон перехода, как асфальт поднялся обратно. Черные куски покрытия всплыли из-под песка и собирались в единую, немного потрескавшуюся, но оттого кажущуюся такой настоящей дорогу. Ловушка взведена.

Около дома меня ждал сюрприз — открытая аптека, за прилавком Егорыч с помятой рожей и в несвежем халате. Витрина была украшена веселенькими плакатами и рекламными открытками, обещающими чудесное исцеление от любых недугов. Аптекарь попытался улыбнуться. Неудачно, видимо, моя рожа была ничуть не лучше его.

— Я больше не буду, — сразу пообещал Егор.

— Чего не будешь? — получилось немного враждебно, но я всю дорогу накручивала себя, создавая настрой для беседы с хозяином чайной.

— Он сразу сказал, что тетка не отпустит, — молодой мужчина отпил из стакана пузырящуюся жидкость и с облегчением выдохнул, — А я велел сваливать из-под вашей юбки. Классно бы повеселились.

— Куда сваливать?

— Ладно вам. Осознал, проникся. Девочки из общаги только для больших мальчиков, — он сделал еще глоток, рука слегка подрагивала.

— Ты вчера прогулялся по девочкам, — дошло до меня, — И набрался, — я посмотрела на помятое лицо, — Потому и на работу опоздал. Мартына с собой звал?

— Да, но он не пришел, так что я чист и перед вами и перед законом, — Егорыч пожал плечами и рыгнул, носа коснулся стойкий запах перегара, — Обещаю больше с пути истинного не сбивать. Хотите на галоперидоле поклянуться? Отпустите вы его ко мне, — страдальчески попросил аптекарь, — Скучно хоть вешайся, а еще башка трещит, — он снова схватился за стакан.

Отвечать я не стала, просто вышла, дверь, звякнув колокольчиком, закрылась. С

радостью отпустила бы, хоть в бордель, хоть в наркопритон, целителю для этого моего разрешения не требуется, лишь бы было кого отпускать.

Из чайной неслась витиеватая восточная музыка, слышался гортанный выговор, щедро разбавленный русским матом без малейшего акцента, у Ахмеда собирались очень разные люди, но спиртное стирало национальные границы или делало их непреодолимыми, это как повезет.

Быстро пойдя мимо распахнутых ворот, я увидела хозяина, склонившегося к одному из гостей, значит, Муса колдует кухне. Быстро завернув за угол, я дернула заднюю дверь чайной. Та была по-прежнему открыта, и рядом с ней по-прежнему стоял вымазанный в грязи мотороллер. Ахмед не испугался ни моего возвращения, ни визита милиции. Вернее, полиции, когда тридцать лет ты называешь кабачок кабачком, новое «цуккини» постоянно вылетает из головы. Для такой смелости нужны причины.

Я вошла, прикрыв за собой дверь. Открытый погреб все так же зиял темнотой, закрытый холодильник блестел стальными дверями, на пороге кладовой стояла не дотащенная до места назначения упаковка банок зеленого горошка. Из кухни тянуло маринованным луком и терпкими специями плова. Столбы стояли там же где утром, молчаливые часовые по обе стороны каждой из находившихся здесь дверей. Я подошла к ближайшему.

Завитушка, скошенный круг под ней, перевернутая «п» следом, и наклонная волнистая линия. Резные знаки — буквы древнего языка терялись в ярком рисунке декора. Заметили ли их Пашка и Мартын? Если да, то почему не насторожились? Пусть явидь в инописи не сильна, но целитель подобной неграмотностью не страдал, его владение языком древности было на уровень выше, то есть: «читаю и перевожу со словарем».

Я прислонила жало Раады к покрытой лаком поверхности, чуть нажала и провела, снимая тонкий слой стружки вместе с частью букв. Столб остался равнодушен к вандализму. Я перехватила атам снова, на этот раз намереваясь поковыряться в дереве острием, но из-за удара в плечо промахнулась, и каменное лезвие оцарапало стену.

За спиной стоял Ахмед, не особо одобрявший столь наглую порчу его имущества. В отличие от помощника он был суховат, и еще не обзавелся вальяжным брюшком и вторым подбородком. Смуглая кожа, глаза маслины, вытянутое лицо, волнистые черные волосы и золотой зуб вместо правого клыка. Он постоянно смотрел мир с прищуром. Очки в толстой роговой оправе торчали из нагрудного кармана рубашки, но пользовался он ими редко.

— Эй, чевой творишь? Деньга платить будешь, да?

Смуглое лицо было полно показного негодования, другой посетитель уже бы рассыпался в извинениях. Но не я. В мире нечисти нужно видеть куда глубже тех эмоций, что хотят показать. Я забыла об этом в мире людей. Потому что от них подвоха никто не ждал. Глупая ошибка, но исправимая.

Фальшь, я не увидела, а услышала. В громком крике мужчины было лишь притворство, к тому же не очень умелое. Лицо полного показного возмущения, сквозь которое проступало равнодушие и скука.

Хотя я могла ошибаться, выдавая желаемое за действительное, видя черную кошку там, где ее нет.

На слова не было ни времени, ни желания, и я обошлась без них, молча резанув атамом по мужскому предплечью. Это был риск, потому что человек мог заорать и поднять на ноги всех завсегдатаев и праздных прохожих.

Рукав окрасился кровью. Не рана, а всего лишь царапина, но Ахмед разом посерел, схватился за грудь, тяжело дыша, привалился к стене и грузно осел на пол. Атам пьет жизненные силы, и для этого совсем необязательно наносить раны в корпус. Если держащая его рука, моя рука, я захотела, нож выпил бы всю силу через эту царапину. Но я не хотела.

Вру. Даже себе иногда вру, иначе лишусь сна. Когда лезвие прошло по его коже, ладонь кольнула теплая искра чужой жизни, так старый знакомый с радостью жмет тебе руку. Я помнила, каково это — пить чужую жизнь. Наверное, именно так и становятся маньяками, убивающими всех подряд. Убийство ради убийства, ради удовольствия, без цели и смысла. Но я сдержалась. Он нужен был живым. Пока.

Я присела на корточки, заглядывая мужчине в лицо.

— Будет хуже, — честно предупредила я, — Второй удар скорей всего убьет тебя. Где они Ахмед?

Он дернулся, и на миг показалось, что я переборщила, и загнется сам от сердечного приступа, или внезапно открывшейся язвы желудка. Спазм сотряс его грудь снова, но мужчина не умирал, он смеялся.

— Убьет? Наконец-то, — хозяин чайной поднял взгляд. — Бей, человек.

Столько презрения в одном слове. И все сразу встало на свои места. Кем был хозяин чайной, и кем стал.

— Нечистая кровь, — пораженно прошептала я, раньше за мной таких ошибок не водилось, а уж за Пашкой и Мартыном подавно, не опознать нечистого они не могли, если только... Если только Ахмед больше не был нечистым.

— Был когда-то давно, — он задрал голову, обнажая шею. — Режь.

Его акцент пропал, я вспомнила круглые ровные строчки в журнале заказов. Ахмед прекрасно владел русским, роль, которую он играл, была частично списана с Мусы, а частично отвечала тем ожиданиям, что неосознанно предъявляли к чайной, посетители.

Сейчас на полу сидел серый, выцветший, словно старая фотография, человек. Я могла резать его со спокойной душой, но не ради сведений, а ради ощущения биения чужой жизни. Только ни Пашку, ни Мартына это не вернет. Ахмеда выбросили из внутреннего круга времени, как рыбу из воды. Он задыхался вдали от нашей тили-мили-трындии. Он не боялся смерти, и подозреваю боли тоже. Во всяком случае не той, что способны причинить мои руки. Перед ним был не палач, и не пытарь.

— А знаешь, ведь есть способ сделать кровь снова нечистой, — сказала я, вглядываясь в пепельное лицо, кровь из царапины и не думала останавливаться.

— Знаю. У меня для тебя новость, человек. Вестник порченые души к оплате не принимает, только те, что родились чистыми.

— Что ж, действительно новость, — жало вернулось под рубашку, — Только я не об этом. Существует другой способ вернуть в тело магию.

— Предположим, — мужчина закрыл глаза, восстанавливая дыхание, — Предположим, кто-то другой не развел тебя, скармливая небылицу. Но во что я никогда не поверю, так это в бескорыстность, даже человеческую, иначе давно бы ускакал на единороге по радуге, — он демонстративно плюнул на пол, — Что ты хочешь взамен своей сказки, человек?

— Сделку, — я встала.

— Сделку? Человек с человеком, — он хрипло рассмеялся, — Даже ваши выдуманные боги не могут отучить людей от вранья, куда уж мне, — Ахмед растер раненую руку, и опустил голову.

Я ему не мешала, не прерывала молчания, прекрасно зная, что уже зацепила его, предложила мечту. Можно вытянуть из нечисти магию, но даже в уязвимом человеческом теле она останется нечистью, будет думать, как нечисть, реагировать, как нечисть и принимать решения, как нечисть. Я задела ту струну нечистой души, что заставляет их совать голову в пасть к левиафану, чтобы пересчитать зубы и убедиться, что у тебя больше. Та самая черта, что подтолкнула Мартына к дому номер «23» и к клетке. Любопытство? Авантюризм? Дурость? А может, все вместе? Нечисть всегда рада сунуться в логово к волку, особенно если «волк ждал».

Я стояла и ждала.

— Представим, — мужчина подобрал ноги и чуть распрямил плечи. — что я согласен. Условия?

— Мои спутники. Верни их.

— Не за себя просишь. Все-таки альтруизм. Ненавижу, — он оперся о стену здоровой рукой и стал медленно подниматься, — Какие гарантии, что ты выполнишь свою часть.

— Никаких.

— Все лучше и лучше, — он отвернулся.

— Мало того, я требую предоплату.

— Требуй, никто не запрещает, только подальше от моего заведения.

— Мы заключаем сделку, — я заставила себя остаться на месте, а не кинуться вслед возвращающемуся в зал Ахмеду, — Ты возвращаешь одного из них. Я помогаю тебе вернуть в кровь магию, и с этого момента, — щелчок пальцами и мужчина замер.

— Сделка становится настоящей, потому что становлюсь настоящим я, — тихо закончил Ахмед, разворачиваясь. — Логичнее сразу вернуть мне магию, и тогда наш договор вступит в силу сразу.

— Может быть, — согласилась я. — Но я не верю тебе в большей степени, чем ты мне. Считай это страховкой. Вывернуть меня наизнанку и заставить отказаться от сделки, если рядом будет кто-то третий, немного сложнее, чем один на один.

— Что мешает мне, — он оперся рукой о стену, — сделать это прямо сейчас? И ты расскажешь все, что знаешь без всяких обязательств?

— Валяй, — я коснулась ножа, но доставать не стала. — Получиться или нет еще бабка надвое сказала. А сделка, это сделка, зависимые обязательства.

Из зала раздались громкие крики, или это были тосты, на незнакомом языке, и требование «хозяина» на знакомом. Ахмед отлепился от стены и снова направился в зал, но через пару шагов оглянулся, дав ответ, по сути, не давая его.

— А если, — он облизнул губы, — Если один из твоих друзей уже не в моей власти?

— Значит, ты сделаешь все, — я выделила голосом последнее слово. — Чтобы вернуть его.

Мужчина ушел. Он не сказал нет. Для нечисти это равносильно согласию.

Все-таки я ошиблась. Глупо и обидно, не проверив все помещения чайной. После того как мы с Ахмедом пожали руки, проговаривая условия сделки, после ее заключения, он всего лишь повернул рычажок регулировки температуры в морозильной камере с максимума до нуля. Чувство, что меня надули, было столь, острым и столь явно отразилось на лице, что мужчина рассмеялся и пояснил:

— Земноводные при длительном нахождении в низких температурах впадают в спячку.

Не знала?

Знала, конечно, вот только совместить в голове это знание с явдью никогда даже не пыталась.

— Ну, а до того ее силу сдерживали они, — он погладил гладкий бок столба с буквами инописи и потянул за железную ручку.

Холод коснулся лица. Под потолком зажглись продолговатые отбрасывающие синий свет лампы. У меня перехватило дыхание. Она была там, в метре от выхода, под длинным свисающим сверху крюком. Две выпотрошенные туши аллели у задней стенки почти пустого холодильника. Змея свернулась кольцом на голом полу, вжав голову в хвост, обнимая себя за тело лапами. В воздухе чувствовался едва уловимый травяной запах, я настолько привыкла к нему, что перестала замечать. Иней осел на черной чешуе и вишневом платье, придавая им пепельный оттенок. Никогда за все время знакомства Пашка не казалась такой маленькой и беспомощной. Она просто не могла такой быть, не имела права.

Я упала на колени, больно ударившись о кафель, и попыталась сделать хоть что-то — растормошить, поднять, укрыть торопливо стаскиваемой рубашкой. Пашка была тяжелой и холодной, как отлитая из бронзы скульптура. Мелькнула мысль о том, что Ахмеду надо всего лишь захлопнуть дверь, чтобы избавиться от доуки. Явдья чтобы не замерзнуть и не задохнуться впала в спячку. Я такими способностями не обладаю, сон человека на полу морозильной камеры быстро станет вечным.

— Не трогай, — сказал хозяин чайной, — Лично я хотел бы оказаться где-нибудь подальше, когда она очнется. А это будет, — он поднял руку с часами на запястье, — Минут через пятнадцать, максимум полчаса.

— Как ты решился? — я вгляделась в припорошенную инеем змеиную морду, — Она разнесла бы твою шарашку в любом случае. На что рассчитывал? — мужчина остался равнодушным к словам, словно я рассказывала рецепт шаурмы и клялась, что он новый именем бабушки, — Или именно на это? Настолько все надоело?

— Она должна была очнуться очень далеко отсюда, — кончик хвоста явиди чуть дрогнул, и Ахмед отступил в коридор, я встала, — Ее бы забрали завтра, и чайная была бы наименьшей из проблем.

— Кто они? Куда забрать? — я вышла в коридор, в камере, несмотря на распахнутую дверь, было все еще холодно.

— Я отвечу, после того как ты выполнишь свою часть обязательств. Если выполнишь, — в голос вернулись тоскливые нотки, он и сам в это не верил, но решил рискнуть, — Есть разница, кто сольет информацию человек или травитель^[5].

— Им, — я замаялась, — нужна только нечисть?

— Мужуку бы применение нашли, — он окинул меня равнодушным взглядом, — А с бабами одна морока, овчинка выделки не стоит.

— Ладно, — смирилась я с расплывчатым ответом. — Но как ты узнал? Мы так выделяемся?

— Без понятия, — Ахмед прислушался к гортанному голосу, за дверью кухни Муса отчитывал Алию, за что непонятно, но таким тоном явно не в любви признаются, — Я вас видел, — мужчина достал из кармана очки в темной оправе, на секунду замер, а потом с усмешкой протянул мне, — Артефакт. Сквозь него видна истина, а не то, чем она кажется.

Любопытством страдает не только нечисть. Я надела очки, они были чуть теплыми от прикосновения мужчины, и немного давили на виски. Собралась духом и посмотрела на

Ахмеда. Ничего не изменилось. Передо мной все так же стоял худой смуглый мужчина с усталыми равнодушными глазами, разве что лицо стало чуть смазанным, словно стекла были с диоптриями.

— Ничего, — я подняла брови.

— Плохо смотришь, — он поманил меня пальцем, приоткрывая одну из дверей.

В нос ударили запахи готовящейся еды, ушей коснулось бормотание, очень похожее на монотонный речитатив заклинания. Муса колдовал над электрическим казаном. Последнее несколько портило картину, тут был уместнее средневековый очаг, гроздья сушившихся специй, свисающие с потолка, метла и черный кот тоже бы не помешали. И тем не менее ничего особенного очки мне так же не показали.

— Теперь еще раз на меня, — он взялся за ручку.

Но дверь закрыл не Ахмед, не тот Ахмед, что минуту назад открывал ее. Сухощавый смуглый мужчина, лицо которого старело на глазах, как на кадрах киноплёнки. Только что ему было около сорока, и вот уже передо мной стоит старик с молодым телом. Борозды времени возникали на его коже из ниоткуда, словно штрихи на рисунке. На смуглых руках проступили пугающие серые пятна, обломанные ногти, желтые белки глаз.

Я попятилась. Граница видения сместилась, и все снова стало обычным, с Морщины и цветные пятна растаяли от тепла обычных потолочных светильников.

— Зеркало там, — указал в сторону общего зала Ахмед, — Хочешь знать, чем стала ты? Хочешь понять, куда идешь?

Я торопливо сняла очки и отдала мужчине. Вряд ли зеркало покажет мне только морщины. Мужчина усмехнулся и убрал оправу обратно в карман. Из холодильника донесся невнятный шорох.

— Надеюсь, ты объяснишь подружке, что без меня вам не видать парня, и можете хоть наизнанку выворачивать, но...

— Вывернем, — прошипел голос.

Секунда и тело хозяина чайной обвил черный мускулистый хвост. Ахмед захрипел. Явидь зашипела, с чешуи тонкими пластинками отходила наледь.

— Пашка, — закричала я, повисая на змее, — Стой! Пожалуйста! Он нам нужен! Он знает, где Мартын!

Она слышала, но ей было все равно. В глазах с двойными зрачками бушевала медная ярость, делая слова бессмысленными. Но я продолжала кричать, а она продолжала «не слышать».

Хрип мужчины перешел в сип.

Я выхватила атам и резанула по чешуйчатому хвосту. Выступила кровь. Явидь в отличие от человека даже не пошатнулась. Сгусток тепла скользнул в руку, заставляя сильнее сжать малахитовую рукоять. Но эффект был, теперь Пашка шипела на меня, не выпуская, впрочем, Ахмеда из крепких объятий.

— Без него нам не вернуть Мартына, — проговорила я, глядя в оскаленную пасть, и с трудом сдерживая порыв броситься в холодильник и попросить запереть дверь, — Я заключила сделку. Мы помогаем ему, он нам. Но если пасынок тебе не особо нужен, можешь продолжать, — клинок демонстративно вернулся под рубашку.

Пашка закрыла пасть, хвост разжался. Мужчина второй раз за день осел на пол. Шипение перешло в злой рык, чешуйчатое тело сжалось, как пружина, и метнулось в сторону.

Не знаю, было ли это необходимостью, как я предпочитаю думать, или она пошла на поводу у ярости. Из той двери, что недавно открывал для меня Ахмед, из кухни соединенной с моечной, вышла Алия. Тихая молчаливая женщина, вряд ли совершившая жизни что-то, заслуживающее наказания.

Бросок змеи был точен. Алия даже не успела закричать. Она и пикнуть не успела, когда на нее обрушилось тяжелое нечеловеческое тело, подминая под себя. Брызнула кровь. Трехсантиметровые клыки впились прямо в удивленное лицо, сдирая, искажая и уничтожая черты. Хрустнул нос, лопнул глаз, разорвались и вывернулись губы, обнажая розовые десны, с крупными белоснежными на фоне крови зубами.

В дверях подавился криком Муса, его жирный подбородок затрясся. Повар попятился, что-то с грохотом упало. Пашка подняла окровавленную морду и улыбнулась совершенно безумной даже для нелюдя улыбкой. Тело Алии содрогнулось. Муса взвизгнул и убежал вглубь кухни, то и дело натываясь на мебель, задевая и роняя утварь. К двери подкатилась одинокая миска, издавая немелодичное «виу-виу». Аппетитный запах не изменился, тушеные овощи, жареный лук, специи и теплая кровь. Пашка облизнулась.

Через час я без всякого энтузиазма разглядывала целлофановый сверток, лежащий на кухонном столе по соседству с широкими кольцами налокотника.

— Прекрати, ты сама все это затеяла — процедила явидь, когда я в очередной раз старательно отвела взгляд от черной пластиковой пленки с телом, лежащим в углу.

Меж зубов нелюди то и дело выскакивал раздвоенный язык, эмоции человека заставляли ее морщиться. Ответить было нечего, кроме того, что убийство женщины никак не входило в мои планы.

Хлопнула дверь, и в кухню вошел Ахмед. Значит, порядок в чайной уже навели, пол отмыли от крови, гостям вынесли новую порцию шашлыка и вина, за счет заведения. Повар вопреки ожиданиям не побежал в милицию, крича «караул» на каждом перекрестке, а тихо и мирно напился в кладовке. Как сказал бывший травитель, Муса знал, с какой стороны хлеб намазан маслом, а с какой ядом.

Кольнуло разочарование, что этот жирный трясущийся человек, смелый только супротив женщин жив, а Алия — нет. Такие мысли сами по себе были неправильными. Не мне выбирать кому жить, а кому умирать, основываясь на симпатиях и антипатиях. И тем не менее я этот выбор сделала.

Мужчина оглядел комнату, не впечатлился и повернулся ко мне:

— Что дальше?

— Нужно собрать артефакт, — я указала на стол с поцарапанной столешницей, под ножку которого была подложена сложенная в несколько слоев картонка.

— Артефакт?

— Доспех ушедших, — явидь подцепила когтем скрепленные между собой кольца, — Действует только в сборке. Учти, заставлять и уговаривать не будем.

Ахмед взялся за пакет и стал с тихим шелестом разматывать целлофан.

— Артефакты ушедших, как правило, благотворительностью не занимаются, — проговорил он, вытаскивая что-то похожее на старую корягу.

— У тебя дети есть? — спросила я.

— Да, — он поднял голову, — Двое.

— Соберешь артефакт, и он вытянет из них силу. Может, жизнь, точнее не скажу, ты не

совсем человек, — мужчина медленно моргнул, — Правило коснется не только настоящих потомков, но и будущих.

— Сделай одолжение, откажись от сделки, — змея вернула на лицо безумную улыбку.

— После встречи с песками Простого, когда я лишился силы, не прошло и часа, когда меня вышвырнули из собственного гнезда, — мужчина вернул ей улыбку, впервые в ней не было ни капли равнодушия, лишь предвкушение, — С тех пор здесь прошло семнадцать лет, там почти два. Я больше ни разу не видел своих детей.

Ахмед взялся за корягу и вставил в круглое нутро железных колец. Усохшая до каменного состояния кость глухо стукнулась потемневшую стенку, и... Ничего не произошло.

— Что еще сделать? — надежда в глазах мужчины потухла. — Сплясать танго? Помахать волшебной палочкой? Сказать слова заветные?

— Земля прощай, в добрый путь, — пробормотала я, вспомнив мультик.

— Что ж, неприятно было познакомиться, — Ахмед положил артефакт на стол.

Но перед этим он перехватил руку, на миг коснувшись железной части артефакта обеими. Я сразу вспомнила, как на уроках физики в средней школе Шапокляк (увы, физичка была маленькой щупленькой и носила характерные шляпки), рассказывал об электрической цепи, о ее замыкании, о загорающейся лампочке. Именно это и сделал мужчина, он замкнул магическую цепь.

Через широкие ладони прошла молния. Короткая и ослепляющая. Артефакт осветился изнутри, кость на мгновение обросла плотью, а железо засверкало словно отполированное. Для доспеха время повернулось вспять, и для того, кто его держал тоже.

Ослепительная вспышка, хлопок, запах горелым пластиком, словно где-то перегорела розетка. Ахмед с куда большей осторожностью и почтением положил артефакт на стол. Внутренность доспеха снова почернела, съежилась, и старой сухой корягой вывалилась на столешницу. Травитель сжал и разжал руки, вокруг пальцев закрутилась едва заметная зеленоватая дымка. Ахмед задрал голову и захохотал. В этом смехе было все: торжество, злость, радость и предвкушение.

Не надо быть нечистой, чтобы увидеть, как изменился хозяин чайной. Он не превратился в старика, которого я видела сквозь стекла очков. Он остался сорокалетним нечеловеком. Но белки глаз пожелтели, как и ногти, а руки покрылись серыми проплешинами трупных пятен.

Ахмед оборвал смех, клацнув удлинившимися клыками. И с наслаждением выдохнул в воздух черную, так похожую на скопище мошек взвесь. Разносчик вернул силу.

— Сделка, — я протянула руку.

— Сделка, — подтвердил он обязательства.

— Где Мартын?

— Не знаю.

Явидь зарычала, когти выскочили из пальцев на сантиметр.

— Но я знаю, где он будет завтра утром.

— Где? — спросила я.

— На охоте.

— Он зимний, если ты не в курсе. Да и боюсь, ему несколько поздновато устраивать первую охоту, так же как вторую и третью, — фыркнула змея.

— Он не будет охотиться, — разносчик болезней размял пальцы, как заправский

пианист. — Охотиться будут на него.

— Ахмед... — начала я.

— Мое имя Лихорадный Авис.

— Не ври, — Пашка подняла хвост и ударила им по полу, в стороны брызнула коричнева плитка. — Кто из детей охотится на сородичей?

— Тот, кто охотится на нас всю жизнь. У летних вырос ветер — охотник.

Утро мы встретили на стежке. Если наложить карты миров друг на друга, то получается где-то чуть западнее Остова, и что там ему соответствовало в нашей тили-мили-трындии. Край солнца неохотно выползал из-за далекого кажущегося пологим склона.

— Ты уверен? — раз в третий спросила явидь.

— Да, — огрызнулся Авис, — Для дичи охота всегда начиналась отсюда, не думаю, что за прошедший год что-то изменилось.

Мы сидели, стояли, ходили по большой изрытой кочками прогалине. То там, то там торчали редкие кривые деревца, чахлый кустарник робко тянулся по краю поляны, за которой начинался уходящий за горизонт лес. Мы не от кого не прятались. Мы ждали.

Никто больше не говорил об опасности подстерегающей человека на таких мероприятиях. Думаю, травителю было все равно.

— Ветер на первой охоте, — покачала головой Пашка, — Мелких и особо буйных к нему на пушечный выстрел не попустят, чтобы не лишиться в одночасье целого поколения. Так что, можешь бродить сколько влезет. Сам он вряд ли будет размениваться на человека, — она посмотрела на меня с сомнением и обнадеживающе добавила, — Я бы не стала.

Спустя час после рассвета с северной стороны раздалось урчание мотора, а через минуту, сминая кусты и скрипя механическими узлами, на поляну выкатился серый уазик, именуемый гражданами буханкой. Если считать с водителем, который остался за рулем, приехавших было семеро. Шесть мужчин и одна женщина. Сперва из салона выпрыгнули трое в одинаковых желтых жилетах с круглой эмблемой на груди. Светлая паутина на черном фоне.

— Эмиссары хозяина, — пояснил Авис, указав на знак.

Троица, показавшаяся следом, была одета по-разному, и предпочитала держаться подальше и друг от друга и от желтых жилетов.

Первый — очень высокий и мускулистый с лысым черепом и маленькими глазками. Ботар. Вторая — молодая женщина, сразу отошедшая на край поляны. Она вскинула голову к небу, с полных губ сорвался губы беззвучный шепот, и стройную фигурку тут же овеял ветер, взметнувший длинные каштановые волосы. Ведьма.

И третий...

— Март! — крикнула Пашка.

Парень вздохнул, отделился от группы, и быстрым шагом к нам. Судя по хмурому лицу, особой радости от встречи он не испытывал.

— Привет. Вы чего здесь забыли?

— Тебя, — явидь прищурилась, глядя на троицу в одинаковых жилетах.

Ход ее мыслей предсказать нетрудно. Оглушить или загрызть охрану и уйти, пока целителю предоставили относительную свободу, а не нацепили ошейник с поводком. Хотя, я бы на их месте о наморднике подумала.

Целитель молча закатал рукав. От сгиба локтя до запястья по коже шли четкие угловатые руны. Не буквы инописи, из которых складываются слова, а значки, каждый из которых сам по себе имел силу и значение, каждый означал процесс или его отрицание. Как иероглифы или карточки с обучающими картинками, на которых «мама моет раму», целое действие, в одном росчерке.

— Debitorem^[6], — пробормотал разносчик, — Стоило ожидать, из клетки иначе не выпускают.

— А если на русском? — попросила змея.

— Он принял на себя обязательства участвовать в сегодняшней охоте.

— Разорвать или уклониться нельзя, — понуро добавил Мартын, — Магия обернется против меня, и вскипятит кровь.

Руны обязательств... Я вспомнила, где слышала о них. Сначала в Юково, когда Михар выказывал раздражение оттого, что человек помеченный руной ухода молчал на алтаре, пока бес вытаскивал из него кишки. Вспомнила и старого сваара на Заячьем холме, его рывок к жизни и его смерть, когда Седой и Видящий делили еще не завоеванные трофеи.

Стало понятно и спокойствие охраны и отрешенность тех, кому отведена роль дичи.

— Весь в отца, так и норовит в какое-нибудь дерьмо вляпаться, — пробормотала явидь.

— Не было выбора, — целитель обернулся на конвоиров.

Де-факто Мартын сам сунул нос в клетку, теперь поздно удивляться тому, что она захлопнулась.

Пашка напряглась, один из эмиссаров направился в нашу сторону, двое других заговорили с ведьмой и ботаром.

— Готов? — подошедший мужчина хлопнул парня по плечу.

— Нет. Что это меняет?

— Ничего, — хохотнул эмиссар, у него были грязные волосы и голубые глаза. — Правила охоты просты — нет никаких правил. Вас находят и убивают.

— Сопrotивляться можно? — спросил целитель, — Или лечь прямо здесь?

— Сопrotивляться нужно, — снова рассмеялся восточник, — На счет «лечь» и остальных поз — на твое усмотрение. Кусайся, царапайся, колдуй, беги, прячься, все что хочешь. Успеешь перейти на ту сторону гор, — он указал на запад, — Живи и радуйся, обязательства сняты. Охота начнется через час, у тебя фора во времени и расстоянии. Закончится с закатом. Доживешь — обязательства сняты.

Мужчина говорил, не отводя взгляда от Ависа, говорил слова, в которые не верил Никто не должен был выжить. Но вернувший силу травитель интересовал его куда больше, а потому фальшь слышала даже я.

— Неспроста ты снял запрос на транспортировку нелюдя сегодня утром, — проговорил он.

Пашка угрожающе раздула капюшон. Авис оставил реплику без ответа, хотя эмиссар явно рассчитывал на обратное. Любопытство сквозило в голубых глазах, в неуверенной улыбке, сменившей излишнюю веселость, в повороте голову, когда он оглянулся на товарищей, которые уже закончили инструктировать других участников охоты.

— Присутствовать запрещено? — спросила я.

— Помогать, вы хотите спросить? Хотите, поводить хороводы вокруг маленького целителя и проводить его в последний путь? — восточник поднял бровь, — Сколько угодно. Посмертные жалобы от родных не принимаются. Право на кровную месть не признается. Вы

попадаете в ареал охоты ветра на свой страх и риск.

— Мы тоже претензии не принимаем, — фыркнула змея.

— Думаете от вашего хоровода у охотника голова закружиться? — лицо мужчины стало откровенно жалостливым, — Это его третья охота. Мой совет — не вмешивайтесь, — он еще раз хлопнул целителя по плечу, — Твой час начался, — и пошел обратно к товарищам.

Уазик несколько раз чихнул, прочистил двигатель, смял еще парочку чахлах кустов и исчез в подлеске. Дорога, подходившая к поляне с севера, напоминала вырубленную, но уже начинающую зарастать просеку.

— Идеи? — спросил Лихорадный Авис, — Нет? Тогда я, пожалуй, пойду.

— Стой, — вскрикнула я, — Заключена сделка. Ты должен сделать все, чтобы вернуть его, не забыл. Мы его пока не вернули.

— И не вернем, — зло сказал разносчик, — Уговора лезть в петлю вместе с вами не было.

— Ладно, — ответил парень, — Время уходит. Мне пора.

— Далеко собрался? — ласково спросила явидь, так ласково, что у меня затылок похолодел.

— Хочу успеть перейти хребет, — начал объяснять Мартын, — Вы же слышали, по ту сторону договор считается выполненным.

Ботар, топтавшийся на краю поляны, вдруг решительно направился в лес. Затрещали сучья, взлетела испуганная птица.

— Не успеешь, — покачал головой травитель, — Соревнования в скорости с ветром оставь ботару. У тебя, надеюсь, хватит ума на большее.

— Предлагаю уйти отсюда, — сказала змея, — И устроить охотнику теплую встречу на своей территории, хоть какое-то преимущество.

Возражений не нашлось. Парень, поколебавшись, кивнул, и в этом скупом жесте сквозило неприкрытое облегчение. Девять из десяти ушли бы и не оглянулись, посмеявшись над чужой дуростью. На охоте каждый сам за себя, и охотник и дичь. Он бы и сам так поступил, оттого и не позволял себе надеяться.

На краю поляны я обернулась, встретившись взглядом с оставшейся в одиночестве ведьмы. Каждый за себя? Или все-таки нет?

Чайную Авис сегодня не открывал, нам не мешали ни посетители, ни Муса, но разговор все равно не клеился.

— Охотника можно убить? — спросила я.

— Убить можно любого, — ответила Пашка, — Но надо знать как. Ветер не уступает мне ни в скорости, не в силе. И иммунен к яду.

— И к моей магии, — добавил Мартын, — Я вообще не чувствую у таких как он ни крови, ни костей, ни ткани. Не чувствую того на что мог бы воздействовать.

— Охотники не болеют, — внес свою лепту разносчик.

— Впору и в самом деле хороводы водить, — сказала я.

— Валяйте, только подальше от моей чайной. Здесь так наследили, что визит ветра лишь вопрос времени. Здесь у вас преимуществ точно нет.

— Как нет? — я вскочила и бросилась в коридор, к холодильнику, — А это? — я указала на столбы.

— Это чушь, — проговорил за спиной целитель, — Тут написано, что-то вроде

«ахртцышга», головой об клавиатуру хлопнись, то же самое получишь.

— Эта чушь удерживала меня внутри больше суток, — возмутилась змея.

— Это не удержало бы и воскресшего зайца...

Травитель подошел к столбу, наклонился, обхватил его основание и, прерывая спор, развернул вокруг своей оси. Нашим взглядам предстала обратная сторона, та же роспись, те же узоры, и буквы инописи, идущие сверху вниз. И судя по тому, как подавился словами целитель, написано там было отнюдь не «ахртцышга».

— Я всегда помнил, что стал человеком, и не лез на рожон, — мужчина встал, — Но ветра они не удержат. Поверьте, он сильнее этой магии.

— Хорошо, — я с сожалением прикоснулась к блестящей дверце. — Идем от противоположного. Что или кто сильнее ветра — охотника?

— Демон, — ответила змея.

— Демон, — ответил Мартын.

— И его магия, — добавил Авис, — Предлагаете позвать хозяина? — мужчина был ироничен, — Я пас, даже если это грозит расторгжением сделки и наказанием.

— Нет, — вернувшись в зал, я схватила с барной стойки какие-то бумаги и ручку, — Сам хозяин нам здесь ни к чему, а вот его магия, — на листке стала появляться схема стежки, — Но против песков Простого не поперет даже охотник. Ловушка, в которую ты попал, — я посмотрела на целителя, потом на разносчика. — Она еще активна?

— Да, — без колебаний ответил Авис, — Она всегда активна.

— Надо заманить в нее охотника.

— Нужна приманка, — задумался травитель.

— Она у нас есть, — змея посмотрела на Мартына.

— Я туда не вернусь, — рявкнул целитель.

— Надо точно рассчитать расстояние, — я указала на листок, — Смотри, пойдешь первым. Задача — активировать ловушку так, чтобы ты успел допрыгнуть до клетки, собственно она на это и рассчитана, а охотник — нет. Чтобы попасть в пески, он должен следовать за тобой с отставанием в... — я почесал нос, прикидывая, сколько это будет в метрах.

— Ладно, допустим, Мартын прыгнул в эту клетку, как он оттуда выберется? — спросила явидь.

— Прутья сдерживают магию, а не тело. Но я лучше там перезимую, чем спрыгну на песок, — целитель поежился.

— Дорога восстанавливается если в начале перехода кто-то встает, — я вспомнила, как асфальт собирался обратно.

— Именно, — Мартын подался вперед, — Так меня вынудили принять обязательства, — он почесал кожу, на которой была нарисована руна. — Один остался в начале перехода, дорога тут же «всплыла». И не исчезла, пока по ней шли двое в жилетах. Потому что один остался вначале, будто...

— Он нажимал кнопку, — закончила я за него, потому что именно это пришло в голову, когда я уходила со стежки.

— Хорошо, — Пашка побарабанила пальцами по столу, оставляя на мягком дереве следы от когтей, — Это я могу. Дам тебе и Ветру пять минут и нажму на кнопку, чтобы ты мог выйти, но к песку не приближусь, — она повернулась к Мартыну, — Что с охотником делать будем?

— А есть варианты? — тот оскалился, — Пока я в клетке, на магию не рассчитывайте, она сдерживает не только меня, но и силу, она клубится внутри, но за пределы решеток не выходит.

— Пески сделают его человеком, но не убьют, — Авис задумчиво посмотрел в пространство. — Человек не опасен ни целителю, ни явиди. Никому не опасен.

— Смотри как это происходит, — змея перевела медные глаза на травителя, — Ты лишился силы сразу? Моментально? — она сухо щелкнула пальцами, — Или были те несколько секунд, минут, часов, когда магия еще откликалась?

— Были, — прошептал мужчина, — Нехотя, куцо, обжигая изнутри ядом, но откликаясь. Семнадцать секунд. Поэтому я и выжил, а не ушел в пески.

— Плохо, — реплика явиди получилась двусмысленной, но она не заметила, — Ветру этого хватит.

— Он будет напуган, будет думать, как спастись, а не о добыче, — возразила я.

— Уверена? Так может и проконтролируешь?

— Я?

— Ты единственная кому не страшна Простая магия, — кивнул Мартын, — Возьми топорик для мяса да и отправь его к низшим.

— Но...

— У нее атам есть, — добавил разносчик.

— Еще лучше, — кивнул парень.

— На вашем месте, я бы на человека не рассчитывала, — эти слова были чистой правдой, и они услышали ее в моем голосе.

— Она права, — поддержала Пашка, — Струсит, с ножом, как пить дать струсит.

— Ну, — протянул целитель, — А шприц с наркотой вогнать сможешь?

— Если только охотник кулачком поработает, — съязвила я.

— Зачем так сложно, — отмахнулся парень, — Коли внутримышечно. В любую мышцу, не твой выбор. Я и без магии такой коктейль у Егорыча намешаю, ммм... — он замер в предвкушении.

— Что и копыта откинет? — поинтересовалась змея.

— Человек? Запросто, — подтвердил парень, — А Ветра просто отключит, и у не будет у него этих секунд. Потом подкинем монетку, кто свернет охотнику шею. Годиться?

Я представила себя и со шприцем и с атамом. Честно говоря, не вдохновляло ни то ни другое. Почему бы не предоставить человека, если все получится и охотник действительно потеряет силу, его собственной судьбе?

Но ответ я знала. Нужно было учесть все, если оставить хотя бы тень шанса на удар Ветер им воспользуется. Те несколько секунд пока охотник не будет уже нечистью, но и не станет человеком, все будет зависеть от меня. Но от понимания легче не становилось. Воткнуть нож в ребенка, может, подростка, пусть и смертельно опасного, я вряд ли смогу. Остается шприц, да и тот без гарантии.

Я дорисовала схему дома несколькими штрихами, обозначила заросли гигантский крапивы вдоль дороги, Мартын склонился к плану, а Пашка, наоборот, вдруг подняла голову, раздула капюшон и сделала знак молчать. Вслед за ней насторожились и мужчины. Явидь вытащила из моих пальцев ручку и на краю исчерканного листка написала «ведьма».

Никому не потребовалось объяснять какая. Она была умнее ботара и последние наши слова о преимуществе территории явно приняла к сведению, но отчего-то решив сыграть в

прятки с охотником на нашей, или даже вместе с нами. Я ничего не имела против, сейчас нам любая помощь пригодится.

Я вопросительно посмотрела на спутников. Мартын мотнул головой, взял ручку и ниже первого слова приписал второе «кровавая».

Одно слово, и любые варианты стали неприемлемыми. У каждого рода свои особенности, свои ступени развития, и иногда чтобы добиться большего нужно пройти через очень неприятные. Через кровавые. Становясь такими, ведьмы или ведьмаки перестают в окружающих видеть живых и разумных существ, даже сородичи приравнивались к мебели. А с табуреткой союзы не заключают, ею отмахиваются от врага. Лишь собственные дети еще могут пробиться сквозь стену равнодушия. На «кровавый» уровень поднимались не многие, не многие решались, не многие отваживались обречь себя на существование бездушном мире, пусть и временное. Не многие его преодолевали, становясь «постигшими». Наш Семеныч преодолел его, к счастью, задолго до моего рождения.

Эта ведьма наверняка была смелой и сильной раз решила идти дальше, ведь никто не требовал невозможного и каждый сам для себя решал когда остановиться. Но эти же ее качества делали любые договоры с ней невозможными. Для нее есть только руны, жгущие руку, да нечто смертельное неясное, идущее следом, словно цунами за спиной, и если понадобится она заберется повыше, даже по головам говорящих ходящий вокруг заводных игрушек.

Мартын побледнел, сжал кулак. Ручка треснула и сломалась. Одна из рун на коже вспыхнула темно-оранжевым языком пламени и исчезла, оставив после себя в воздухе хлопья черной сажи.

— Час истек, охотник вышел, — прошептал он сквозь боль.

— Ольга, Мартын уходите! Живо! — скомандовала явидь, — Связь по sms. Главное — выиграть время, а мы, — он подмигнула травителю, — Постараемся увеличить его еще немного. Раз уж Ветер все равно собрался заглянуть к Авису на шашлык, — она отчеркнула на листке собственноручно написанное слово, бумага порвалась, разделив слово «ведьма» пополам, — Мы ткнем его носом в другой след, и молитесь низших, чтобы он взял его раньше вашего.

Звякнул колокольчик, Егорыч стоял у окошка, вырезанного в пластиковом стекле, рядом с рекламного буклета нам широко улыбался парень, держа в руках мазь от геморроя. Фармацевт даже успел обрадоваться Мартыну, прежде чем рухнул на пол за стойку. В глазах целителя плескалась светлая зелень.

— Он потом и не вспомнит, — целитель перекинул руку через верх белой ведущей за прилавок двери и щелкнул замком. — Следи чтобы никто не вошел.

Я повернула рычажок внутреннего запора, и перевернула табличку на стекле, меняя надпись с «открыто» на «закрето».

— Охотник ведь придет и сюда? — спросила я, наблюдая, как целитель один за другим открывает белые ящички и придирчиво оглядывает содержимое.

— Вероятность очень высока, — рассеянно ответил парень, — Здесь я наследил не меньше чем в чайной.

— Он убьет Егора?

— Вряд ли, но не исключено, — Мартын схватился за ручку холодильника.

— Так вряд ли или не исключено? — я подошла к окошку, посмотрела на человека в

белом халате, лежащего в неловкой позе на полу.

— Если включит мозг и не полезет на рожон то вряд ли, — дверь громко чмокнула, открывая ряд стеклянных пузырьков и картонных коробок. — Третья охота. Знаешь, что это значит?

— Нет.

— Каждый прошедший охоту получает... — он прищурился, подбирая слово.

— Уровень?

— Скорее звание, маркер, определение статуса, как....

— Легенда Зимы, — вставила я.

— Точно, — парень выставил на стол несколько надорванных упаковок, — После первой охоты, я получил право называться целителем, — рядом легли одноразовые шприцы, — После второй — получил звание прозрачного, после третьей — серого.

— Ты выше наверняка зеленый, или около того.

— Знаю, — он повернулся и самодовольно улыбнулся, — Суть в том, что к каждой ступени свои требования. На третьей, к примеру, круг целей был исчерпывающим. Каждая лишняя смерть — это минусы в таблице.

Мартын надломил ампулу, собрал жидкость в шприц, постучал по цилиндру и взялся за пузырек с белым порошком. Игла вошла в красную резиновую пробку, поршень пошел обратно, жидкость смешалась с кристаллами и снова перекочевала в шприц.

— Значит, у него есть шанс?

— Есть, и гораздо больший чем у меня, — пузырьки полетели на пол, целитель вскрыл еще одну ампулу, к мутноватой жидкости в шприце добавилась еще одна прозрачная.

— Он не учует? — я кивнула на шприц, — Охотник?

— Учует, — парень оскалился, — Так что даже не будем прятать, — он бросил еще одну на этот раз полную ампулу на пол и раздавил ботинком, другая лишилась носика, и ее содержимое выплеснулось на футболку Мартына, — Пусть считает что, мы метались в панике. Охотнику ли бояться обычного, — он скривился, — Ну почти обычного успокоительного.

Не заботясь о смене иглы, целитель закрыл ее колпачком и подал мне. Впрочем, я тоже не собиралась протирать место укола спиртом.

Второй раз Мартын схватился за руку, когда мы уже ступили на стёжку. Знак снова вспыхнул оранжевым и сгорел, темные хлопья осели на кожу.

— Ботар отбежался, — прохрипел держась за дрожащее запястье парень. — Времени почти не осталось, скоро он будет в городе.

До дома номер «23» мы добежали за минуту. Прежде чем нырнуть в переход, я отправила явиди сообщение.

«Мы на месте».

Чем бы они там, в компании ведьмы ни занимались, пришла пора выяснить чей след возьмет ветер следующим.

Дом, остатки, забора, рыжая грязь, тишина и пустота комнат. Туман перехода, мысли о бегстве, желательно на другой континент и безмолвие. Мы слишком торопились, чтобы оглядываться, мы не могли позволить себе сомнения и остановки. Мы бежали.

На потрескавшееся асфальтовое покрытие, я не ступила, а вывалилась. Мартын успел схватить меня за руку и не дать кувырнуться носом вперед. Голова кружилась, кровь отлила

от лица, а холод безвременья стал подниматься от кончиков пальцев в ладони. Парень был всего лишь бледен. Второй переход за сутки для него, третий для меня. Это при общей разнице в выносливости. Минута мне потребовалась, чтобы отдышаться, целая минута, но я выпрямилась, потому что бывало и хуже. Я помнила, насколько все может быть хуже.

Целитель вложил мне в руку подобранный неизвестно где осколок кирпича, бесформенный и красноватый.

— Дай мне метку, — попросил парень.

Со шприцем в одной руке и битым куском обожженной глины в другой я дошла до брошенной коробки с пиццей. За прошедшие сутки картон пропитался маслом и сыром, крышка выгнулась и пошла волнами. Угол коробки присыпан песком. Подозреваю, большая пицца с колбасой была на месте. В нашем мире над ней уже роился бы десяток другой насекомых.

Я обернулась к оставшемуся у перехода целителю. Мартын кивнул и сделал шаг назад, скрываясь в тумане безвременья. Шесть человеческих шагов и трещины разошлись, как лед на реке, погружаясь в песчаную глубину. Ноги ушли в песок до середины голени. Я знала чего ждать, но потребовалось собрать в кулак самообладание, чтобы остаться на месте. Когда земля уходит из-под ног, логика берет выходной.

Спустя двадцать секунд из перехода вернулся целитель, асфальт собрался, срастаясь неровными крошащимися краями. Твердая дорога поднялась из песка, и я оставила короткую отсечку, бурая кирпичная полоса легла поверх присыпанного песком асфальта. Мартын пошел по стежке скупым торопливым шагом, время поджимало, но это не делало короткий путь более приятным.

Парень не дошел, очередная руна алой птицей взлетела с его кожи, заставляя согнуться пополам в паре метров от отметки.

— Ведьма, — прохрипел Мартын, скрюченные пальцы правой руки дрожали.

Ветер был быстр, охота закончилась для еще одной дичи. Пикнул телефон, явидь пожелала нам удачи.

Как прыгает охотник, мы так и не выяснили, не сложилось. Целитель поставил на дороге вторую отметку, раньше первой и закинул кусок кирпича в заросли крапивы. Черта которую Ветер пересечь не должен. Расстояние, которое парень посчитал для себя безопасным. Я сжала шприц и сошла с дороги на песочную обочину под сень гигантских напоминающих лопухи крапивных листьев.

— На тот случай, если он все-таки допрыгнет до клетки, — повинуюсь порыву, я вытащила из-под ремня атам и протянула Мартыну.

Он не стал отказываться, но едва чужая ладонь сомкнулась на малахитовой рукояти, как по ней побежали серебристые искры, впиваясь в кожу и оставляя на ней красные точки укусов. Парень затряс кистью и очень непечатно высказался по поводу моих предков. Жало Раады, издав глухой звук, упало на асфальт. Камень о камень.

— Управляемый артефакт, — глаза позеленели, он несколько раз сжал и разжал кулак, красные точки исчезли, — Смерти моей хочешь? Так подожди чуть-чуть.

В голове промелькнула картина — воспоминание: Кирилл вынимающий этот клинок из тела бессмертника и по его руке бегают точно такие же искры; и Майя, в мыслях так и оставшаяся маленькой служанкой, говорившая о нехороших мыслях и жжении. Демону защитой послужила чешуя, Майе тряпка, Мартын схватился голыми руками.

— Управляемый артефакт? — я подняла лезвие, посмотрела на зеленоватый камень и

убрала за пояс.

— Служащий только одной руке.

— Прости.

— Низшие, — он прикрыл глаза, восстанавливая спокойствие, — Ты как взрослый ребенок.

Время для выяснений и оправданий было явно неподходящим. Мы все еще стояли на стежке, чувствовали живую вибрацию глубоко внутри. И когда охотник пришел тоже почувствовали. Из перехода вынырнул гибкий мальчишка, чуть старше моей дочери. Не друг, не враг. Исполнитель.

Целитель выпрямился. Я отступила, упираясь спиной в шуршание об одежду стебли. Ловушка взведена, кто окажется в ее утробе, а кто умрет, решит следующая минута.

Мешковатые джинсы, толстовка с капюшоном, кеды, желтая кепка с белой надписью по-английски, в ушах таблетки наушников. Таких пацанов на каждом перекрестке каждого города с десятков. Прекрасная маскировка, яркие цвета одежды отвлекают внимание от лица. Да и разве обращают внимание взрослые на каждого бродящего без дела оболтуса.

Никто не произнес ни слова, не для разговоров мы здесь собрались. Для крови и для смерти.

Гибкий подросток скользнул вперед легким стремительным шагом. Окинул взглядом стёжку — крапиву, коробку из-под пиццы, потрескавшийся асфальт, клетку на цепях, меня, целителя, втянул воздух и сделал еще один скользящий шаг.

Мартын чуть не сорвался в буквальном смысле, но сорвался в магическом. Он знал, что это бесполезно, но это знание ничего не меняло. Я видела, как напряглось тело, как сжались кулаки и зажглись глаза. Он бил наугад просто разливая силу по округе, потому что вряд ли чувствовал нутро охотника.

Охотник мотнул головой, так отгоняют надоедливую мошку. И все. То, что кому другому остановило бы сердце, вызвало у молодого ветра лишь небрежный жест. Охотник скользнул к цели в абсолютной тишине.

Мартын прыгнул чуть раньше, чем подросток достиг оставленной парнем отметки. Сюрреалистическая картина, молодой мужчина, выше, старше и шире в плечах убегающий от тонкого невысокого мальчишки. Ветер не остановился и даже не замедлился. Дорога треснула, ноги провалились в песок.

Целитель допрыгнул. Влетел в клетку с такой силой, что конструкция закачалась, звякая цепями. Охотник тоже попытался оттолкнуться от ставшей предательски рыхлой дороги, его пальцы ветра разминулись со стальными прутьями всего на несколько сантиметров. Будь охотник чуть старше, а его руки и ноги длиннее, Мартын оказался бы в ловушке один на один со смертью. Но клетка качнулась, и подросток пролетел под ней, желтая кепка слетела с пегих волос, в воздух поднялось облако рыжей пыли.

Я побежала, едва их ноги оттолкнулись от исчезающего асфальта. Медленно, неловко, как по сугробам, погружая ноги в песок. С ладоней мальчишки сыпался песок, а в застывших глазах равнодушных глаз стоял ужас. Единственное честное мгновение. Единственное проявление чувств, которое он не успел обуздать.

Замахиваясь шприцем, я чуть не упала. Игла соприкоснулась со светлой кожей. И сломалась с сухим щелчком. Жидкость выплеснулась на землю. Я заглянула в лицо, еще не утратившее детские черты, узкая ладонь нарочито медленно поднялась, словно время вдруг остановилось. И я поняла, почему сломалась игла. И поняла, что случится дальше.

Тонкие пальцы вцепились в бедро, и Ветер дернул меня вниз. Я упала на бок, одна рука и плечо погрузились в песок.

Мы ошиблись. Я ошиблась. Фатально.

Мартын что-то кричал, но я не разбирала слов. Горячая детская рука легла на шею. Неуловимое движение когтем, перечеркивающее шею от уха до уха, и алая кровь веером легла на застывшее, словно принадлежащее статуе лицо. И тут же исчезла, впитавшись в кожу Ветра без следа.

Его способность впитывать.

Моя кровь. Из разорванного горла. Боль была короткой и обжигающей.

Я успела увидеть, как охотник отворачивается, потеряв интерес, почувствовать, как напрягаются его мышцы, успела услышать вместо вдоха, собственный хрип.

Ошибка обошлась слишком дорого. И не только мне. Там, куда смотрел Ветер, ждал Мартын. Охотник просто отказывался превращаться в человека.

Мы могли бы подумать о том, что песками повелевал сам хозяин востока и никто другой. А его здесь никогда не было. Лишь видимость.

Ловушка для нечисти, была именно ловушкой, а не смертельным капканом. Обманом, миражом, для тех, кто слышан о магии, превращающей нечисть в людей. Пустышка. Песок просто двигался и ничего более.

Мир погас, оставляя вместо себя лишь далекую белую точку во мраке. У нас с Кириллом первый телевизор «Чайка», стоящий в углу на трех ногах так выключался. Занятная последняя мысль, но не плохая.

Боль выдернула меня на поверхность, как рыбак вытаскивает насадившуюся на крючок рыбу. Моим крючком стала кровь, горячей волной прокатившаяся по венам и хлынувшая из разорванного горла. Магия такой силы, которую нельзя игнорировать даже уходя. Меня рвануло к далекой белой точке, потащило со скоростью сверхзвукового самолета, на котором я никогда не летала. И швырнуло обратно в светлый мир, туда, где шея горела огнем, и надо бороться за каждый вздох. Не складываются у меня отношения со смертью. Ее это наверняка расстраивает не меньше.

Я схватила ртом воздух, распахнула глаза и закашлялась. На горле по-прежнему лежала обжигающая рука, на этот раз исцеляющая. Мартын прижимал меня к твердому впивающемуся в лопатки асфальту, светящиеся глаза не отрывались от моих.

— Не дергайся, — напряженно сказал он, — Почти все. Вытянул.

— Герой, — фыркнула явидь, — И ты героиня, — она хлопнула парня лапой по плечу, — Низшие, вы ухойдакали ветра — охотника.

— Я внукам буду рассказывать, — донесся далекий голос травителя.

— У тебя их не будет, не забыл, — рывкнула Пашка, — Сойдешь с места, разносчик, ляжешь рядом с ним.

Целитель убрал руки, горло окатило холодным воздухом. Я сглотнула, боли не было, хотя рубашка была еще влажной от крови. Явидь помогла мне сесть.

Песок вновь был скрыт стареньким дорожным покрытием, там, в начале пути, нажимая «магическую кнопку» стоял Авис. Ловушка была отключена, хотя это уже не имело смысла, песок Простого был подделкой, двигающимися крупинками. Но сидеть на твердой поверхности было гораздо удобнее, чем на забирающемся под одежду песке.

На земле лежал охотник, в перепачканной кровью одежде. Моей кровью. Кепка

валяется в стороне, ноги поджаты, лица и части грудной клетки не было. Светлую почти мраморную кожу словно облили кислотой. Так проедает проплешины соль, высыпанная на толстый слой наледи. На носок яркой кеды налип зеленый листик. Мальчишка мертв.

— Каххр? — я прокашлялась, отодвигаясь от скрюченного тельца — Чем вы его так?

— Чем? — хихикнула явидь, — Это вы должны нам рассказать. Мы пришли, когда все уже кончилось. Мартын стоял в песке, и я успела мысленно отрететировать разговор с его отцом, на тему плохого воспитания и тяги к самоубийству.

Целитель отряхнул руки, встал, посмотрел на клетку, на меня, на неподвижного охотника.

— Как ты понял, что песок подделка? — спросила я.

— Никак.

— Вы сами то в этом уверены? — в голосе змеи сквозило напряжение, она не сводила двойных ромбовидных зрачков с перехода, возле которого топтался разносчик. У нее было несколько иное мнение и то, что она пришла сюда, а не осталась рядом с Ависом, могло считаться за подвиг.

Парень кивнул и «зажег» глаза. Пашка рыкнула, когда по ее чешуе пополз желтый рисунок чем-то напоминающий хохломскую роспись.

— Убедилась? Я все еще целитель, хотя и касался песка. Это не песок Простого, — парень взъерошил волосы, наступил ногой, на тонкие мальчишеские пальцы, ветер остался равнодушен к знаку внимания, — Этот размазал бы меня по клетке. Он не потерял силу, или терял ее слишком медленно.

— И ты предпочел быть размазанным по песку? — прищурилась Пашка, — Да еще и в качестве человека. Глупее не придумаешь.

— Я думал у меня будут эти пятнадцать секунд силы и...

— Что и? — поддерживающая меня за плечо змея отстранилась, и я едва не упала, голова закружилась, тело казалось тяжелым. — Допустим, песок Простого подделка. Но этого никто не знал, ни ты, ни он. Итог: либо вы оба стали людьми, либо — нет. Если он не потерял силу, то остался неподвластен твоей магии. Все. И уже неважно есть у тебя эти пятнадцать секунд или нет. Охотнику ты такой макияж не сделаешь, — она указала когтем на чешую.

— Это не песок Простого, — вставила я.

— Допустим, — с нажимом повторила явидь, — Я уже почти поверила, особенно когда увидела, как мальчик тебя с того света достает стоя по колено в этой песочнице, но сути это не меняет. Тогда ты этого не знал, и выпрыгнул из клетки. Зачем?

— Затем, — огрызнулся парень, — С ним я работать не мог, но мог с ней, — он посмотрел на меня, — Хотел поднять труп, тот отвлек бы Ветра, покойники они живучие, — Мартын нервно хихикнул, — Не чувствуют ни боли, ни усталости, ни страха. Можно выиграть время и попытаться уйти....

— Уйти? От охотника? Бросив ему как кость покойника, которого он разорвет за секунду? — Пашка злилась и не скрывала этого, — Оптимист.

— Да далось оно тебе! Я не думал, понимаешь? Совсем! Не строил предположения, не гадал, почему Ветер остался ветром, просто действовал. Ясно? — парень отвернулся, и уже тише добавил, — В конце концов, у нас же есть артефакт.

— Дурак, — прокомментировала я.

— Точно, — согласилась змея.

— Эй, я охотника завалил, — возмутился Парень.

— И нам до сих пор интересно как, — выкрикнул Авис.

— Я потянулся к ее телу. Везде была кровь, — Мартын нахмурился, — Ветра окатило с головы до ног, и я по-прежнему его не чувствовал. Но ее кровь ощущал, она горела для меня словно факел в тумане. И даже тот миг, когда она впитывалась в кожу охотника, она все еще оставаясь чужой. Примитивный трюк первого года обучения — обернуть кровь кислотой, быстро и действенно. Со способностью охотников поглощать все, с чем соприкасаешься, — парень пожал плечами, — Его выжгло изнутри. До сих пор не верится.

— Я умерла? Или нет? — спросила я, а они заржали.

— Или, — ответил Мартын и лег на асфальт, кожа на руке была абсолютно чистой. Охота закончилась.

Дорога из желтого песка

Планируешь, планируешь, а жизнь берет и делает поворот до того резкий, что у тебя долго кружится голова. Я оглянулась раз пятый, наверное.

— Она не придет, — сказал шагающий рядом Мартын.

Я это знала, но все еще не могла поверить. В Желтую цитадель Пашка не пошла. Это было настолько неожиданно и неправдоподобно, что я все продолжала оглядываться в надежде, что вот сейчас из-за поворота покажется гибкая фигурка в черной чешуе. Но она не показывалась.

— Ей тяжелее, чем нам, — целитель смотрел только вперед, дорога изогнутой желтоватой лентой уходила за горизонт.

— Знаю. Она нелюдь, — я сняла не отстиравшуюся от крови рубашку, оставшись в майке: солнце источающим жар диском висело над головой, в нашей тили-мили-трындии наступил пик короткого жаркого лета. — И она боится.

— Дело не только в страхе, — парень поправил лямки рюкзака. — я тоже боюсь, но ей труднее. Ты родилась человеком, я тоже, во всяком случае, внешне, с двумя ногами, руками и кожей. Она же вылупилась из яйца, с хвостом, черной чешуей и ядом в полых зубах. Тебя не испугает превращение, скажем, в черта, хотя бы гипотетическое?

— Оно меня каждый день пугает, — я вспомнила, сколько раз мне предлагали сходить к вестнику и сколько раз я отказывалась.

— То-то и оно, — молодой целитель скупно улыбнулся. — а она ненавидит бояться.

Мы шли, из-под ног взлетала желтоватая пыль. Сухая потрескавшаяся дорога скорее походила на глиняную, нежели песчаную, но Пашку такие тонкости не интересовали.

Стоило вынырнуть из перехода под Остовом, как она, скинув человеческий облик и туго свив в кольцо хвост, отпрыгнула в сторону. Мы не были к этому готовы. Она не была. Дорога на Желтую цитадель была полностью песчаной. Вряд ли этому стоило удивляться. Если Простому не понравятся пришедшие по ней гости, он продемонстрирует, насколько иссушающими бывают пески. Настоящие пески.

Не помогло ничего: ни уговоры, ни угрозы, ни взятое на раздумье время. Пашка металась, хвост стучал по земле. Мартын сидел на рюкзаке, задумчиво разглядывая железные кольца доспеха.

— Не могу представить, кто его носил, — невпопад произнес он, поглядывая на ползающую туда-сюда змею.

— Что, так и тянет примерить? — огрызнулась она.

Целитель по-мальчишески улыбнулся и спокойно просунул в доспех руку, оставив широкое железное кольцо болтаться на предплечье.

— В бою как зарядишь таким с локтя в голову, — его пальцы пробежались по гребню уплотнения, — судьба враз изменится.

— Точно. С живой на мертвую, — явидь остановилась и посмотрела на пасынка. — Ладно у нее, — кивок в мою сторону, — башка варит с перебоями, но ты... Ты пойдешь по этому? — она указала на грунтовку. — Глупость стала заразной? Или у тебя летнее обострение, зимний?

— Мы ведь ради этого сюда и шли, — он тоже посмотрел на дорогу.

— Хозяину Желтой цитадели вовсе не обязательно применять магию, чтобы нас убить, — вставила я. — Если он захочет, мы трупы. Так что не вижу повода для паники.

— Сказала та, которой пески нестрашны, — сыронизировала Пашка и отвернулась. — У меня есть для чего жить. Невер ждет мать, а потому вариант с возвращением сил этой гадостью, — под взглядом медных глаз парень снял железку с руки. — не для меня. Понятно?

— Понятно, — в этой части я была полностью с ней согласна. — Что предлагаешь?

— Вернуться в Остров, поговорить с Ависом, искать другой путь. Должна быть еще дорога.

— Лови, — парень достал из кармана телефон и кинул змее, — поговорить с травителем можно и отсюда. Но ведь ты догадываешься, что он тебе скажет, — чешуйчатая лапа сжала пластиковый корпус. — Будь я демоном, к моему дому не вело бы иных дорог, кроме тех, что подчиняются мне.

— Да иди ты, умник, — она швырнула телефон обратно.

— Это приказ Седого, не забыла? — прибегла я к последнему аргументу. — Надо идти.

— Хозяин не приказывал сдохнуть в песках, — она повела плечами, а я в который раз позавидовала изворотливости сознания нечисти: Кирилл не говорил о магии Простого, и приказа жертвовать собой так далеко от цели действительно отдано не было. — Я не отказываюсь выполнять приказ, лишь ищу другой путь. И кто сказал, что он не окажется короче вашего.

Змея отступила к переходу, становясь миниатюрной темноволосой девушкой.

— А если не найдешь? — прошептала я, отказываясь поверить в то, что происходило, в ее уход.

— Отработаю с десятков обедов и вернусь к сыну.

— Что сказать отцу? — Мартын поднялся.

— Ничего. Ты его не увидишь, — явидь выдохнула и нырнула в переход.

Такие вещи всегда встречаются неожиданно. И в них очень трудно поверить. Я настолько привыкла к своей надзирающей, к подруге, или что там нечисть вкладывает в это понятие, что не сразу поверила в ее уход. Это как вывалиться из теплого дома в лютый мороз и едва не захлебнуться ледяным воздухом. Дышать можно, но так и тянет назад в тепло. Настал момент, когда жизнь потребовала от нее слишком много, и змея отступила, чувство самосохранения не позволило ей поступить иначе.

Мы шли по желтой дороге уже два часа. Разговор не клеился. Без Пашки я не знала, как вести себя с Мартыном, словно она была тем, что объединяло молодого целителя и немолодую женщину.

Пейзаж, состоящий из густой травы, кустарника, разбросанных по сторонам чахлых рощиц, не менялся. Солнце стояло над головой, пыль покрывала желтым налетом ботинки. Было жарко и отчего-то тревожно.

До Желтой цитадели своим ходом полтора дня, а если засчитывать ночлег и другие остановки, так необходимые слабому человеку, то все два. Дорога была достаточно широкой, и нам советовали не стирать зря ноги, а взять или украсть машину. Именно поэтому мы ее и не взяли. Я и своим-то поостереглась верить, а уж чужим и подавно.

Кто бы мог подумать, что однажды я начну делить нечисть на свою и чужую.

Остов мы покинули поздним утром и шли, пока день не перевалил во вторую половину. Тени удлинились, стелясь по желтоватой дороге, но до наступления темноты оставалось еще

несколько часов.

Я устала, но проигнорировала вопросительный взгляд Мартына, способного снять любую усталость. Магия, как соль: щепотка придает жизни вкус, а ложка отравляет, оседая на костях, суставах, органах. А мою жизнь уже достаточно приправили.

Вдоль шедшей под уклон дороги стали попадаться чахлые кустики, через час сменившиеся подлеском, а затем густой рощей стволов-великанов в основном лип. Но попадались клены и березы. Грязно-желтая грунтовка неожиданно изогнулась почти под прямым углом. И когда мы снова вышли на открытое пространство, я поняла, что путь окончен.

За поворотом дорога плавно перешла в знакомую до малейших мелочей улочку, с рядами домиков вдоль, редкими деревьями и полным отсутствием заборов. Я ускорила шаг, а потом побежала. Первый поворот направо, первый дом, второй, третий, четвертый. Даже от теней я так не бегала. Спортивная сумка хлопала по боку, и я сбросила ее в пыль, как ненужную. Быстрее мы бежим не от чего-то, а к чему-то. Если цель важна, то тебя не догонит ни одна гарха.

Я с разбегу взлетела на крыльцо, дернула дверь и вбежала в дом.

— Марья Николаевна! — голос предательски сорвался.

Четвертый дом по первой улице Юкова был моим. Моя дверь, мое окно, мой стол, моя плита, лестница из темного дерева, кладовка, превращенная во вторую спальню, низкая кровать с вышитым покрывалом. Из моей комнаты исчезли картинки лазоревое, сливающегося с морем неба. Не было шкатулки с украшениями, не было вазочки с печеньем у изголовья, не было иконы. Ничего не было — ни одной личной вещи, придававшей дому неповторимый и жилой облик. Исчезли мелочи, выдававшие принадлежность, как личная роспись, то, что принадлежит лишь тебе. Остались стены, окна, пол, потолок, уже не новая мебель. И все. Дом напоминал выскобленную скорлупу.

Я распахнула дверь в подвал, лестница, начинавшаяся за порогом, уходила в темноту, раньше уютную, теперь же тревожно-безликую. Щелкнул выключатель, лампочка осталась равнодушна к моим усилиям, электричества не было. Я стал быстро спускаться, там, внизу я знала каждый поворот, каждую доску или кирпич в стене. Знала раньше. Теперь это был обычный подпол, если не считать излишеством семигранную форму. Тусклый свет экрана телефона прошелся по голым стенам. Ни полок с книгами, ни мягких подушек на диване, ни ставшего частью меня знака на стене.

От страха похолодел затылок, по коже маршировала болезненная шеренга мурашек.

Я развернулась и взбежала вверх по ступеням. В гостиной ничего не изменилось, лишь от входа вела цепочка моих же собственных следов. Я присела и провела пальцами по темным доскам пола. Нет, не пыль. Песок, вездесущий песок востока.

— Ефим, — закричала я, — Ефим!

— Бесполезно, — раздался хриплый голос, и бешено-колотящееся сердце провалилось в живот.

В дверях стояла знакомая сутулая фигура. Веник оперся рукой о косяк и спросил:

— Что случилось? — черная пиратская повязка была покрыта тем же желтоватым налетом, что и пол. Падальщик встряхнулся, запустил пятерню в голову, с русых волос посыпался песок.

— Не знаю.

Ноги сами понесли вперед, и я с разбегу налетела на мужчину, утыкаясь лицом ему в

грудь. В этом объятии было мало сексуального, что бы там не думала Пашка. Я просто рада была его видеть. Раз жив один, значит, могли уцелеть и остальные. Гробокопатель напрягся отстраняясь.

— Похоже, что-то действительно поганое, — мужчина отвернулся.

Улица была пуста, целитель за мной не побежал.

— Что ты помнишь? — спросила я, выходя в сгущающиеся сумерки.

— Мало чего. Все перепутано, — гробокопатель потер висок, — гархи, источник, хозяин, ммм... драка, мертвая, нетекущая кровь... или это было раньше? — он выглядел растерянно, словно человек, проснувшийся в незнакомом месте: ему нужна пара-тройка секунд, чтобы прийти в себя, вспомнить, где он и как сюда попал.

— Мы дома?

— Да, если не обращать внимания на то, что Юково как-то переместилось на восток под крылышко к Простому.

Веник спрыгнул с моего крыльца, в два счета оказался на своем и толкнул дверь. Та не шелохнулась. Падальщик зарычал, отступил на пять шагов и ударил с разбега. Я ждала треска и вывернутых петель, но результат был тем же. Вернее, его отсутствие, разве что гробокопатель схватился за плечо и выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

— Что, к низшим, здесь происходит? — спросил он. — Где все?

— Я здесь, похоже, не дольше твоего, — я остановилась, — и знаю не больше. Как ты здесь очутился?

— В смысле?

— В смысле, я пришла вон по той дороге. А ты?

— Я здесь живу. Если ты спятила за компанию с остальными, это не мои трудности.

— То есть сегодня ты встал с кровати, вышел из этой двери... — я наклонилась к брошенной на обочину сумке и потянула за лямку, — и во сколько это было? Утром? В обед? Час назад?

— Черт его знает, — гробокопатель потер висок, — все мутно, словно после жбана пива в бытность человеком. Четок только твой голос, как ты зовешь хранителя.

— Ты сказал, это бесполезно.

— Сказал. Не знаешь почему?

— Нет. А ты? — я перекинула ремень через плечо.

— Тоже, но я до сих пор уверен, что это бесполезно, — мужчина замолчал, настороженно поворачивая голову.

Я знала этот жест, видела не раз. Нечисть слышала что-то недоступное человеческому уху.

— Кто-то кричит, — гробокопатель вышел на дорогу, взгляд единственного темного глаза был устремлен в центр стежки, — зовет отца.

— Целитель, — проговорила я и побежала к центральной улице, чертова сумка снова стучала по бедру.

Когда мы вышли из-за поворота, он увидел то же, что и я. Когда побежала, Мартын меня не остановил. У парня свой путь и свое место, куда он хотел попасть больше всего на свете и судя по всему попал. Там, куда смотрел падальщик, жил черный целитель Константин, по совместительству отец Мартына.

Серый кирпичный дом с плоской крышей, покрытой листовым железом, был таким же пыльным и пустым, как и мой. И как у моего, его дверь была распахнута настежь.

— Отец, хватит, — голос парня сорвался.

На пороге просторной спальни, скорее, знакомой мне по одному видению, чем виденной воочию, валялся черный рюкзак.

— Ты. Снова. Сбежал. Из filii de terra, — холодный голос ронял каждое слово, словно каменное, — гаденьш.

— Отец, какого низшего...

Перед глазами предстала дивная картина, на которой отец ласково прижимал сына к стене за шею.

— Я не сбежал. Я выучился. Все. И прошу, давай я это прозвище младшему передам. Ему оно подходит больше меня, — Мартын предпринял попытку освободиться. — Не веришь, спроси ее.

— Привет, — поздоровалась я, Константин знакомым жестом потер висок. — Дайте угадаю: все, как в тумане, и события чередуются в голове, как карты в колоде, а состояние напоминает похмелье?

— Продолжай, — целитель отвернулся от сына, опустил руку.

— В себя пришли, проснулись, очнулись, называйте, как хотите, от голоса сына, так?

— Примерно, — ответил Мартын, потирая шею, — я в сердцах низших помянул, тут меня и встретили.

— Меня тоже, — согласилась я, — только не так горячо.

— Дом справа чей? — спросил Веник, неслышно появляясь в дверях.

— Падаль, — процедил Константин вместо приветствия.

— Падаль, падаль, — не стал возражать гробокопатель. — Так чей?

— Викарии, — Константин оглядел классический черный костюм, в который по насмешке ушедших оказался одет, — ведьмочки, что камушки заговаривает, — Константин скинул пиджак и стал закатывать рукава белой рубашки. — Пашка к ней за побрякушками бегала.

— Но самой ее здесь нет? — уточнил Веник.

— Фиг знает, — ответил за него сын.

— Он-то знает, — падальщик задумался, — слева дом заперт, как и мой, справа — открыт.

— Это важно? — спросил черный целитель.

— Может, и нет, — Веник пожал плечами, — но лучше это выяснить. Предлагаю осмотреть стёжку, возможно, есть еще «неразбуженные» выжившие.

Черный целитель ничего не ответил, ожег взглядом гробокопателя, тот сразу сделал шаг в сторону и вышел на улицу.

Если нарисовать план Юкова на бумаге, то он будет походить на двусторонний гребень или телевизионную антенну. Середина — стежка, или улица Центральная, которую с юга на север пересекают двенадцать прямых, словно по линейке, улиц: Январская, на которой живу я, Февральская, Мартовская, Апрельская, где стоял дом черного целителя, Майская...

До того как село солнце, мы успели осмотреть почти все дома, некоторые только снаружи, некоторые изнутри, таких было чуть больше двух десятков, в том числе и уютный домик ведьмака. Электричества не было нигде. Черный целитель остался стоять около своего дома, вглядываясь в темный лес, и только святые знают, что там видел. Он не отвечал на вопросы и игнорировал все живое, лишь раз послал нас с его сыном в далекие и не очень края. И ни разу не спросил, где змея и его младший сын. Наверное, к лучшему.

Я ходила от дома к дому, смотрела на знакомые и незнакомые дома, двери, окна и очень хотела убежать из того места, куда еще так недавно стремилась. Моей была правая сторона улицы, гробокопатель тенью скользил по левой, Мартын двигался с другой стороны Центральной. Если дверь открывалась, ее стопорили куском кирпича, камнем или сломанной доской, что валялась возле крыльца. Святые знают зачем, но я уже давно усвоила простую истину, никакая информация в нашей тили-мили-тряндии не бывает лишней.

Мы заканчивали осмотр домов по Декабрьской на северо-восточной окраине села, когда на глаза попала какая-то странность, но потребовалось время, чтобы понять, какая именно. Все дома на моей стороне оказались закрыты, как и на предыдущей улице, включая треугольный дом Антона Зибина. Но было здесь и нечто другое. Для того чтобы понять причину беспокойства, пришлось отойти и взглянуть на ровный ряд построек со стороны.

За спиной раздавалась ругань падальщика, когда очередная дверь не пожелала сдаваться.

— Посмотри, — позвала я, указывая на дома, — Мне кажется, или они вправду все одинаковые?

— Вправду, — ответил гробокопатель.

Последние пять домов смотрели на нас совершенно одинаковыми непримечательными фасадами. Облупившаяся зеленая краска на дощатых стенах слишком уж одинаково облупившаяся, словно под копирку. Грязные припорошенные песком стекла, песчинка к песчинке.

— И все закрыты, — сочла нужным добавить я.

— Эти тоже.

Мы повернулись, но те, что стояли, за спиной были разными по цвету и по постройке.

— Эй! — раздался крик с другой стороны Центральной, там осматривал дома Мартын, — эй! — снова раздался голос парня.

В нем не было паники, он кого-то звал, и этот кто-то, явно, не его отец, тот на «эй» не откликается.

Гробокопатель скользнул между домов на параллельную улочку, мгновенно скрываясь от глаз. Я побежала, не скрываясь, порой, быть нечистью немного утомительно.

Дверь в дом нашего сказочника была открыта настежь. Гостеприимный хозяин был прибит к ее полотну чем-то похожим на гигантские сосульки.

— Эй! — третий раз позвал молодой целитель, выдергивая прозрачный кол из груди сказочника.

Баюн вздрогнул, раскрыл черные глаза и захрипел. Мартын ухватился за второй и вытащил. По майке Ленника расползались черные пятна, и раненый сполз на доски крыльца.

— Ушедшие, — парень склонился над мужчиной, призывая магию, глаза зажглись и тут же погасли, Мартын, не оборачиваясь, крикнул, — Найдите отца! Скорее!

— Зачем? — не поняла я.

— Затем. Я его не вытяну. Не могу. Не получается. Не знаю почему. Еще вопросы? — он отвечал быстрее, чем я успевала спрашивать. — Бегом!

У Константина все получилось. К стыду сына и на счастье Лённика, вставшего на ноги уже через четверть часа, с того момента, как к дому вышел черный целитель. Баюн знал не больше других, его тоже разбудил крик. Чем он заслужил честь быть прибитым к собственной двери, баюн тоже затруднялся припомнить.

— Давайте уйдем, — предложил парень, рассматривая мутную острую сосульку со следами крови.

— Куда? — нахмурился Константин. — Уже по парте да по нянькам соскучился?

Мартын клацнул зубами и отвернулся.

— Поддерживаю, — сказал Веник, — стежка мертва. Северникам здесь не жить в любом случае, дома мы осмотрели, — его слова отозвались внутри горькой болью, и они это почувствовали. — Больше никого нет. Надо уходить.

— Бегство — для трусов, — черный целитель посмотрел на сына.

— Не имею ничего против, — внезапно встал на сторону падальщика и Мартына сказочник, он поднял стеклянный кол, обнюхал острие и с размаху воткнул в землю, вернее, в песок.

Константин скривился, возможно, баюна тоже ждало нелицеприятное высказывание, но мужчина не успел его произнести. Я вздрогнула от громкого хлопка, так похожего на взрыв петарды, а на груди черного целителя расцвела красная клякса. Что-то тяжелое навалилось сверху, прижимая меня к песчаной земле. Выстрел, запоздало сопоставила я звук и кровавый цветок на рубашке Константина.

— Нет, — закричал парень.

Ему ответили целой серией хлопков. Я попыталась приподнять голову, но ее бесцеремонно прижали к земле.

— Давай! Ну же! — кричал Мартын. — Да что же это такое!

Рядом шевельнулся сказочник, песчаная земля оставляла на загорелой коже светлый налет. Рука, удерживающая меня на месте, чуть ослабла, я повернула голову и встретилась с полным ярости взглядом гробокопателя. Мужчина принюхался, чуть сдвигаясь. Прижимавшая меня к земле тяжесть исчезла.

— Серебро, — он почти выплюнул слово.

Снова стрельба, и мы вжались в песок. Мартын склонился над отцом, стараясь зажать рану, глаза горели, рот кривился в некрасивой капризной гримасе. Ничего не помогало, кровь толчками выходила из груди старшего целителя.

— Давай сам, — закричал парень. — У меня не выходит. У меня здесь ничего не получается, магия уходит, как вода в песок. Отец!

— Не... не вытяну, — прошептал Константин, — жжет, — он потянул руки к груди, туда, где темная кровь заливала ладони его сына.

— Вытянешь! Тебе просто нужна сила! Больше силы!

Парень поднял руки, разбрызгивая бордовые капли, стащил со спины рюкзак и одним движением разорвал черную ткань, забыв о молнии, забыв обо всем. И еще до того как он извлек железное кольцо налокотника и целлофановый сверток, я поняла, что он собирается сделать. Увеличить силу целителя, поднять его со ступени черного целителя, не считаясь с ценой, которую придется за это заплатить. И кому? Редкий случай сыновней любви, или вины, или еще чего другого, замешанного в сумасшествии момента и юношеском максимализме.

Мартын вложил в пальцы Константина железное кольцо и стал разматывать целлофан. Торопливые дерганые движения, скользкие от крови пальцы.

— Сейчас, держись, сейчас вытянешь, — бормотал он, вряд ли понимая, что как только отец возьмется за артефакт, сам парень может перестать существовать для нечисти. Или перестанет существовать вообще. Последнее даже лучше.

Выстрелы прекратились. Тишина словно оттеняла каждый звук: хриплое дыхание, шуршание целлофана и бормотание молодого целителя делали его оглушающе значимым. Я перевернулась, согнула ногу и ударила. Не Мартына, он успел бы не только увернуться, но и выдернуть мне ступню. Я ударила по пальцам слабеющего и не видящего ничего вокруг Константина, заставляя выпустить железное кольцо.

— Нет, — зарычал парень.

Легкие тут же сжались, мышцы окаменели, не давая шевельнуться. Я увидела устремленный на себя горящий зеленою взор, и на последнем выдохе, за которым вряд ли последует вдох, прошептала:

— Невер.

Кольцо, стискивающее грудь изнутри, тут же исчезло.

Я вспомнила, как впервые увидела молодого целителя, держащего на руках змееныша, как еще совсем недавно он просил Марика позаботиться о младшем брате вроде бы в шутку, но цена таких шуток может быть весьма высока. Вложи он в руку Константина артефакт, и тот сделает целителя бесцветным, таким сильным, что градации еще не придумали. Он сможет вытянуть кого угодно, даже после прямого попадания серебра в сердце. Но заплатит за силу не только Мартын, действующий в порыве и отягощенный неспособностью помочь, но и Невер.

— Все, — тихо сказал Веник, — поздно.

Рука старшего целителя, только что сжимавшая железное кольцо, безвольно упала на землю, зеленые глаза смотрели в потемневшее небо, грудь не двигалась, поток крови стал иссыхать, сердце больше не качало ее по организму.

— Ну что, северные уроды, не передохли там? — раздался насмешливый голос из-за угла дома. — А то могу добавить!

Мартын вздрогнул, оскаливая клыки, в горле зарождался утробный нечеловеческий рык. Ленник положил широкую ладонь на плечо, удерживая парня на месте, и голосом доброго дядюшки ответил:

— Не надо, мил человек. Мы уже все поняли, сидим тихо, починяем примус. Говори, чего хочешь, о чем мечтаешь, о чем думаю думаешь, а патроны береги, — он кивнул Венику, одними губами произнеся «человек».

Мартын погасил магию в глазах, но ее с успехом заменила полыхающая там ярость.

— Не чувствую. Он в амулетах, — прошептал парень.

— Мне нужен тот артефакт, который вы, твари, дали потрогать Ахмеду, или как он там назвался. Отдайте, и я уйду. Ну? Считаю до трех: раз, два...

До трех — это очень много, для нечисти и одного достаточно. Сказочник выиграл время. Стрелок еще только начал говорить, а Веник уже скрылся в кустах. Человек может взять в руки пистолет, он даже может потратиться и зарядить его серебряными пулями. Закрывающие амулеты сделают его опасным на дальней дистанции. Но с точки зрения нечисти, это как заменить очки линзами: вид другой, а зрение все равно хреновое. Любой амулет можно сорвать, сломать, а пистолет — всего лишь железка, которую легко отобрать, пулю можно вытащить. Нужно всего лишь время... но иногда его нет.

Мартын не выдержал, сбросил руку баюна и ринулся к дому. Снова загрохотали выстрелы, но целитель с легкостью уходил от невидимых серебряных росчерков. Сила человека с оружием в руках во внезапности, но это одноразовое преимущество. Парень был зол и быстр, сама удача признала его право на кровную месть.

Оружие умолкло. Человек закричал.

— Мясники, — вздохнул баюн, — нет бы поговорить, найти компромисс, — он встал и, не скрываясь, пошел к соседнему дому.

Сказочник оказался прав. Едва свернув вслед за ним за угол невысокого кирпичного строения, я увидела живописно развешенные по кусту внутренности. Воняли они жутко, даже несмотря на то, что свежие. Я зажала рукой нос и прикрыла глаза. Не чувствовать. Не видеть.

— Тварь!

Людей оказалось двое, как и пистолетов. И если одного уже разобрали на запчасти, второй был пока жив, а его оружие сломано. То ли наши перестарались, то ли магического соседства не выдержал. Мужчина отползал к стене дома, ломая чахлые ростки лебеды. Мартын, скаля зубы, наступал на стрелка.

— Точно. Я тварь, — глаза парня вспыхнули.

Веник присел рядом с останками, еще один пистолет, с виду целый, чернел на впитывающейся крови земле. Не скрытый повязкой глаз падальщика посветлел, Веник обмакнул палец правой руки в кровавую кашу, принялся, а потом зачерпнул пригоршню сгустков и отправил в рот.

— Серебро? Кто тебя надоумил? Отвечай, — рявкнул Мартын.

— Пошел ты, недомерок, — мужчина уперся спиной в стену, сплюнул. — Рви, не тяни, тварь.

— Он не ругается, — падальщик проглотил то, что было во рту, я отвернулась, судорожно сгладывая подкатившую желчь, губы и подбородок Веника были густо вымазаны темной кровью, — он завидует.

— И человек знает об артефакте, — с трудом проговорила я.

— Я бы тоже не прочь узнать, — улыбнулся сказочник, я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ буквально через секунду после того, как вдоволь насмотрелась на поедателя трупов, да, баюн был силен, — но понимаю, это ждет.

— Кто ты? — парень подошел на злой шепот. — Кто ты, червяк?

— Червяк? — усмехнулся пленник. — Точнее и не скажешь. Знаешь, кто сделал меня таким?

— Знаю, — я вгляделась в искаженное от ярости смуглое лицо, — мы.

— Северные отбросы, — с губ пленника слетела слюна.

Мартын пнул его в скулу, голова ударилась о стену, изо рта выплеснулась кровь. Веник раздул ноздри принявываясь.

— Вы дали отцу эту цацку! Вы! — мужчина сплюнул, на песок упал зуб.

— Авис сказал, что у него двое детей, — проговорила я, черные, как маслины, глаза пленника закрылись. — Двое.

Все повернулись к кровавой луже.

— Твой брат? — глядя на то, что раньше было человеком, спросила я.

— Сестра, — ухмыльнулся мужчина, — была.

— Не мы выкинули отца из дома, стоило ему утратить силу. Мы лишь предложили ему ключи от черного хода. А взял их, вставил и повернул в замке он сам, — я покачала головой.

— Да иди ты, подстилка, — сын травителя закрыл глаза, словно ему было больно на нас смотреть, — не тяни, бей. Человеком я жить не буду.

— Настаиваю на предложении студента, — гробокопатель встал, — надо уходить, раз за

вами тянутся такие хвосты, — он указал на сына травителя.

Мартын зарычал, на горле пленника вспухли голубоватые вены. Мужчина открыл рот, но целитель затолкнул человеческий крик обратно в глотку.

С уходом решили не тянуть, невзирая на опустившуюся на стежку ночь и тусклый свет едва зажегшихся звезд. Просто пошли по единственной дороге. Она привела нас сюда, она и выведет.

Сын травителя в очередной раз упал на колени и тут же вскочил, подстегнутый магией Мартына. Не связанный путами пленник закричал, каждый его шаг отдавался болью. Обоюдная ненависть удушливой волной висела в воздухе. После смерти отца молодой целитель потерял интерес к разговорам.

Дорога изогнулась, пленник шел первым, стараясь держать между собой и Мартыном дистанцию. Я оглянулась на Веника, который замыкал группу, и едва не натолкнулась на остановившегося Лённого.

Сказочник просто остановился посреди дороги, не в силах сделать дальше ни шага.

— Эээ, — протянула я, обошла замершего баюна и позвала, — Мартын, Веник.

Сказочник раскинул руки, словно собирался обнять кого-то невидимого, и покачнулся.

— Лён? — гробокопатель, настороженно приблизился.

Баюн сделал шаг вперед. Тяжелый. Медленный. Мышцы на крепких руках напряглись, черты лица смазались, нос и губы расплющились, словно он прижимался к стеклу. Еще усилие, и сказочника вдруг оттащило назад, будто на веревке. Ноги проехали по дороге, в воздух поднялась рыжая пыль. Мужчина опустил руки.

— Здесь что-то есть, — он обернулся к Венику, — меня не пускает дальше.

Гробокопатель шагнул ближе, вытянул руку, коснулся ладонью воздуха и толкнул.

— Какая-то пленка, — падальщик принялся.

Я обошла мужчин, остановилась напротив Веника и вытянула руку ему навстречу в нелепой пародии на разлученных стеклом влюбленных, но ничего не ощутила. Совсем. Кончики пальцев уперлись в теплую мужскую ладонь без всяких препятствий.

— Давайте пошутим потом, в другом месте, — пробормотал молодой целитель.

— А никто не шутит, мальчик, — спокойно сказал Лённый, снова делая шаг вперед.

Это походило на выступление уличного мима на празднике в честь дня города, когда артист упирается во что-то несуществующее. Я вернулась к спутникам, минув невидимую границу, развернулась, как солдат на плацу, и снова пошла вперед. Ничего. Вытянула руку, ухватила за ладонь Веника, ощутила мягкое ответное пожатие и потянула мужчину на себя.

И, наконец, почувствовала то, о чем говорил сказочник. Невидимую пелену, или нить, сдерживающую движение. Гробокопатель напрягся, широкая ладонь застряла, останавливаемая невидимой сетью. Еще рывок, руки соскользнули, а падальщик остался на месте. Я едва не упала, неслышно переместившийся за спину Мартын успел подхватить меня под руки. Сомнений в правдивости нашей пантомимы не осталось. Пленник устало сел на землю, но парень даже не взглянул в его сторону.

— Если не получается тянуть, можно толкнуть, — отказался сдаваться молодой целитель.

— Не стесняйся, мальчик, — взмахнул руками сказочник, — давно я так не развлекался. Мартын, не обращая внимания на издевку в голосе, пересек линию, за которую не могли

ступить падальщик с баюном. Лённик поднял руки на уровень груди, чтобы не впечататься носом в преграду. Парень положил ладони ему на спину. В мире людей мужчины, занимающиеся такой фигней, привлекли бы нездоровое внимание. Здесь же они были полны чего угодно, только не смущения.

Целитель толкнул, сказочник качнулся, руки уперлись в невидимую пелену и чуть согнулись в локтях. Еще одно усилие, голова мужчины уперлась в барьер.

— Похоже, мы останемся здесь, — философски сказал баюн. — Вы пришли по этой дороге, по ней и уйдете. Нам надо искать другую.

— На нашей стежке, — со значением добавил Веник, — дорога продолжалась до самого озера.

И мы, конечно, развернулись. Мы прошли Юково насквозь и снова остановились. Ничего не изменилось. Пелена была и там, перегораживая дорогу, ведущую к озеру. Пружинящий барьер, эластичный чулок, который мягко обхватил мне лицо и оттолкнул назад, тогда как Веник просто шагнул за невидимую границу.

Я замотала головой, чихнула, подняла руку и коснулась пелены, она чуть подрагивала, словно в такт ударам сердца. Мартын выругался, зарычал и вломился в кусты, чтобы через минуту вернуться с горящими глазами и свернутым носом. На этот раз внутри Юкова остались не мужчины, а двое пришельцев с севера, и пленник, в очередной раз харкнувший кровью.

— Наш путь здесь, — констатировал Лённик, когда парень вдоволь натыкал пленника в преграду, — а ваш с другой стороны.

— Восхитительно, — буркнул Мартын, но ничего восхитительного ни в его взгляде, ни в голосе не было.

На ночь мы остановились в доме Семеныча, единственном из открытых, где сложен действующий очаг. Было не столько холодно, сколько неуютно, а живой огонь создавал иллюзию, что вокруг нас еще осталась жизнь. Никто никуда не пошел. Мы не сговаривались, не обсуждали принятое решение, мы просто вернулись в Юково. Что-то извне очень хотело разлучить нас. Нет, «разлучить» — неправильное слово, правильное — ослабить, разделить оставшихся в живых и, возможно, перебить по одному.

Мысли отозвались ноющей болью, потому что это значило, что моя бабка... Моя... Нет, я не буду об этом думать, пока не увижу труп, не поверю. Даже если это означает вечную веру в несбыточное. Лучше буду представлять, как Марья Николаевна бьет иконой каждого, кто приблизится к ней с улыбкой в пятьдесят два зуба.

Мы сидели в окружении пляшущих теней, языки пламени лизали коричневые поленья. Из еды в сумке было с десяток сосисок в тесте, купленных у уличной торговки, чипсы, вода и шоколадка. Так что все сидели голодные.

Сын травителя спал, и сон, навеянный Мартыном, судя по бегаящим под веками глазам, был не из приятных. Мужчина неопределенного возраста, среднего роста, среднего телосложения, весь такой средний, унылый и сдавшийся. С ним все было кончено. Не важно, что сделает целитель, жизнь пленника завершилась, потому что он сам так захотел. Или не захотел оставаться человеком, и лишь вопрос времени, когда уязвимое тело перестанет двигаться.

— Ты не убил его. Почему? — спросил Веник молчаливого парня.

Молодой целитель не ответил, продолжая смотреть на огонь.

— Его раздирают противоречия, — баюн подкинул в камин полено, — он хочет этого каждое мгновение, каждый вздох человека обжигает его, но парень боится, — Мыртын резко повернулся, глаза полыхнули яростью, — боится, что это будет слишком легко, что это не окупит и тени боли, что сейчас грызет нутро. Смерть — это точка, и ее нельзя растягивать до бесконечности. Если она поставлена, исправить и переиграть уже ничего нельзя. Он боится того, что не вычерпает наказание до дна.

— И правильно боится, — добавил гробокопатель. — Никакая месть не заглушит чувство вины. Не сможет.

— Умные какие, старшие и много повидавшие, — голос парня был полон горечи и мальчишеского вызова, — своих детей учите. Может, после того, как вас вскроют, они поступят правильно.

— Жрать хочу, — Веник встал и вышел из дома.

Мы остались сидеть в тишине. Дельных мыслей не было, а дурные озвучивать никто не спешил.

Из угла, где еще минуту назад беспокойно спал пленник, раздался тихий смех. Непрекращающийся кошмар, в конце концов, вытолкнул его на поверхность.

— Увидел что-то смешное? — повернулся к нему парень.

— Услышал, — мужчина был бледен, — поедатель трупов голоден. Угадай, кто пойдет ему на ужин? Сколько покойников вы оставили там?

Мартын вскочил и пнул пленника.

— Старший эскулап пойдет на корм падали! — не обращая внимания на удары, пропел сын травителя. — Тот объест его лицо, высосет глаза...

— Заткнись! Заткнись! Заткнись! — кричал Мартын, поднимая ногу и ударяя снова и снова.

Пленник свернулся на полу, стараясь закрыть голову руками.

— Убью! — зарычал парень и выскочил за дверь вслед за гробокопателем.

Пленник остался лежать на полу, вздрагивая всем телом. Вряд ли кто-то мог ему помочь, мало того, я поймала себя на полном отсутствии желания помогать. Во всяком случае, ему.

Баюн не отрывал глаз от огня.

— Трудно дается? — спросил сказочник. — Хочешь попросить об одолжении, но язык немеет, стоит вспомнить, кто перед тобой. Ты даже посмотреть на меня не в силах, — он усмехнулся краешком рта, — я не добрый сосед, у которого можно одолжить мангал или щепотку цианида. На меня не смотрят, не приходят в гости, не зовут на пиво. Меня боятся.

— Вам это нравится, — я встала.

— Точно. Тем приятнее награда, когда преодолевают страх и отвращение. Или я заставляю их преодолевать, и они бегут за мной, как дрессированные щенята, — Ленник размял крупные ладони. — Запомни, я не миротворец, так что пусть хоть загрызут друг друга, с места не двинусь.

Я встала и открыла дверь в темную ночь. Ветер бросил в лицо чуть посвежевший воздух, листья далеких деревьев тихо шептались, песок пружинил под ногами. За день дорога подсохла еще больше, скоро она превратится в рыхлую полосу, как будто сюда перенесли часть пляжа.

Что я сделаю, когда окажусь у дома баюна и увижу сцепившихся мужчин? Ответ прост — ничего. Драки не будет. Не с Веником. Не с умным, осторожным, хитрым

гробокопателем, знающим, на какой ступени силы стоит целитель, а на какой заложник.

Отсюда вопрос: зачем ему эта провокация? Пока не знаю, но цели он достиг. Парень взвинчен до предела и выманен из дома. Что дальше?

Взрослая жизнь оказалась не такой простой, как виделось из filii de terra. Там Мартын мог считать себя мудрым, старшим и много повидавшим. Мир вне острова детей был другим и по глубине и по ширине, и по жестокости. В пруду с мальками и карась будет казаться акулой, если бросить его в озеро вряд ли он напугает щуку.

Месяц на небе подрост, к исходу ночи он успеет созреть полностью. Света он давал мало, но чтобы рассмотреть песчаную дорожку, ведущую к крыльцу, его вполне хватало. Пустую дорожку. Тела Константина не было, как и следов волочения, рыхлый песок не асфальт или грунтовка. Кровь и те ошметки, что остались от сестры пленника, по-прежнему темнели на кусте, припорошенные песком и листьями. Останки были. Тело исчезло. Тьма шевельнулась, я вздрогнула, на краткий миг сердце зашло в таком бешеном ритме, что казалось, сейчас разорвется. В темноте изумрудной зеленью зажглись знакомые глаза.

— Где они? — спросил целитель. — Где эта чертова падаль? Я ему желудок вырву и заставлю сожрать, раз он голоден. — Слышишь, ты! — закричал он в пустоту едва угадываемой в ночи улицы.

— Слышу, — отозвалась та.

Горло перехватило, и я едва заставила себя сделать вдох. Парень вздрогнул и медленно повернулся к отделившемуся от тьмы силуэту. На нем все еще были классические брюки от костюма и белая рубашка с закатанными рукавами. Кровавое пятно выглядело черной кляксой.

Они стояли друг напротив друга. Одна кровь. Одна магия. Осанка, рост и зеленые глаза. Одни полные непонимания, надежды и неверия. Другие равнодушные.

— Слышу. Но не верю. Да и с чего вдруг? Слова плаксы и нытика, прячущегося от чудовищ за занавеской.

— Константин, — прошептала я.

— Заткнись, — он даже не повернул головы. — Пустивший серебро мне в сердце еще жив. У тебя не хватит пороха на месть, если уж убийца твоей матери до сих пор скалится в лицо при каждой встрече. Слабак, всегда таким был. Таким и сдохнешь.

Из-за дома выскользнула невысокая гибкая фигурка. Джинсы, яркие кеды, майка — обычный подросток, которому не место здесь. Лунный свет лег на повернутую козырьком назад желтую кепку. Я увидела неподвижное, похожее на маску лицо, хотя именно его он и потерял. Он разорвал мне горло, а Мартын сжег моей кровью его кожу и внутренности.

Мальчишка. Ветер — охотник.

Даже в темноте я заметила, как побледнел младший целитель. Тот, кого мы убили возле клетки, схватил Мартына за руку и скользнул за спину так быстро, что я едва успела уловить движение. Парень закричал, глаза вспыхнули зеленью. Но магия снова подвела целителя. Хрустнула кость, и рука Мартына повисла плетью.

Охотник ударил парня в спину, тот упал на песок. Константин улыбнулся. Ветер посмотрел на меня остановившимся взглядом, поднял руку и провел пальцем по горлу. Страшная пантомима без единого звука.

— Беги! — прошептал Мартын, не поворачивая головы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И я побежала. Так быстро, как могла, совсем забыв, что в глазах нечисти мои движения

напоминали черепаши.

— Слюнтяй, — голос экспериментатора наждаком прошелся по затылку.

Надо успеть спрятаться, пока Константин и Охотник заняты парнем. От этой мысли стало тошно. Но паника подгоняла куда эффективнее кнута, запрещая думать, она заставляла просто бежать. Песчаная дорога, дома, мертвая стежка. Уютный домик старосты, и темнота в окнах, где еще минуту назад танцевал огонь. Я влетела в прихожую, хлопнула дверь, уперлась руками в бедра и несколько секунд старалась унять дыхание. В боку колело, а перед глазами все еще стояло неподвижное лицо мальчишки-охотника, перечеркивающего горло.

Святые!

От огня в камине гостиной остались лишь черные, не прогоревшие до конца поленья, припорошенные пеплом, словно прошло не пять минут, а пятьдесят. И никого в комнате. Ни пленника, ни баюна. Я попыталась успокоиться.

Думай, Ольга, думай, иначе костей не соберешь. Они могли уйти сами. В пользу этого говорило то, что из комнаты исчезли наши вещи. Пропажа артефакта ушедших с рюкзаком Мартына объяснима, но что могло привлечь нечисть в моей сумке? Там нет оружия, яда или запретного металла. Тряпки, помятые сосиски не первой свежести, подтаявшая шоколадка, смена белья, запасные носки и расческа.

Тишина казалась абсолютной. Меня никто не преследовал и не искал. Тусклый свет месяца и темнота за окном, в которой на минуту что-то мелькнуло, что-то светлое, силуэт. Сердце снова заколотилось, как бешеное. Я села на пол меж двух окон и уперлась взглядом в противоположную стену. Минута уходила за минутой, в дальней части дома скрипнула половица, я вздрогнула и несколько минут смотрела на черный проем двери. Но никто не вошел, не зарычал, не разорвал горло. Никому не было дела до человека, бегающего туда-сюда по песчаной дороге. Но я знала, как обманчиво бывает такое невнимание. Добыча и не должна знать, что на нее охотятся.

Я сидела и ждала неизвестно чего. Озарения? Чуда? Того, кто придет и спасет меня, а также подарит «пятьсот эскимо»?

Что делать? Побегать на помощь парню? Извиниться, мол, так и так, сразу не получилось, сбегала, проветрила голову и теперь готова приступить к спасению или упокоиться рядом, на ваш выбор, собственно. Я закрыла лицо руками и шумно выдохнула.

Или запереться в доме до рассвета? Завалить немногочисленной мебелью дверь?

Вряд ли с восходом солнца что-то изменится, только в сказках с криком петуха тени расползаются по углам. В нашей тили-мили-тряндии тьма сидела внутри каждого, у каждого внутри есть сюрприз.

И человек не исключение. Я опустила руки и представила, как ладони касаются таких знакомых, таких нужных сейчас клинков. Мое оружие. Жало уже не принадлежало Раде, оно стало моим. Пальцы кольнуло предвкушением, мурашки расползли от ладоней к запястьям. Я распахнула глаза. Комната осталась такой же безликой и пустой.

Привстав, я выглянула в коридор, на четвереньках миновала кухню, оцарапав ладонь о доски, и перебралась в кабинет. И села уже там, в той же позе и с тем же отчаянием внутри. «Следующей» вещи не было, как и клинков, что лежали в правом ящике. Туалетный столик остался стоять в съемной квартире на втором этаже старого дома в Остове. Чесотка в руках исчезла. Повторить фокус не получилось. Возможно, от излишнего старания.

За окном раздался протяжный тонкий вскрик, пробравший меня до костей. Я услышала

голос и казалось, что узнала. Они что-то сделали с Мартыном. Не знаю, что хуже: сидеть здесь и ждать заклятия или смотреть в мертвые глаза ветра-охотника.

Я уцепилась пальцами за подоконник и выглянула в окно. На этот раз темнота казалась неподвижной и непроницаемой.

Оружие можно найти здесь. Сегодня в Юково, помимо нас, вошло еще двое людей, и не с пустыми руками. Я вспомнила кровавую лужу ошметков, пленника, пистолет со сплюснутым дулом и второй, оставшийся целым, благодаря тому, что его хозяйка умерла первой. В оружии должны остаться серебряные пули. Надеюсь, что остались, потому что ничего лучше надежды у меня не было.

Но чтобы получить оружие, нужно вернуться. Я опять представила, как пробегаю мимо выдирающего Мартыну руки охотника, вежливо извиняюсь и прошу не обращать внимания. Впору расхохотаться. Когда жизнь не радует, я имею дурацкую привычку смеяться, а потом, как правило, плакать.

Никогда не отличалась героической храбростью, что воспевают в романах, но я умела загонять страх внутрь, умела контролировать его, иначе меня давно бы сожрали. Есть такое слово «надо». Я должна знать, чем обернулось для парня мое бегство. Не хочу, но должна.

В комнате что-то со стуком упало, или хлопнула рама, или кто-то спрыгнул на пол, или...

Я сглотнула, сердце билось так, что слышала, наверное, вся нечисть в округе. Стало очевидно, какая это глупость — спрятаться в доме, мышь сама забежала в мышеловку. Быстро перебравшись к входной двери, я выскочила на крыльцо и замерла, вглядываясь своими слабыми человеческими глазами в ночь.

За спиной в доме снова воцарилась тишина, либо сознание играет со мной злые шутки, либо тот, кто там был, решил пока не когтить добычу, а поиграть с ней.

Надо идти. Возможно, мне, вообще, не следовало убегать. Сегодня я уже отвернулась от человека, пусть и не очень хорошего. Но Мартына бросить не могу, хотя он и не претендует на титул «меценат года».

Высшие — великие шутники. Кто бы мог подумать, что я рискну жизнью ради кого-то из рода целителей.

На улице было тихо, так тихо, что казалось, можно услышать мысли. Свои и чужие. Я медленно шла вперед, стараясь отогнать мысль, что по собственной воле сую голову в пасть к волку. К ожидающему этого волку.

Темнота не была враждебной, она была выжидающей. И может, чуть любопытной. Ощущение чужого взгляда неприятно холодило затылок, словно со всех сторон на меня уставились сотни глаз, сопровождая каждый шаг к дому сказочника. Я чувствовала себя чутким зайцем, потерявшим из виду охотящуюся на него лису, но готовым при любом намеке на опасность пуститься наутек.

Святые, как же тихо! Такой ватной немоты не могло существовать в природе, словно молчал сам мир. Как говорил наш Семеныч, я искала подвох во всем, что видела, чувствовала, слышала. И самое поганое, находила. Всегда.

Я двигалась перебежками от дерева к дереву, от постройки к постройке, вздрагивая от каждого подозрительного шороха, каждую секунду ожидая, что из тьмы выйдет маленькая фигурка с бледным лицом.

Но ни у дома баюна, ни у соседнего, где прятались брат с сестрой, никого не было. Пистолет лежал на земле рядом с засыхающей лужей крови. Никто из нечисти не

заинтересовался оружием. Мартын наглядно показал смысл поговорки: предупрежден, значит, вооружен. Он достаточно быстр, чтобы не подставляться под пули. Константина сразило первым выстрелом, тем, который никто не мог предсказать, человеком, которого не видели и не слышали, человеком, прикрытым амулетами.

Рукоять показалась мне невероятно тяжелой и холодной. В фильмах все просто: жмешь на курок, а пули сами летят куда надо. В норматив советского работника завода входила стрельба из малокалиберной винтовки, но то, что я сейчас держала в руках, сильно отличалось от воспоминаний.

Из второго пистолета с изувеченным дулом, чуть присыпанного песком, я извлекла обойму, пусть для этого потребовалось время.

Ощущение чужого взгляда так и не пропало, и потому я почти не удивилась, когда они подошли. Вынырнули из тьмы ночи размытыми силуэтами. Пистолет заплясал в руках, но я так и не смогла нажать на курок. Пальцы одеревенели, кровь превратилась в хрустящий лед. На меня смотрело прошлое. Из выцветших коричнево-желтых глаз старого-старого сваара, умершего не в силах сделать вздох на Заячьем холме. Он стоял передо мной, словно сами ушедшие решили второй раз разыграть его судьбу. Я замычала, не в силах сказать ничего определенного. Старик не ответил. Он просто стоял и смотрел, и свет луны золотил его глаза.

Я сделала шаг назад в засохшую, впитавшуюся в песок кровь. И снова что-то промычала, слов не было. Еще шаг, и тьма за спиной шевельнулась, выпуская на лунный свет женскую фигуру. С губ совался всхлип. Там стояла Алия, в своей цветастой юбке и платке.

Рука с пистолетом упала. Бесплезная никчемная железка. Старик Сергей качнулся, словно и после смерти больная негнущаяся нога причиняла ему беспокойство.

Мертвецы на мертвой стежке среди мертвых домов. Голова закружилась, еще немного, и я упаду, уткнувшись головой в песок, чтобы только не видеть.

Меня схватили за руку и дернули в сторону, вытаскивая из круга молчаливых покойников. Я заорала, чужая ладонь зажала рот, я попыталась кусаться, но только схлопотала по зубам, дергалась, пока в уши не ввинтился тихий, на грани слышимости шепот.

— Тихо, Оля, это я.

Я замерла дрожащим напуганным зверьком.

— Все? — спросил он. — Можно отпускать, или ты хочешь еще попрактиковаться в вокале?

Ладонь опустилась, воздух с шумом вышел из легких. Рядом стоял Веник. Я обхватила его руками за шею и прижалась, дрожа всем телом. Из глаз потекли слезы.

— Некогда хныкать, — он отстранил меня и легонько встряхнул, — надо уходить.

— Я думала...

— Раз ты еще здесь, значит, плохо думала, — он потащил меня за собой по дороге.

— Мертвые, — прошептала я, оглядываясь на старика с больным коленом и тихую женщину, которая неплохо мыла посуду в чайной у Ахмеда, мертвецы молчаливыми тенями остались стоять на тропинке.

— С каких пор ты стала визжать при виде трупов? Эти отличаются от других тем, что стоят на двух ногах.

— Ты не понимаешь.

— Да куда уж мне. Быстренько поплачь, как дорога была тебе эта дохлятина, какими

замечательными и талантливыми они были, как несправедливо не без твоего участия откинули копыта.

Он свернул к дому на углу Центральной и Январской улиц, тут жил Борис, до того как его загрызли гархи, до того как нашу стежку выдернули из одеяла мира. На перилах крыльца сидел Мартын. Живой и поникший. Он поднял голову, и я остановилась. Кожи на левой половине лица не было, в уголке рта, лишенном губ, белели зубы, из-за отсутствия века глаз не закрывался. Я прижала руку ко рту.

— Горевать о былой красоте студента будешь потом, — заявил падальщик, — прячь стрелялку и уходите за барьер.

— А ты?

— Мой выход с другой стороны.

— И что дальше? — спросил парень. — Куда бежать? — безгубая часть рта гротескно скривилась.

— Предпочитаешь сдохнуть здесь? — рыкнул гробокопатель. — Среди мертвецов? Решаешь за себя и за нее? Она не твоя подружка, не забывайся.

— Тогда пусть уходит, пусть бежит к Седому. У нее от него слюнки текут, не от тебя. Кто ты? — парень встал. — Ты выманил меня из дома прямо в руки к... этим. Чем ты лучше мертвых?

— Я хуже. Я взял на себя труд увести тебя из-под носа твари, которую прибили к двери собственного дома, которую ты не смог исцелить, — падальщик ссутулился и пошел по дороге. — Ты обвиняешь меня в том, что сам угодил в плохую компанию?

Пистолет никак не хотел помещаться в карман, джинсы явно не предназначались для подобного, и черная рукоятка осталась торчать снаружи.

— То есть они все умерли? — жалобно спросила я. — Все, кто жил здесь?

— Не знаю. Да хоть бы и так, — Веник обернулся, — еще одна причина сменить место жительства.

Дома остались позади, дорога изогнулась под прямым углом, и мы с Мартыном ступили за барьер. Веник, сделавший вместе с нами лишний шаг, выругался, оттолкнулся от невидимой, но не менее осязаемой преграды, оскалился и попросил:

— Держи себя в руках, студент. И ее тоже. Не то она снова кинется кого-нибудь спасать, — падальщик посмотрел в глаза, — меня, например.

Эти слова мне что-то напомнили. Смысл, интонация. Так же говорил и сам целитель Марику, чтобы тот остался в *filii de terra*. Гробокопатель хотел, чтобы мы ушли.

Я невольно сделала шаг вперед, или назад, смотря с какой стороны смотреть.

— Без такого балласта, — он насмешливо склонил голову, — я уйду в два раза быстрее. И тише. Не возвращайтесь. Уж я-то точно не вернусь, — гробокопатель развернулся и пошел обратно, мгновенно растворяясь в темноте, смыкающейся над желтой дорогой.

Шли молча. О чем нам говорить? О желтой дороге? О том, что оставили там? Парень с злостью пнул песок, его лицо болезненно скривилось.

— Почему ты не вылечишь себя? — спросила я.

— Не хочу — дернул головой целитель и добавил, — или не могу.

— Правда?

— Не знаю, — он затравленно посмотрел по сторонам. — Сказочник прав. Я боюсь. Здесь с моей силой творится что-то неладное. С таким лицом я жить смогу, а без магии —

нет.

Он посмотрел на дорогу, на ту ее часть, по которой мы пришли со стёжки под Остовом.

— Я недооценил пески востока. Она была права, не надо было ходить. Все умерли, а у нас есть для чего жить.

— Если это, — перед глазами пронеслась вереница знакомых и не очень лиц, — правда, если на стежке одни мертвецы, значит, с твоей силой все в порядке. Ты не лечишь трупы. С сыном Ависа и его сестрой у тебя проблем не было.

Он повернулся ко мне изуродованной стороной, и глаз, лишенный века вспыхнул зеленью. На куске мяса, в который превратилась левая щека, выступила кровь. Парень сцепил зубы. Я видела, как ходят ходуном мышцы, как выделяют прозрачную сукровицу, как перекручиваются тонкие, похожие на нити, волокна, как они сплетаются, срастаясь и образуя новый молодой чуть розоватый слой кожи.

Магия Мартына была с ним, это окружающая действительность выпадала из зоны воздействия. Целитель работает только с живой материей. Конечно, как и любой другой колдун, шаман, предвестник или заговорщик, он может поднять мертвеца, и тот, как заводная кукла, будет ходить и махать руками, пока не кончится завод, сгусток чистой силы, вложенный в труп. Но поднять и исцелить — разные вещи. Раны останутся ранами, руки — руками, пальцы не обрастут перьями, превращаясь в крылья. Мертвые ткани не живут, не меняются. Целитель не сможет разобрать мертвяка на запчасти, как поступил Мартын с сестрой пленника, разве что, если возьмется за топор. Для него попытка работы с трупом сродни попытке превратить водолазный костюм в водолаза.

Парень провел руками по русым волосам, облегчение, сквозившее в его позе, было слишком очевидным даже для человека.

— Мы угодили на стежку к мертвецам.

От его слов внутри все отзывалось болью.

— А Желтая цитадель все еще где-то там, — Мартын оглянулся.

— Какое тебе теперь до этого дело? — запальчиво спросила я. — Мы нашли то, что искали. Наш дом, никому из нас таким ненужный. Уходим. Или тебе мало того что ветер снял с тебя кожу?

— Не ветер, отец, — голос целителя звучал хрипло, — пусть, не в первый и не в последний раз. А охотник, — парень замолчал и вдруг, словно приняв решение, которое больше походило под характеристику «в омут с головой», пошел по желтому песку назад. — Он ничего мне не сделал, понимаешь?

— Нет, — я шла следом, каждую минуту ожидая, что вот из этого куста выпрыгнет что-то не очень живое или кто-то не очень мертвый. — Не сделал? Память отшибло?

— Зуботычины не в счет.

— Сломанная рука?

— Тоже, — он отмахнулся именно той рукой, что еще совсем недавно висела плетью.

Как быстро живет нечисть, как стремительно переходит из одного состояния в другое. От апатии до воодушевления, от равнодушия и страха до энтузиазма, помноженного на решимость. Одним словом, ребячество. И с чего я с такой готовностью иду рядом?

— Не могу поверить, — пробормотала я.

— Вот именно, — парень пошел быстрее, — ветер не был ветром. Настоящий охотник съел бы меня на ужин, но я ушел от них.

— Или тебя отпустили.

— Тоже вариант, который подтверждает догадку.

— Какую? — я почти бежала.

— Ветер не ветер, мертвец не мертвец, — дорога повернула под прямым углом, и мы выбежали на первый перекресток с темными домами, — а Юково не Юково.

Я огляделась, прохладный ветер лизнул кожу. Пустые улицы уходили в темноту, Веник сдержал слово и ушел со стежки, а мы вернулись. Внутри медленно зарождалось чувство беспомощности.

— Отец не заложник, не забыла? Допустим, серебро разорвало сердце, и он умер, — целитель рассмеялся тихим порочным смехом испорченного ребенка, сама мысль об этом доставляла ему удовольствие, — никто не в силах вернуть его. Поднять труп — да, но не вложить душу. Но то, что встало, не было ходячим мертвецом. Оно думало, разговаривало, оно знало меня! Но оно не отец!

— А что?

— Что-то иное, изначально неживое. Вот почему я не мог исцелять. Создание, наделенное его чертами. Остальное мы додумали сами. Я хотел видеть отца, я его увидел. Не мертвецы — их видимость. Это, — он обвел руками улицу и громко крикнул, — не стежка мертвецов, это ее иллюзия. Мы не в Юково!

— Уверен? — я схватила парня за руку.

— Это легко проверить.

— Святые, — простонала я, увидев, куда он направляется. — Опять? — мы снова шли к дому сказочника, туда, где «умер» Константин.

— Иллюзия — это не сон, иллюзия — это магия. В любом заклинании есть структура, начало, — он указал на мой дом, потом на свой, — середина, место силы, где сходятся линии, — он повернулся к показавшемуся впереди каменному строению, — конец. Есть конструкция. И пока мы не придумаем, как ее разрушить, по какой линии пойти, мы будем возвращаться.

Мартын внимательно осмотрел округу, будто ожидая, что ближайший куст сейчас встанет на корни и уйдет с его дороги. Хотя меня бы это не удивило. Чувство, что за тобой наблюдают, никуда не исчезло.

Парень подошел к распахнутой двери. Никого вокруг, живые мертвецы или их иллюзии скрылись в темноте. Он встал на одно колено и вытащил из песка полупрозрачный кол. На гладкой поверхности, там, где его покрывала засохшая кровь, густо налип песок. Целитель провел рукой по стеклу, стряхивая темные комки, глаза чуть позеленели, но комки остались комками. Кровью и песком.

— Видишь? Мне подчиняется любая кровь. Должна подчиняться, — парень улыбнулся, в этот раз собственное бессилие не вызывало страха. — Но раз я не могу воздействовать на эту иллюзию, она тоже вряд ли ответит взаимностью.

Целитель положил одну руку на ступени крыльца, ладонью кверху, а второй приподнял острие. Он был таким же экспериментатором, как и его отец, он намеревался опытным путем найти подтверждение теории. В отличие от людей нечисть отвечает за свои слова, даже за откровенное вранье.

— С тебя содрали кожу, — рявкнула я, — что же это, как не воздействие?

— Это не то, — буркнул он.

Желая остановить, я положила свою руку на его.

— Так даже лучше. Два вида крови — двойной эффект.

Я тут же убрала ладонь. Мартын невозмутимо улыбнулся. С такими лицами мальчишки во дворе бросали в костер баллончики от использованных лаков для волос и чистящих аэрозолей. Они предвкушали взрыв, он тоже. Стекланный кол с размаху опустился и с хрупом вошел точно по центру ладони. Брызнула кровь.

— Низшие-великие-ушедшие, — скороговоркой проговорил он. — Пропади оно все пропадом!

Целитель призвал магию, и его кровь вьелась в оружие, впиалась в полупрозрачную поверхность кола красными зубами. И стекло сдалось. Зашипело и рассыпалось желтоватым песком.

— Тот же принцип, что и с охотником-ветром, — он сжал и разжал кулак, стряхивая песчинки с зажившей кожи. — Я воздействовал не на предмет, а на то, что с ним соприкасается, — Мартын встал. — Ничто не рождается из ниоткуда, из пустоты. Иллюзия, если на нее надавить, распадется, становится тем, из чего ее создали. Из песка.

Я с сомнением разглядывала грязноватые россыпи под ногами.

— Смотри.

Он подошел к стене вплотную, резанул когтем по запястью и провел по стене туда-сюда, вливая в каждую размазанную каплю магию.

— Я видела, как твой отец так же плавил железо, — предупредила я.

— И оно тоже рассыпалось песком? — спросил Мартын в тот самый момент, когда фасад вдруг стал бархатно-ноздреватым и сквозь голубые доски проступила грязная желтизна. Иллюзия с тихим шуршанием осыпалась. Ноги по щиколотку ушли в песчаник, крыльцо исчезло.

— А если бы это был настоящий дом?

— Максимум дыра в стене, от такой малости он не развалится.

— Мы окружены замками из песка, — проговорила я.

Неимоверная вина, тяжелым грузом лежавшая на плечах с того момента, как я увидела пустой дом, исчезла, осыпалась, как только что разрушенная иллюзия. Бывают ситуации, когда неизвестность — благо, она страшна, выматывающа, но она дает надежду, шанс все переиграть, исправить.

— Странное ты существо, — на меня внимательно смотрели темно-зеленые глаза целителя, впитывающего каждый гран накатывающих, как волны, эмоций, — вы. Иногда я чувствую себя школьником, а иногда профессором, потому что даже подвий не столь совестлив, а Невер не столь наивен. Это раздражает. Не знаю, как себя вести с вами. С тобой. Бесит.

— На ты, но без перегибов, — я протянула руку. — Если перестараяешься, я сразу скажу об этом, а ты не вскипятишь мне за это глаза. Слава святым, я не твоя подружка.

— Почему, слава святым?

— Потому, — я закатила глаза. — Тогда про хозяина и слюнки — это и был перегиб.

— Меня поучает человек, — парень пожал руку. — Никому об этом не рассказывай.

— Что будем делать? — вернулась я к проблеме. — Разрушать все дома по очереди? Крови хватит?

— Ну, если растянуть все на месяц... — целитель замолчал и прислушался к тишине, на лбу появилась озабоченная складка, — Уходим, — одними губами прошептал он.

Я оглянулась, ничего не увидела и не услышала. Парень быстро переместился к ближайшему дому, уходя с улицы.

— Кто создал эту иллюзию? Джин? — прошептала я, пробираясь следом за парнем через заросли крапивы и лебеды.

— Я бы почувствовал яд исполнителя желаний, — парень покачал головой, — ни в тебе, ни во мне его нет.

Мы вышли к следующему участку, дом которого уже стоял на Ноябрьской, и приблизились к постройке с тыльной стороны.

— Кто еще из психарей способен на такое?

— Не с той стороны смотришь. Иллюзия не внутри нас, — он бесшумно скользнул вдоль стены, — она снаружи. И она из песка, а песок — это...

— Простой демон.

— Или кто-то из его ближнего круга, кто-то достаточно сильный.

— Откуда они узнали, — я вспомнила свой дом, свой подвал, — даже если он или она были в Юково, вряд ли им устраивали экскурсии по подвалам.

— С удовольствием устроили бы, — Мартын пересек Центральную, — только экскурсанты вряд ли об этом рассказали. Из чугунка да под овощами не больно-то поговоришь, — парень притормозил, почесал нос. — Ты права. Без джина не обошлось, он вытащил воспоминание о Юково из чьей-то головы, как макет, а кто-то другой построил песочный замок по чужому воспоминанию. Надо узнать, чья голова такая щедрая, и свернуть ее.

— Мы куда-то идем? — спросила я после получасовой прогулки по улочкам, десятка поворотов.

— Нет, — Мартын взял чуть правее, прижимаясь почти вплотную к домам, — но кто-то идет за нами следом, а я пока не готов к встрече.

Пустая улица создавала ложное впечатление одиночества, но поводов не доверять чутью целителя не было. Я всмотрелась в темные окна и фасады и поняла, что была здесь всего пару часов назад. Не в Юково в целом, а именно здесь, на этой улице, где по левой стороне шла одинаковая пятерка домов.

Я дернула парня за руку и, указав на противоположную сторону, сказала:

— На самом деле дома разные.

— Сбой в матрице, — Мартын посмотрел по очереди на каждую из сделанных под копирку построек.

— Что? Где сбой? — не поняла я.

— Неважно, — отмахнулся целитель, — тот, из кого вытащили макет иллюзии, не помнит точно, кто тут живет, — он повернулся ко мне. — Ну-ка, скажи кто?

— Не знаю, — честно ответила я. — Хочешь свернуть голову, валяй, но я не помню.

Что хотел сделать Мартын и с кем, я так и не узнала. Раздался тихий, на грани слышимости звук, и в икре целителя застряла грязная стеклянная сосулька. Я упала лицом в песок, под хиленькое прикрытие куста. Парень грохнулся рядом, глаза вспыхнули, и мутное острие тут же осыпалось. Песок к песку.

Мартын приподнялся, выругался и исчез, в мгновение ока скрываясь за углом дома. Двигаясь рядом со мной с черепашьей скоростью, парень делал человеку серьезное одолжение, но даже у него были пределы.

Ветер шевельнул куцую листву, на миг приоткрыв того, кто поджидал нас. Того, кого тоже принято называть «ветром». В темноте хищно изогнулась гибкая фигурка, узкая рука

сжимала еще одно стеклянное орудие. Глаза мальчишки охотника вспыхнули алым.

И нечего думать преодолеть открытое пространство, как целитель. Я вжалась в песок и стала отползать назад, мелкие камушки царапали ладони, забиваясь под ногти, одежду и что самое плохое, противно скрежетали. Один невольный взгляд на куст, чтобы убедиться, что ветер все еще там, что все еще поджидает добычу. Листья на ветках качнулись, приоткрывая пустоту.

Охотник тоже был любопытен, но предпочел узнавать ответы опытным путем. Он был слишком быстр, особенно если добыча пытается уползти. Я все еще вглядывалась в листву, когда нога, обутая в яркую кеду, наступила мне на руку.

Я взвизгнула, больше испугавшись появившегося из ниоткуда Ветра, чем от боли. Лицо мальчишки осталось неподвижно. Он поднял голову, принялся и, отвернувшись от лежащей на песке добычи, скользнул вслед за целителем, оставив меня потрясать пальцами.

Я даже не сразу сообразила, что произошло. Охотник ушел. Ветром скользнул мимо в поисках более достойной добычи. Удивительно, ведь для того, чтобы проломить человеку голову, ему было даже необязательно останавливаться.

Костяшки пальцев покраснели, но, как сказал целитель, зуботычины не в счет. Я встала, бросилась к дому. Прижалась к дощатой стене и осторожно заглянула за угол, готовая в любой момент нырнуть обратно. Но там никого не было. Не мне соревноваться в скорости с нечистью.

Одинаковые дома смотрели на меня с противоположной стороны улицы одинаковыми глазами-окнами. Что-то было за всем этим, что-то значимое, но мы пока этого не видели.

Подумать мне не дали. Кто-то, неслышно подошедший сзади, зажал рот рукой, приподнял и, прижав к себе, потащил в сторону. Я мычала, брыкалась, била ногами и руками. Но неизвестный был не по-человечески силен, а тело, к которому меня прижимали, таким твердым, что казалось выплавленным из металла. Но кого волнуют синяки? Лишь бы голова была на месте, остальное заживет. Еще больше пугало молчание. Веник бы уже не замедлил пошутить по поводу того, что я сама не знаю, чего хочу, прижаться или вырваться.

Меня втащили в ближайший дом. Дощатая коричневая дверь, обои в цветочках и в неопрятных подтеках, скрипящий пол. Черный рюкзак с разорванным верхом и спортивная сумка — наши вещи, небрежно сваленные в углу. Диван, об который точили когти все кошки села, если б они у нас водились, и скорчившийся на нем человек, неподвижный, прижимающий колени к животу. Когда мужчина лежит в такой позе, обычно ему мало дела до окружающего мира.

Меня поставили перед квадратным зеркалом в потертой деревянной раме. Гладкая поверхность ловила лунный свет из бокового окна, придавая отображению глубину. Испуганные глаза женщины, нижняя часть лица закрыта смуглой, покрытой крупными черными волосами рукой. Круглое лицо выплыло из темноты и приблизилось к моему затылку.

— Не орать, — произнес Лённик, я закивала, и он убрал ладонь. — Я просто хочу уйти.

— Я никого не держу, — прошептала я, глядя в отражение черных глаз.

— Но что-то же держит, — он отвернулся, черты круглого лица в полумраке показались осунувшимися, излишне резкими. — Мне не дадут уйти. Меня пытаются убить с тех пор, как я открыл глаза. Час назад твой дружок попытался откусить от меня кусочек, видимо, перепутав со своей любимой падалью. Малолетний ветерок вернул кол, будто бы я соскучился. Налетела какая-то бабка в цыганской юбке — ни силы, ни ума, ломкие

человеческие кости, а туда же.

Я закрыла глаза, значит, Алия все еще где-то здесь.

— Но первой была сестренка этого, — баюн посмотрел на скрючившегося мужчину. — Заглянула на огонек примерно через два часа после, того как сынок Константина разобрал девчушку на запчасти. Излишне живая и красивая, как картинка. Нагрянула сразу после того, как вы ушли обсуждать меню падальщика. И, о чудо, она была отнюдь не человеком. Это так воодушевило ее братца, что он тут же решил умереть.

— Жив? — я посмотрела на сына Ависа.

— Увы, да, — он сделала шаг назад, лицо ушло в тень. — А ты? Не хочешь отрезать мне голову? Извальяться в крови? Услышать последний вздох?

— Хочу, — мужчина оскалился, — хочу этого с того момента, как ты пригласил меня на пиво, а потом вывернул мозг наизнанку. — Сказочник снова взглянул в зеркало, на лице отразились пренебрежение и малая толика неверия, — но ты этого не помнишь, не так ли?

— То, как вскрывал черепушку? Сколько вас таких было и еще будет.

— Конечно, но все ли греют постель Седому? И всех ли ты приглашаешь на пиво? Скажи, я пришла? — я отвернулась от зеркала, мир, отразившийся в нем, мне не нравился.

— Потом стало хуже, — словно не слыша вопросов, стал рассказывать Ленник. — С разумом и его желаниями можно бороться, но как противостоять судьбе? На меня упал кирпич из старой кладки. Корень дерева, вылезший на поверхность, когда я тащил этого героя к яме на заднем дворе дома Филата, и свалился туда сам. Человек бы свернул шею. Гвоздь, торчащий из косяка, разминувшийся с глазом в два миллиметра, провалившийся пол, куча мелочей вроде и неопасных, но очень уж надоедливых. Это не наш дом, это что-то другое, и оно хочет меня убить. Против кого воевать? Против случайности?

— Хочешь нанять меня в телохранители?

— Хочу уйти.

— Я тебя не держу, — повторила я.

— Хватит! — он приблизился, рывком прижимая меня к стене, на котором висело зеркало, в спину впила твердая поверхность рамы. — Ты расскажешь мне все, что знаешь, — в глазах зарождалась магическая буря. — И все, что намереваешься узнать, а я решу, стоишь ли ты пива.

Едва выговорив последнее слово, сказочник отпустил меня и прыгнул в сторону, из горла вырвался гортанный рык. Дверь распахнулась, и в комнату вошел Константин. Рука целителя поднялась, пленник на диване зашелся криком.

— Грубо, — прохрипел Ленник, — может, поговорим? Почему со мной никто не хочет разговаривать?

На лице баюна оскал, а в голосе максимум дружелюбия, малоподходящего к случаю и напряжению в теле. Пленник на диване закричал сильнее, направленная на него магия экспериментатора зацепила меня самым краем, но кожу сразу закололо сотней острых иголок.

Не тратя больше времени на слова, сказочник прыгнул на высокую фигуру целителя. Мужчины, утратившие право называться таковыми, сцепились друг с другом и покатались по полу. Стул с вытертым сиденьем хрустнул и отлетел к стене.

Дальше я смотреть не стала, бросилась к двери и выскочила наружу, подстегиваемая грохотом за спиной и очередным криком человека на диване. Если на зайца охотится волк, у серого почти нет шансов выжить, но если сразу два, тогда он появляется. Пока хищники

грызутся, у добычи есть крохотный шанс убежать.

Темная ночь казалась уютнее всех домов Юкова. Баюн дотащил меня до Августовской улицы. Первое, что бросилось в глаза, это треугольный дом ключника. Запертый дом. Каждый раз, когда я смотрела на мертвые постройки, какая-то мысль пыталась пробиться на поверхность, и выскальзывала обратно, как мокрая рыба из рук.

— Хм, — раздался смешок.

Рядом с ближайшим деревом шевельнулась тень.

— Давно не виделись, — сказал Веник.

— Ты следующий в очереди за душой баюна?

— На что мне этот хлам — душа? Вот если б упаковка, — мужчина прислонился к стволу, — но, по сути, ты права.

— Зачем вам его жизнь? — я заглянула в темный, отсвечивающий алым глаз гробокопателя, вторую половину узкого лица перечеркивала черная повязка.

— Не знаю, — он сложил руки на груди, — это похоже на... — он задумался, — приказ хозяина, которому необязательно быть логичным и понятным, необязательно нравиться, но обязательно быть выполненным.

— Будь это приказ Седого, сказочник бы сам с радостью умер.

— Я сказал «похоже», — он прищурился единственным глазом, тело, вмиг утратив расслабленность, напряглось.

Раздался грохот, зазвенело стекло, оконная рама вывалилась наружу. Я подпрыгнула на месте и спряталась за ствол. Стена треснула, когда в нее с той стороны ударилось что-то, обладающее нечеловеческой силой. Доски разошлись в стороны, часть обвалилась, сломавшись, словно стена состояла из картона. В образовавшийся проем выскочила размытая фигура, за ней следом еще одна. Крик человека захлебнулся. Затрещали ветки кустов, рычание стало отдаляться.

Едва ли осознавая, что делаю, я вцепилась пальцами в кору. Веник глухо заворчал вслед беглецам, как старый пес.

— Помоги мне, — торопливо попросила я падальщика, боясь, что он в любой момент сорвется в погоню.

— Чем? Проводить на выход? — он склонил голову, заглядывая мне в лицо. — Не имею склонности повторять бессмысленные действия. Ты же здесь.

— Как и ты.

Падальщик улыбнулся. Трудно представить ситуацию, менее располагающую к веселью этой долгой, все никак не кончавшейся ночью. Он передернул плечами и, внезапно развернувшись вправо, перехватил осколок исцарапанного кола, нацеленного ему в голову.

— Неплохо, — оскалился гробокопатель, — я услышал тебя за десяток метров. Неплохо, но недостаточно. Твой папаша, помнится, один раз подошел на три, прежде чем я понял. Учись, студент.

Мартын выпустил оружие, правая рука парня была густо заляпана кровью.

— Ни мне, ни отцу совсем необязательно подходить, падаль.

Зеленые глаза вспыхнули. По коже прошелся холод, от которого свело зубы. Падальщик не шевельнулся. Магия младшего целителя в очередной раз прошла мимо цели. Я старалась не думать о том, что это может значить. Веник сжал пальцы, и острие сосульки с хрустом разлетелось на кусочки.

— Не надо, пожалуйста, — попросила я, уже зная, что меня не послушают, — Веник,

нет, он ребенок.

Гробокопатель выпустил когти и ударил парня наискось через плечо, метя в горло. Мартын отклонился назад, призывая силу снова и снова.

А Веник дрался просто и эффективно, без всякой магии, не надеясь ни на что, кроме собственного тела. Парень вскрикнул, и этот звук эхом повторили из дома. Подвывая на одной ноте, пленник выскочил из распахнутой двери, раздирая на груди грязную рубашку. Мужчина налетел на перила, запутался в собственных ногах, кувырнулся с крыльца, упал лицом в лебеду и затих. Перелом носа как минимум.

Веник подмял под себя брыкающегося парня. Возможно, тот был измотан игрой в догонялки с ветром, а может, если исключить из уравнения магию, падальщик оказался сильнее. Гробокопатель прижал Мартына к земле, сел сверху, обхватил руками голову и ударил о землю.

— Не надо, — снова просила я, пытаясь ухватить его за руки и хоть чуть-чуть ослабить хватку.

Песок — это не асфальт, не земля, не камень, но и не пуховая перина. Парень пытался вывернуться, выгибался, стараясь скинуть гробокопателя, тряс головой и рычал, получая удар за ударом. Ни меня, ни моих попыток вмешаться они не замечали. Веник подался вперед, сдавливая целителю кадык, вминая его в шею. Мартын забился, ударяя ногами по земле.

— Святые, нет! Веник! — я почти повисла на руке мужчины.

Ближайший сгусток тьмы обрел очертания черного целителя. Константин ухватил Веника за волосы, и его глаза вспыхнули. В отличие от сына магия отца сбоев не давала и действовала на всех, не делая разницы между гостями и проснувшимися на стежке этой ночью.

Веник замотал головой, по сутулому телу прошла судорога, руки разжались. Я тут же развернулась и врезалась в черного целителя, стараясь оттолкнуть его от падальщика.

В эту странную ночь я была на стороне всех, и боролась против каждого. Не понимала их, не понимала себя. Но в одном была уверена совершенно точно, нельзя стоять и смотреть, как они рвут друг друга на куски.

Константин лишь слегка повернул голову, и я перестала чувствовать ноги, в одно мгновение лишившись опоры. Падение было отчаянным и болезненным. Вместо ступней были деревянные обрубки. Из горла вырвался даже не крик, а вой, в который были вложены страх и отчаяние.

Онемение тут же сменилось болью. Покалыванием, возникающим, когда отлежишь за ночь руку или ногу, только усиленное в тысячу раз. И я, всхлипнув, схватилась за икры, стараясь размять, прогнать неподвижность. Кровь по миллиметру болезненной пульсацией возвращалась в конечности. Все что угодно, лучше того чуждого ощущения деревяшек вместо ступней.

Черный целитель отбросил падальщика, как тряпку. Ноги и руки мужчины подергивались, словно он внезапно разучился ими управлять, единственный глаз бешено вращался в глазнице, голова моталась.

— Встать, — скомандовал Константин, глядя на сына. — Встать, я сказал.

Ноги не слушались, я перевернулась на бок и поползла к Венику неловко, медленно, упираясь едва вернувшимися подвижность конечностями.

— Убей их, — скомандовал отец парню.

— Нет.

— Не разочаровывай меня еще больше. Пасть перед низшим, куда уж хуже, — черный целитель скривился, — убей.

Я уцепилась за одежду гробокопателя, подтянулась и обхватила ладонями лицо, всматриваясь в искаженные судорогой черты.

— Я сам в состоянии решить, что и когда мне делать, — Мартын встал.

— Неужели, — мужчина качнулся с носок на пятки. — Вынужден развеять твои заблуждения.

Глаза Константина загорелись, отразившись в точно таких же. Мартын согнулся и, стиснув зубы, зашипел от боли. Сегодня сила целителя напоминала улицу с односторонним движением. И в сторону черного целителя на ее дороге висел кирпич. Но она прекрасно проходила по младшему. Мартын не мог нападать, не мог лечить свое тело.

Глаз падальщика сфокусировался на моем лице, руки напряглись, сквозь губы пробился тихий свист. Я нагнулась, стараясь разобрать невнятные звуки... и удар брошенного из тьмы мутного стеклянного кола пришелся тупым концом. Больно, но не смертельно. Кожа на лбу лопнула, потекла кровь. Я упала Венику на грудь.

Из тьмы на освещенную луной улицу вышел мальчишка — ветер. Он согнулся, сгорбился, припал на руки, будто крыса с неподвижным лицом. Одна рука — лапа приподнялась и стремительно вонзилась в песок по локоть. А когда с усилием вынырнула, в кулаке был зажат очередной исцарапанный стеклянный кол.

Мартын отступал шаг за шагом, его отец наступал. Напряжение сгущалось, от магии потрескивали кончики волос.

Я почувствовала прикосновение горячих губ ко лбу, шершавый язык прошелся по коже. Гробокопатель слизывал кровь из раны, но в первый раз мне было на это наплевать.

Рукоять пистолета все еще торчала из кармана. Каким-то чудом оно не отстрелило мне ногу и не потерялось. Я вытащила тяжелое оружие, затвор показался тугим с непривычки. Взвод винтовки на кажущихся такими далекими стрельбах ГТО тоже не сразу поддавался. Впрочем, на разряд я тогда не сдала, наверное, оттого, что каждый раз зажмуривалась, когда нажимала на курок.

Когда я подняла оружие, мальчишка — охотник уже стоял прямо передо мной. Времени на раздумья и сомнения, не было. Либо ты, либо тебя. Промаяхнуться с такого расстояния не смог бы и слепой. Я нажала на курок. От звука выстрела заложило уши, а голова наполнилась звоном. Оружие дернулось в пальцах, как живое. От первой пули из груди охотника выплеснулась кровь. Под второй исчез неподвижный глаз, а после третьей из щеки посыпался песок. Ветер упал.

Сколько раз нам убивать этого ребенка?

Я чуть повернула дуло и поймала на прицел черного целителя.

— Ольга, нет! — закричал Мартын вопреки всякой логике.

Да, это была странная ночь, мы желали смерти врагам, но не могли ее допустить.

Я нажала на спуск. Константин наклонил голову. Боек сухо щелкнул. Обойма закончилась.

— Не ты должна это сделать, — черный целитель поднял руку, прицелился и выстрелил из пальца. — Не по девке шапка.

Я полезла в задний карман за запасной обоймой, уже зная, что не успею. Перед ним не солдат, не милиционер, не инструктор по стрельбе, пока перезаряжу, целитель три раза

запахнет мне оружие в глотку.

Но Константин удивил, он посмотрел на сына, усмехнулся и просто ушел в темноту. Растворяясь в ее сгустках точно так же, как минутой ранее появился. Тело Ветра осыпалось сухим речным песком.

Рука с оружием безвольно упала, я вытерла кровь со лба, Веник недовольно заворчал, откинулся на песок и прикрыл глаза, судороги непослушного тела почти улеглись, оставив после себя лишь редкую дрожь.

Мартын сел на песок, откинул голову назад и закричал в посветлевшее на востоке небо. Устало, отчаянно и горько.

— Чего вы хотите от нас? Чего? — парень закрыл глаза.

Обойма не сразу встала на место, постукивая о рукоять, у меня от напряжения тряслись руки. Я убрала заряженный пистолет обратно в карман и пошевелила ступнями. Острая боль прострелила их до коленей, вызвав место крика улыбку. Какое это счастье — чувствовать.

— Как можно разрушить иллюзию, которая не внутри тебя, а снаружи?

— Хочешь уйти? — парень посмотрел на меня и закашлялся, в горле что-то клокотало с неприятным тошнотворным звуком.

— Хочу сломать тут все, — я подобрала под себя непослушные ноги.

— Тогда тебе нужна истина, — произнес он.

— Что?

— Ну, так говорил преподаватель психарей, разрушить иллюзию можно правдой, и неважно, внутри головы твой мираж или снаружи, — он поморщился и плюнул на песок кровью. — У любой иллюзии есть структура, и если подпилить опорную балку...

— Балка — это правда?

— Балка — это ложь. Основа. А пила — это истина.

— Значит, истина? Какая? Чья? Что этот куст на самом деле груда песка, принявшая форму? — я щелкнула пальцем по качнувшемуся листку. — Хотя на самом деле мне на это плевать.

Стоило закончить фразу, как продолговатые листья пожелтели и осыпались. Мартын натужно рассмеялся и закашлялся, разбрызгивая кровь из горла.

— Мне плевать на все здесь! Слышите! — выкрикнула приподнявшись я, — На тот дом и на этот — на все!

Но безмолвные постройки, покрытые желтоватым налетом песка, остались стоять.

— А это вранье, — парень хмыкнул. — Истина переменчива, как погода весной, уж это преподаватели вдолбили в меня за столько лет. Правда в том, что для тебя Константин — убийца, для меня отец и...

— Убийца, — добавила я.

Встав на ноги, я сразу перетащила Веника под дерево и аккуратно прислонила спиной к стволу. Мужчина так и не открыл глаз, безвольный и тяжелый настолько, что у меня дрожали от напряжения руки. Целитель перевернул пленника и всмотрелся в залитое кровью лицо светло — зелеными глазами.

Я смотрела на склонившегося к сыну травителя Мартына и понимала, что готова к любому исходу. Остановит ли экспериментатор сердце, вытянув жизненную силу, или наоборот, вылечит человека, влив свою, — все едино. И даже осознание собственного равнодушия не вызывало ни неприятия, ни волнения.

— Эта иллюзия не из моей головы, — тихо проговорила я, но парень, конечно же, услышал и поднял голову, в мутной серости утра его глаза казались драгоценными камнями, изумрудами. — Те пять домов, я не помню их жителей, но точно знаю, что на крыше крайнего справа стоял ржавый флюгер, а на окнах среднего канареечно-желтые ставни, силосную яму перед одним, старым, дощатым и больше похожим на сарай с грязными стеклами. Я помню, что они неодинаковые.

— И не из моей, — парень встал, ухватил сына травителя за руку и бесцеремонно поволок по земле.

— Запертые дома... автор этого никогда в них не был, он не знает, какие они внутри, не может их открыть. Я была вон в том, — я указала вперед, — треугольном, но он заперт. Тот, из чьей головы достали макет нашего Юкова, был только в тех, что открыты: мой, твой, баюна, Пашкин, старика... хотя в нем все успели побывать.

— Кроме меня, — Мартын подтянул бесчувственного мужчину и бросил у ног падальщика. — Я уехал из Юкова десять лет назад, оно было совсем другим. По малолетству меня в святая святых, — он хихикнул, — не водили, не дорос.

— И еще мертвецы, — я поежилась. — Кто еще знает, что умер мальчишка ветер?

— Ты, я, Пашка, Авис и дюжина ребят Простого, — парень задумался и в свою очередь, спросил, — а то, что умерла Алиа?

— Ты, я, Пашка, Авис, Мусса, — я закрыла глаза и увидела ответ на наши вопросы так ярко, словно он давно горел в подсознании, — Старик Сергей с Заячьего холма. Его смерть видели трое. Я, Веник и Пашка.

— Стоит убрать все лишнее, и остается истина. Мы ведь оба знаем, чья это память, — вздохнул Март.

— Ничего подобного, — даже для меня была очевидна прозвучавшая в словах ложь.

— Знаем, с того момента, как распознали в окружающем мире подделку. Много ли нас с Юкова уцелело?

— Трое, — резко ответила я.

— Давай, скажи уже это, — попросил парень, — если это не я и не ты, то кто?

— Пашка. Против нас играет явдидь.

— Не играет. Только ее память. Макет этого, — он обвел руками улицу и полуразрушенный дом, — вытащили из ее головы. Больше просто неоткуда.

Я вспомнила наш разговор о падальщике и обо мне. Его отношение ко мне опять было отраженным, пропущенным через чужое восприятие.

— Она бы не стала, — прошептала я.

— Значит, ее заставили. Авис сдал ее восточникам, больше некому, — прорычал Мартын, — а нас — своим обожаемым деткам, очень уж быстро они нас нашли, — парень вытер рот рукавом. — Все здесь — ловушка, каждый дом, каждый человек, даже он, — целитель через плечо посмотрел на падальщика, — приманка в мышеловке. Симпатичный сосед — заложник для тебя, отец — для меня.

— А Лённик? Ветер? — я встала рядом с парнем, — старый сваар? Алиа? — голос дрогнул.

— Ветер — мой. Враг в победу, над которым я до сих пор не верю. Ленник? Не знаю. Остальные? А кому один их вид причинял боль?

— Мне, — сделала я правильный вывод.

И что-то произошло. Больше всего это походило на «мигание». Мир, будто бывший

оком кого-то из Великих Ушедших, высших или низших, мигнул, на один удар сердца став непроницаемым. Не ночная темнота, разбавленная светом луны и звезд, сквозь которую проступают силуэты домов, а плотная мгла, словно на всех нас накинули плотную черную ткань. Все произошло так быстро, что я даже испугаться не успела.

— Что это?

— Перезагрузка, — пробормотал парень, не отрывая глаз от дома, из которого выбежал пленник, а еще раньше баюн с черным целителем, разнесшие полстены.

Дыра исчезла, доски срослись, а выбитое окно встало на место, даже куст лебеды, недавно упавший песком, тихо зашелестел листьями.

— Вот так они воскресают, — оскалил зубы парень, — встают из песка, сколько их ни рань и ни убивай. Все возвращается к началу, иллюзия циклична, и через равные промежутки обновляется. Пожалели сил на «живую», сделали петлю, — молодой целитель рассмеялся.

— Обновляется? Что значит, сколько ни рань?

Я медленно повернулась к дереву, где оставила Веника, к его пустому стволу. Сосед исчез.

— Он тоже часть этого, — парень положил руку на плечо.

— То есть это что-то вроде записи, которую нам проигрывают? — я дернулась, уклоняясь от его прикосновения.

— Что-то вроде, — он это заметил и отступил, — но намного сложнее. И у этой записи есть начало и конец, есть основа, «опорная балка». Там, где эту петлю можно разрушить.

— Где?

— Для нас иллюзия началась там, — он указал рукой в обратном направлении, — А для них? — он повернулся и посмотрел на уходящую в предрассветные сумерки дорогу к озеру.

Песчаная стежка молчала. Ее обитатели исчезли. Все замерло в ожидании.

— Предлагаю найти автора и без всякого изящества перегрызть ему горло. Ты со мной?

— Еще бы.

Если я чему и научилась у нечисти, так это идти до конца.

Мартын не оглядывался. Пленник, шатаясь, ковылял чуть впереди, похожий на собранную неумелым мастером куклу, у которой не хватает шарниров. Его ноги то и дело подгибались, он падал, получая пинок от парня, вставал и шел дальше. И так до бесконечности.

Когда мы вышли к озеру, к невидимой преграде, звезды уже поблекли. Здесь кончалась иллюзия, здесь же она и начиналась, там, куда нас не пускала эластичная пелена. Но в этот раз мы не собирались отступить. Стоящие за песками это знали. Нас уже ждали.

Все, кого мы видели на стежке, стояли там, собранные невидимой рукой, живые, здоровые и обновленные. И только один из них смотрел на нас с надеждой. Баюн зарычал, дернулся, но Ветер и Веник держали крепко.

Что это? Очередной выверт иллюзии или специально разыгранный спектакль?

Константин шевельнул пальцами, и в воздух взлетели фонтаны песка, бросив в лицо мелкое крошево. От неожиданности я пискнула, отступая назад. Пыль осела на десятке матовых кольев в человеческий рост, выросших из песка за секунду. Крепкий, смертельно опасный лес сталагмитов. Сказочник оказался насажен сразу на три кола. Хрип оборвался. Тело Баюна осыпалось, добавив толику песка к уже имеющемуся.

Обитатели песочного Юкова выполнили приказ своего иллюзорного хозяина.

Колья дрогнули и превратились в пыль. Исчезли, вызывая желание протереть глаза. Вся наша тили-мили-тряндя вызывает такое желание.

Мы стояли разделенные невидимой границей. Мы здесь, они там. Озеро за спинами живых мертвецов мерцало неправдоподобно синей каплей, по которой то и дело пробегала мелкая рябь.

Веник, Константин, мальчишка-охотник, старый свар, Алия, незнакомая женщина со стервозным лицом и девушка с длинными каштановыми волосами.

Мартын подтолкнул пленника вперед, и тот, всхрапнув, как лошадь, в очередной раз повалился на дорогу. Мужчина не хотел ничего: ни идти, ни умирать, ни жить. Больше парень не стал его поднимать. Зато девушка с густыми волосами проявила больше участия. Она по-звериному принялась и стала осторожно приближаться. Так лиса кружит возле раненого хорька вроде и добыча, но такая, что в любой момент может тяпнуть. Сын травителя разлепил черные, присыпанные песком глаза, облизал пересохшие губы и прошептал:

— Маша.

Девушка повела носом, изогнулась, опускаясь рядом с братом, и ласково положила руку ему на щеку. Мужчина едва слышно выдохнул. На загорелой коже девушки стали расцветать неровные красные пятна. Они дошли до тыльной стороны ладони, и по пальцам спустились на кожу пленника. Как сказал баюн, она больше не была человеком. Сын травителя застонал, но не отстранился. Кожа мужчины расцвела красными раздувающимися волдырями. Один из когтей девушки вспорол кожу на скуле брата. Она зажмурилась и облизала палец, вкус родной крови ей нравился.

— Победен иллюзией, — сказал Мартын.

— Сын, — позвал черный целитель.

Но парень не отреагировал, он даже не смотрел на отца. Потому что один из его собственных миражей уже шел навстречу. Высокая стройная женщина. И это словно послужило сигналом, все пришло в движение. Алия приподняла край цветастой юбки, старик ухмыльнулся деснами, Ветер припал на руки к песку, в глубине которого было еще множество кольев.

Песок и огонь — два ингредиента, так любимые летними, соедини их и на выходе получишь стекло. Мутное, туманное, непрозрачное, самое низкопробное. Но острое.

Красивая надменная женщина уже сжимала холеными тонкими пальцами лицо Мартына. Парень пожирал глазами каждую черточку ее лица.

— Рад тебя видеть, сын, — у Константина было отличное настроение. — Я матери сразу предложил его, — кивок на мальчишку ветра, — усыновить. Хорошо, ты должен это признать. Но она уперлась.

Парень не слышал, для него не существовало ничего, кроме тонкого капризного лица напротив. Я никогда не видела эту женщину и доподлинно знала только одно: мать сына черного целителя умерла, когда тот был еще ребенком, задолго до моего появления в Юково. И если ходили насчет ее какие-то слухи, то человека они обходили стороной.

Сейчас этот мираж мог делать с молодым целителем все что угодно. Мог поцеловать или выколоть глаза, парень с радостью примет и то, и другое.

Лицо пленника, распластанного по земле, болезненно кривилось, один из волдырей над бровью лопнул, заливая глаз желтоватым гноем. Сидящая рядом девушка улыбнулась.

Чужие холодные пальцы коснулись моих, я вскрикнула. Рядом стояла Алия, смотря на мир глазами, сделанными из черного песка. Не было сказано ни слова. Я рванулась в сторону и оказалась лицом к лицу со стариком. Морщины расписали его кожу диковинными узорами, шрамами гор, впадинами рек, следами, оставленными временем. Сергей ощерился голыми деснами, похожими на куски сырого мяса, смерть не пошла ему на пользу. Алия схватила меня за руку и резко завела ее за спину, одновременно запуская пальцы в волосы, сжимая их и задирая голову кверху. Сваар поднял ладонь, желтые сложащиеся когти замерли напротив моей шеи.

— Что скажешь, сын? — услышала я насмешливый голос экспериментатора. — Нравится новый брат?

Сваар ударил. Я отчаянно дернулась. А из песка, повинаясь призыву Константина, снова выскочили стеклянные острия.

Очень близко. Одна сосулька, выскочившая рядом со стариком задела локоть, сбивая и лишая силы удар. Вместо горла, когти прошли по переносице, чиркнули под глазом, рассекая кожу.

Вскрикнул Мартын, одна из стекляшек вспорола его икру.

И, как и прежде, выросшие из песка сталагмиты рассыпались сухой пылью. Я изогнулась и резко присела, сбрасывая руки Алии. Из глаз брызнули слезы боли, клочок волос остался в кулаке у мертвой женщины.

— Мама, — позвал Мартын.

Одно слово, от которого мурашки прошли по коже частым гребнем.

— Мама.

Парень смотрел на женщину, не обращая внимания на то, что когти погружаются в его лицо, разрывая светлую кожу. Он смотрел и смотрел, с такой жадной, с такой жадностью.

Ветер сунул руку в песок и достал очередную острую стекляшку. Черный целитель хлопнул его по плечу. Такой свойский отцовский жест, когда тот наливает подростку сыну первую кружку пива. Сосулька перекочевала из узких ладоней в широкие.

На животе сына травителя расплывалось кровавое пятно, присыпанное песком от рассыпавшегося кола, который секундой ранее пророс прямо сквозь тело. Кожа на лице и руках покрылась красными волдырями, кое-где уже прорвавшимися, под пальцами поглаживающей его щеки сестры, выступил зеленоватый гной.

Все это я фиксировала краем глаза, все это происходило где-то там. Меня подхватили под руки, подняли с земли и крепко обняли. Прижали спиной к знакомому телу.

— Привет, — выдохнул Веник в ухо.

Против его рук я не возражала, хотя знала: иногда лаской можно убить вернее чем сталью. Алия и Свар, словно куклы, повернули головы в нашу сторону, но остались на месте, я ведь была в плену одного из них.

— Это я, мама, — улыбаясь, проговорил Мартын, кровь текла по его шее, впитываясь в темную ткань футболки, — это я рассказал все отцу, — Константин приставил кол, переданный ветром к основанию шеи сына, — хотел, чтобы тебе было больно. Хотел! — закричал он в надменное лицо. — Радовался, что он тебя убил. Так радовался... И лишь потом понял, чего лишился, — его голос дрогнул. — Прости.

Тонкие пальцы, погруженные в его лицо, рассыпались пылью. Женщина, у которой он попросил прощения, исчезла. Правда убивала иллюзию. Истина перерубила опорную балку магической конструкции.

Объятия падальщика стали сильнее, он склонил голову, прижимаясь теплой щекой к шее, и вдохнул запах моей кожи.

Константин ударил по стеклянной сосульке, но его сын был быстр. Матери он мог позволить все, отца же ждал бой. Парень извернулся, уклоняясь от колющего удара, на развороте выбивая оружие из рук черного целителя. Острие лишь вспороло кожу.

Тихий рык, зарождаясь в горле парня, толчками выходил наружу. Оскаленная пасть сына против оскаленной пасти отца, хищный изгиб тел.

Ветер вытащил новую стекляшку. Показавшееся над горизонтом солнце пробежалось по сосульке чередой тусклых бликов. Но я знала, на меня он ее не направит. Один раз он уже ушел, не причинив вреда распластанному на земле человеку, точно так же, как ушел Константин после того, как у меня закончились патроны. А ведь нечисть никогда не отступает, никогда не упускает момент, не бросает почти загнанную добычу. Но эти ушли. Потому что «не по девке шапка», потому что их создали не для меня, их сделали для Мартына. Ему и драться.

Вторая сосулька заблестела в руках у Сергия. Я не видела, как он ее достал. Но этот мертвец был мой.

Веник прошелся губами по коже шеи, продолжая крепко сжимать меня в объятиях. Так крепко, что не пошевелиться, не убежать. Только говорить. Вытащить из себя правду и облечь в слова. Это трудно и в то же время легко. Истина всегда на поверхности, стоит начать говорить и остановиться уже сложно.

— Я не хотела умирать рядом с тобой. И сейчас не хочу. Твоя жизнь не стоит моей. Я благодарна тем, кто вытащил меня с того склона, а тебя оставил гархам.

Но иногда от правды больно. Старик осел рядом бесформенной кучей.

Из земли снова выскочили колья, превратив дорогу в дно волчьей ямы. Одна из прозрачных сосулек выросла в сантиметре от большого пальца ноги, заставив меня инстинктивно поджать его внутри обуви.

Мартын бросился на отца, и они покатались по земле, с сухим треском ломая колья у самого основания. Ветер кружил вокруг них охотничьим псом.

Алия наклонилась, но вместо выпавшего из руки сваара орудия женская ладонь зачерпнула пригоршню желтого песка и бросив мне на лицо, больно растерла. Крупинки сдирали кожу с губ, попадая в нос, рот глаза. Я замычала, отплевываясь и мотая головой.

— Ну, тихо-тихо, — попенял, как капризному ребенку, Веник.

Алия замахнулась и ударила раскрытой ладонью. Обычная женская пощечина. Кожу обожгло. Падальщик прижал меня к себе чуть сильнее, его руки по-прежнему прижимали мои к телу. Я кожей чувствовала изгиб его губ, гробокопатель улыбался. Женщина замахнулась снова. Колья рассыпались.

Я запрокинула голову назад, стараясь ударить Веника по лицу затылком. Скорее жест отчаяния, чем реальная попытка освободиться. Никуда толком не попала, но заставила его сделать шаг назад и ладонь Алии зачерпнула пустоту.

Победно зарывчав, Константин отбросил сына в сторону.

— Я сбежал, потому что знал, что стану следующим, — выкрикнул Мартын, вытирая кровь из угла рта и неловко поднимаясь на ноги.

Ветер тут же воспользовался заминкой и прыгнул парню на спину. Вернее, попытался. Но только парень не стоял на месте. Он смазанным для человеческого глаза кувыркком ушел вбок и сделал подсечку, что не очень-то впечатлило ветра, но заставило стать осторожнее.

— Плохая жена, плохой сын. Пора стереть историю браузера, чтобы не было стыдно перед соседями, — парень склонил голову.

Алия стянула с головы темно-синий шарф и накинула мне на шею. Гробокопатель отстранился, позволяя вместо его теплой кожи ощутить гладкую ткань, усыпанную крошками песка. Смуглые ладони взялись за перекрещенные под подбородком концы.

Снова поднялись и рассыпались колья из мутного стекла. Мартын схватился за бедро, призывая магию. Песок впитал алые капли.

— Тебе не нужен такой сын, — сквозь зубы проговорил парень.

Константин невозмутимо пожал плечами, правда парня никак не хотела быть услышанной. Или таковой не являлась.

— Я не виновата в твоей смерти, — просто сказала я женщине, потому что другой истины между нами не было.

Алия замерла статуей, и, прежде чем разлететься на миллиарды песчинок, ее одежда и кожа пошла рябью, став рыхлой, став тем, из чего ее сделали. Шарф стек по моей шее сухим ручейком, крупинки песка попали за шиворот, забрались под белье, вызывая нестерпимое желание почесаться. А еще лучше помыться, учитывая, чем они были минуту назад.

— Наконец-то мы одни, — рассмеялся позади Веник.

Мутные колья снова взметнулись по обе стороны от нас. Острие справа, выскакивая, задело подошву и вспорол край штанины. Одна из сосулк в очередной раз проткнула сына травителя, мужчина остался недвижим и равнодушен. Девушка, сидевшая подле него, задумчиво макала пальцы в кровь и рисовала на руке хаотичные узоры.

Мартын успел отскочить, оказавшись на равном расстоянии и от Константина, и от ветра.

— Ты был прав, — прорычал парень, глядя на отца. — Ты это хотел услышать? Она должна была умереть. Я бы поступил так же. Ты прав! Ты всегда прав!

Черный целитель выпрямился и, прежде чем исчезнуть в желтом вихре, рассмеялся, вернее, издал короткий отрывистый смешок.

Не успел парень выдохнуть, как его повалил охотник.

— Для меня у тебя тоже есть слова заветные? — спросил шепотом Веник.

— Отпусти, — попросила я.

— Ты сама этого не хочешь.

— Точно, — согласилась я, откидывая голову прижимаясь к его шее. — Но с каких это пор ты делаешь то, что хочу я? — вместо ответа Веник зарылся лицом в мои волосы. — Снова иллюзия, и снова ты со мной. Так уж мне везет по жизни, я оказываюсь в твоих руках только в видениях.

— Но это тебе нравится, — прошептал он.

Мартын с утробным рыком отбросил от себя охотника. Футболка на спине парня превратилась в лохмотья, как и кожа.

Разительный контраст. Там льется кровь, идет бой, а здесь не менее жестокая ласка. И лишь победительница с каштановыми волосами разрисовывала кожу и одежду поверженного кровавыми завитушками, тихо напевая при этом незнакомую мелодию. Ей не было дела до меня или молодого целителя, для каждого из пришедших в иллюзию нарисовали своего врага, а нам невидимые мишени на спинах.

Мальчишка-ветер прижал Мартына к земле, на его худых и жилистых руках вздувались мышцы. Он склонился над парнем, оскалился и вдруг вцепился молодому целителю в грудь,

вырывая зубами кусок плоти вместе с темной тканью.

Мартын закричал, забился, прижатый к земле тем, кого создавали для охоты на нечисть. Узкая рука со сбитыми костяшками зарылась в песок над плечом парня, чтобы вернуться с тускло поблескивающим коротким кольшком. Замах и кровь выплеснулась фонтаном, когда сосулька вошла в горло Мартына. Мутное стекло, соприкоснувшись с его кровью и вспыхнувшими магией глазами, рассыпалось.

Целитель проигрывал и знал это. Кадык на срастающейся на глазах шее заходил ходуном, булькающие хрипы сменились словами.

— Я боюсь тебя.

Фраза, рвущая его на части почище зубов охотника, прозвучала.

Нечисть не признается в своих страхах. Никогда, потому что она сама их создает. Она и есть страх. Мои соседи могут позволить себе беспокойство, чуть-чуть опасения вкупе с разумной осторожностью, но не страх. Не ту приправу, под которой подают добычу к столу. А уж признаться в этом вслух, сказать, глядя в глаза врагу... Я начинала уважать этого мальчишку.

Охотник задрал неподвижное лицо к небу, словно собираясь завывать, и исчез. Парень не шевелился, лишь смотрел в светлеющее небо и часто дышал.

— Нравится, — подтвердила я, понимая, что оттягивать неизбежное глупо, — и гораздо больше, чем тебе. Правда в том, что я хочу тебя сильнее, чем ты меня. Поэтому мне так хорошо в иллюзии, даже в этой. Но я никогда не посмею признаться, а если посмею, мы оба умрем.

Прежде чем стать грязным песком, он наклонился, и его губы еще раз прошлись по моей шее, заставляя почти пожалеть о том, что раскрыла рот.

Последняя живая иллюзия рассыпалась.

И песок встал. Взвился хлещущим по лицу и не дающим сделать вдох ветром. Настоящим ветром. Закружились пылевые смерчи, в которых исчезло все: дома, деревья, озеро, дорога. Песок был везде, со всех сторон, извиваясь и лишая чувства направления, стирая разницу между верхом и низом.

Я упала на колени в поисках опоры и заслонила рукой нос и рот. Песчинки скрипели на зубах, грязью оседаая на языке.

— Считайте, что пропуск в Желтую цитадель вы получили. Смотрите, не пожалейте.

Голос раздавался со всех сторон, из ниоткуда, словно с нами говорила пыльная буря. Но стоило ему затихнуть, как все остановилось. Песок на миг завис в воздухе, словно на кадре кинофильма, и упал, открывая перед нами желтую дорогу.

— Взять их, — скомандовал все тот же равнодушный всеобъемлющий голос. Голос, способный проникать сквозь преграды и проникать в сердца. Голос Вестника Хозяина Востока. Прав Мартын. Ближний круг. Ближе некуда.

Вода начала капать на вторую ночь. Сперва, медленно и даже как-то неохотно.

Плинка-плинка.

Долгий растянутый миг тишины, и снова это мягонькое плинка-плинка.

Капающая вода — неотъемлемый штрих любой уважающей себя темницы. Светло-желтые песчаные стены, камера два на три метра, ни окон, ни дверей, лишь камень и тусклый круг света керосиновой лампы.

Если внутренние часы не вращали, ее меняли на новую где-то раз в сутки. Именно тогда на монолитной с виду стене появлялась дверь. Ее контур проступал на песчанике жирными штрихами угольного карандаша, как рисунок на шершавой бумаге. Несмазанные петли скрипели сухим песком. В камеру ступал высокий широкоплечий мужчина с нереально синими глазами, скорее молодой, чем старый. Он ставил на пол миску, обычно с кашей, пластиковую бутылку с водой, менял прогоревшую керосинку и уходил.

Видят святые, я пыталась быть дружелюбной, пыталась плакать, уговаривать и угрожать, особенно в самый первый раз, когда была уверена, что замурована в каменном мешке навсегда. Тогда я еще не знала, насколько это бесполезно. Пройдет еще неделя, прежде чем со мной заговорят.

Плинка-плинка.

На третью перемену блюд и ламп это ударяющее по вискам «плинка» вызывало нервный тик, от желания завернуть протекающий кран чесались руки. Я понимала, что на самом деле злюсь не на то и не на тех. Но злость была предпочтительнее страха и бессилия. Да, мы попали в Желтую цитадель, но радоваться достигнутой цели не получалось.

Плинка-плинка.

К исходу четвертой ночи, а может, и не ночи, звук капающей воды стал быстрее, интервалы между каплями меньше, а сам перестук привычнее.

Несколько раз я пыталась вызвать столик Нинеи, не задумываясь, как буду объяснять тюремщику присутствие в камере столь экзотической детали интерьера. Но стало только хуже: если в песчаной иллюзии я еще ощущала зуд в ладонях, пусть и бесполезный, но здесь не было даже этого. Что-то не пускало следующую вещь ко мне.

А может, артефакт решил найти себе более достойную хозяйку? Три раза «ха-ха». Если вещь выбрала себе хозяйина, это навсегда. Пока не умру, она моя. Правда, думаю, ждать осталось не так уж и долго.

Плинка-плинка.

Кровати в обычном понимании в камере не было. Если не считать за таковую длинный, во всю камеру ящик с песком, высотой мне по бедро. Я долго рассматривала странную противопожарную конструкцию, а потом улеглась сверху. Всяко лучше, чем на полу. Камера была сухой и теплой, после бессонной ночи в иллюзии я отключилась на несколько часов и пропустила первый приход тюремщика.

Плинка-плинка.

На пятый день я обшарила всю камеру, но источника воды не нашла. Звук сделался еще отчетливей.

Плинка-плинка-плинка — плинка.

А шестой ночью рухнула стена. Во всяком случае, я думала, что была ночь и легла спать. Та самая стена, вдоль которой стоял ящик. Меня бы завалило песком, но за миг до обвала я открыла глаза, потому как быстрое, но еще раздельное «плинк-плинк» слилось в сплошное бесконечное «ппплиииинннккк». Теплый плещущийся звук вытолкнул из бурного сна, где я бродила по комнатам без окон, без дверей и звала то Веника, то Пашку, а один раз даже Кирилла. Настойчивый звук ворвался в сон и развеял его самым прозаическим образом. Очень захотелось увидеть ведро, стоящее в углу камеры, и, возможно, что-то добавить к его содержимому. Это спало мне жизнь.

Когда тонна песка обрушилась на кровать, я уже вставала, а потому успела отскочить к противоположной стене, к той, где раз в сутки появлялась дверь. Ящик с песком погребло в долю секунды, желтая взвесь поднялась в воздух, окрашивая все в цвет пыли. Совру, если скажу, что было не страшно. Я прижалась спиной к светлому камню и смотрела, как течет песок, заполняя камеру. словно меня заперли не в темнице, а в песочных часах.

Теперь я понимала, чем отличаются пески Простого от их подделки. Это как сравнивать поселковый пруд с океаном, утонуть можно и в том, и в другом, но какая разница в масштабе, в мощи, в силе.

Как появилась дверь, я не видела. Меня без слов схватили за шиворот и выдернули из полусасыпанного каменного мешка. И переселили в другой, ничем от предыдущего не отличающегося. Все, что я увидела во время переезда, это часть закругляющегося коридора, стены из песчаника и железные крюки, вбитые в камень на уровне глаз, на которых висели керосинки. Свет был неровный, дрожащий и какой-то тусклый, из людей — двоих мужчин, синеглазого тюремщика и незнакомца, высокого и массивного. На меня второй не посмотрел ни разу. Он запомнился частями: грубоватые черты лица, короткая аккуратная борода, ежик волос, светлая кожа и часы на вычурном блестящем браслете.

Прежде чем дверь новой камеры исчезла из интерьера, я успела услышать, как один из мужчин сказал другому:

— Перекрытия двух этажей рухнули.

И снова осталась одна.

«Плинка-плинка», — приветливо отозвалась вода из-за стены.

В этой камере я провела две перемены ламп, и история повторилась. Журчание воды и поток песка. После этого был еще третий каменный мешок, который постигла та же судьба. Меня не обвиняли, не кричали, не ругали — со мной вообще не разговаривали. Потом, судя по всему, камеры закончились или оказались заняты постояльцами, но привычный распорядок изменился.

Меня перевели этажом выше, где комнаты были не в пример лучше. Там стояла кровать и даже с бельем, пусть несвежим и серого цвета. Стул, низкий столик с кувшином и тазом, где я с наслаждением умылась. Окон дизайном предусмотрено не было.

«Плинка-плинка», — веселились капли.

Комната не пережила и первой ночевки. Увы. Спальню, где наверняка спали тюремщики, сменила каморка для прислуги.

Плинка-плинка.

Эта не продержалась и нескольких часов.

Терпение кого бы то ни было закончилось. Пришел целитель. Он не представился, но человек, задумчиво рассматривающий содержимое ночного горшка, о да, оцинкованные ведра остались этажом ниже, не мог быть никем иным. Из руки выкачали пробирку крови. К

слову, в процессе меня держали двое, а я верещала, как недорезанный поросенок, не от страха или боли, а больше назло. Целитель Простого ухмылялся, хотя мог одним движением руки превратить меня в послушную овечку, но предпочел этого не делать.

— Отпустите! Хватит! Да что вам надо, скажите же, наконец! Пошли вы все! Аааа!

Чтобы я ни говорила, чем ни грозила, чтобы ни обещала все было бесполезно. Они словно не видели меня. И не слышали. Равнодушие иногда пугает больше назначенной к сроку казни. Даже в Юково со мной никогда не обращались, как вещь, сразу повысив в статусе до главного блюда.

С домашними животными обращаются лучше: на них смотрят, даже если потом награждают пинками. А эти меня не видели, не слышали. Я была неодушевленным предметом, возможно, люстрой, чтобы включить, достаточно нажать кнопку на стене, и совсем необязательно задирать голову к потолку.

Кстати о люстрах, их здесь не было ни одной, как и других электрических приборов, как и самого электричества.

Плинка-пليнка.

Два раза меня раздевали догола и осматривали. Холодными равнодушными пальцами дотрагиваясь до кожи, заставляя предполагать худшее, а потом давиться слезами унижения в край грязной подушки. Но вещь не вызывала у них сексуального желания. Я снова звала артефакт, представляя, как втыкаю жало в одного из охранников, а он снова не откликнулся.

Плинка-плинка.

К концу недели я получила комнату с окном. Со скучным видом на степь и чахлый кустарник. Но как же великолепен был этот монотонный, лишенный красок пейзаж. Я смотрела на него и ждала. Может, очередного «плинка-плинка», а может, целителя с ножом, и в этот раз прядью волос и куском ногтя дело не ограничится.

Тюремщики были обеспокоены, что чувствовалось в их жестах и голосах. Происходящее в Желтой цитадели мало походило на плановый ремонт со сносом стен и перепланировкой.

Через восемь дней именно в этой комнате, украшенной следящими камнями — артефактами, со мной впервые заговорили. За стеклом завывал холодный ветер наступившей осени. Все лето по внутреннему кругу я провела взаперти.

Я стояла у окна и не могла оторвать взгляда от скудной природы. Ветер пригибал к холодной земле невысокий ломкий кустарник. Вошедший минуту назад мужчина небрежно развалился в одном из двух кресел. Мне уже доводилось мельком его видеть. Аккуратная бородка, полные губы, черные глаза и серьга в правом ухе в виде кольца на пиратский манер. Возраст, скорее, к пятидесяти, чем к сорока.

— Хочешь жить? — спросил он после раздумья.

По коже от его голоса побежали мурашки и, забравшись куда-то за шиворот, замерли, неприятно холодя спину. Я уже слышала этот голос и вряд ли когда забуду. Голос Вестника Простого и его воля. Шутки закончились.

— Да, — без колебаний ответила я, — Что для этого требуется?

— Если бы я знал, ты бы уже делала. С улыбкой и благодарностью, — он шевельнулся, усаживаясь поудобнее. — Кто-то или что-то разрушает Желтую цитадель. Мы знаем, что это не ты.

— Это радует, — прошептала я.

— Еще раз перебеешь, вырву язык, — спокойно сказал Вестник и продолжил, — Ты

жива, потому что Хозяину было интересно посмотреть на наорочи, занимавшую Седого так долго. Теперь, когда его любопытство удовлетворено... — он многозначительно замолчал и скупно улыбнулся. — Приказ о казни уже был отдан, но это безумие добралось до стен цитадели.

Я подняла брови.

— Спрашивай, — разрешил мужчина.

— Безумие?

— Стоп. Формулировка неточна. Что-то разрушает цитадель, ты сама видела. Раньше оно было хаотичным, но после вашего появления упорядочилось и идет за тобой по пятам.

Я многозначительно молчала.

— Говори.

— На вашем месте я бы перенесла магнит для неприятностей в наименее ценную часть замка, в идеале, вообще, за его пределы.

— За его пределами ты бесполезна, — он постучал пальцами по деревянному подлокотнику, — а значит, не нужна. Для человека это смертельно, запомни.

Я открыла рот и закрыла его.

— Мне нравится, как ты слушаешься. Валяй.

— Что может сделать человек такого, чего не смогли ваши маги? Что я должна сделать?

— Ты можешь сидеть тихо и крепко сжимать в ладошках этот камешек. Справишься? — в его руках заиграл искорками черный кристалл с золотыми прожилками.

Считыватель душ, если не ошибаюсь. Неопасный артефакт, если не волноваться о том, где и у кого будет копия вашей души. Он пассивен, взять его в руки и активировать можно только по доброй воле. Никто другой не сможет вложить его в вашу ладонь и получить желаемый результат.

— Говори, — снова дал разрешение вестник.

— Как мне вас называть?

Он скривил рот в некоем подобии улыбки.

— Я заключил последнюю сделку полвека назад и забыл, каково это — договариваться. Разрешаю называть себя Радиф. Вестник Радиф. Это все? — он осторожно положил камень на подлокотник.

— С этим заданием справится любой, — я посмотрела на артефакт. — Поправьте, если ошибаюсь, но последние двое-трое суток меня использовали и как приманку, и как ориентир. Записывающие камни в каждом углу, анализы крови, сканирование артефактами. Мне так быстро приходили на помощь, будто дежурили под дверью. И раз с человеком говорят, а не закапывают, толку от всех этих усилий чуть.

Мужчина пристально посмотрел на меня, и только напрягшиеся скулы выдавали напряжение.

— Есть другие предложения?

— Раз это идет за мной, то я смогу помочь лучше, если буду делать это с открытыми глазами. И добровольно.

— И в чем это должно выражаться? Эта добровольность? — Радиф окинул меня пренебрежительным взглядом.

— Если мне расскажут, что происходит, я буду знать, когда держать уши на макушке, а когда прятать голову под подушку и надеяться на волшебный камушек, — я забралась на подоконник с ногами.

Вестник склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то, его глаза стали блуждать по комнате без всякой цели.

— Разрешаю задавать вопросы, — в конце концов сказал он.

И я поняла, что высочайшее разрешение получено. Со мной будут разговаривать, вернее, меня будут использовать. По максимуму.

— Что разрушает стены?

— Не знаю.

— Совсем? Разрушить стену можно по-разному: магией, взрывчаткой, послать великана с палицей...

— Стоп.

Он оказался рядом в один удар сердца. Я не успела даже испугаться, когда вестник с тихим хрустом сломал мне палец. Кто-то когда-то говорил, что сломать ногу намного болезненней, чем палец. Теперь я знаю, он врал. Одна кость мало чем отличается от другой. Чтобы вам не сломали, это будет хреново, и вы будете орать.

Мой крик эхом отскочил от стен. Боль прокатилась по руке до предплечья и вернулась в кисть, набатом ударяя по мизинцу. Я скорчилась на подоконнике, из глаз брызнули слезы.

— Святые! Святые! — простонала я, — ты чертов...

Я поймала спокойный взгляд черных глаз и вдруг поняла, что его пальцы уже сжимают мой безымянный палец, и едва не задохнулась от ужаса, от ожидания новой боли.

— Давай, я поясню. Ты не в Серой цитадели, наорочи. Здесь ты никто и звать тебя никак. Хочешь, чтобы с тобой разговаривали, конкретизируй вопрос. Сарказм и иже с ним оставь для мальчиков Седого.

Он медленно разжал пальцы, развернулся и вернулся в кресло. Выжидающий взгляд был по-прежнему спокоен. Я прислонилась спиной к стеклу, вид из окна уже не казался столь занимательным.

Я положила одну руку на другую и несколько минут старательно дышала носом, стараясь хоть немного отстраниться от боли. Вестник не торопил, лишь продолжал рассматривать. Как же я его ненавидела в этот момент!

Некоторое подобие мысли вернулось в мою голову лишь через четверть часа. Нужно собраться, нужно что-то сделать, сказать, спросить, иначе меня снова низведут до состояния предмета, который так легко сломать и выбросить на помойку. Тогда же в третий и последний раз мелькнула мысль о столике, клинках, крови и тут же пропала, как бесполезная. В песках Простого магия артефакта давала сбой, да и не мне тягаться силой с вестником. Но сейчас это бы меня не остановило.

Я подняла здоровую руку, как прилежная ученица, желающая задать вопрос на уроке. Пальцы, как и остальные конечности, были важнее гонора.

— Спрашивай, — кивнул Радиф.

— Чем разрушили стены? — голос дрожал, но вопрос прозвучал четко.

— Магией, — ответил Вестник, — какой неизвестно.

— Вы сказали, что это безумие добралось до стен цитадели? — он кивнул. — А где оно было раньше?

— Первым разрушили загон для скота в трех километрах южнее. Скот переловили, остальное списали на случай. Вторым рассыпался Дом справедливости, чуть южнее, под песком остались пятеро, выбрались лишь двое, и один из них перед тобой.

— Эти постройки, как и всё здесь, — я посмотрела на желтые стены, — были созданы

из песка?

— Верно. То, что разрушает цитадель, превращает песок Простого в просто песок. Разницу объяснить?

Я замотала головой.

— Третьим стал западный склад. Четвертой баня, увы, снова, когда я был внутри. Не одного постороннего поблизости, могу присягнуть на камнях правды. Каждая следующая диверсия была на шаг ближе к стенам цитадели, чем предыдущая. Здесь первой обрушилась восточная башня, второй — вертикаль над твоей камерой в северном крыле. Это следовало за тобой, как приклеенное, и прокалывало замок раскаленной иглой насквозь.

— Давно началось? — спросила я, дождавшись недвусмысленной паузы.

— Зимой, — я мысленно присвистнула, так как в это время была в Серой цитадели на приеме по вербовке Прекрасной. — С каждым разом промежутки между происшествиями становятся короче и короче. На данный момент, — он вскинул запястье с массивным браслетом, — промежуток уже пять часов и двадцать три минуты.

— Ваши предположения? — я закрыла глаза, осторожно положив руку на бедро. — Что чисто технически может разрушить магию песков? Артефакт? Заклинание?

Плинок-плинк.

Я вздрогнула, распахнула глаза и выпрямилась. Вестник тоже что-то ощутил. Во мне. Именно так: почувствовал, а не услышал.

— Существует ритуал жертвоприношения, нудный и сложный, но он как раз на это и нацелен, — продолжая рассказывать, мужчина цепко осмотрел комнату.

Плинок-плинк.

— Об артефактах такой силы пока не слышали, но это еще не значит, что их не существует, — Вестник выпрямился в кресле, от давешней расслабленной позы не осталось и следа.

Плинок-плинк.

Я встала, стараясь держать ладонь на некотором расстоянии от тела.

— Третий вариант — сила демона. В Желтой цитадели и ее окрестностях нет демонов, этот вариант проверили и отбросили первым.

Плинок-плинк.

Я обернулась к противоположной стене, именно оттуда шел навязчивый звук.

— Последним из возможных была версия о чистом источнике. Бегущая вода способна вымыть магию из чего угодно, даже из песка. Ближайший находится за четыре сотни километров, а цистерн с водой поблизости мы не замечали. Так что отпадает.

Плинок-плинк-плинк.

— Я могу узнать, сколько человек сейчас в цитадели?

— Считаю тебя и остальных пленников? Или считаю меня и остальных нелюдей?

— Всех.

— Двадцать-двадцать пять, не больше, — он встал. — Слуг всегда можно создать из песка...

Пппплллииинннккк.

Я побежала к двери, вернее, к ее рисунку, так как при попытке ухватиться за ручку пальцы каждый раз соприкасались лишь с холодным камнем. Меня бесцеремонно оттолкнули в сторону, плоское изображение ожило под рукой вестника. Дверь распахнулась, и мужчина вышвырнул меня в коридор, толкнув в спину. Радиф развернулся и остался стоять

в дверном проеме, наблюдая, как на кровать, кресла, тумбочку, камни-артефакты сплошным песчаным потоком рушится потолок. Меньше чем за десять секунд комната оказалась погребена.

Вестник захлопнул дверь, которая тут же исчезла, и повернулся ко мне. В черных глазах полыхала ярость.

— Ты знала! — он толкнул меня.

Я налетела спиной на светлую стену, рука со сломанным пальцем ударилась о камень, но очередной крик не произвел на Вестника ни малейшего впечатления.

— Говори или я сверну тебе шею, наорочи. Откуда ты знала?

— Слышала, — простонала я, силясь думать хоть еще о чем-то, кроме боли в ладони. — Пожалуйста! Еще удар, и я не смогу говорить. Просто слышала, ушами. Я их каждый раз слышу.

— Их? — его ноздри раздулись.

— Капли воды. Это чистая вода, вариант, который, вы оставили.

Вестник отстранился, я выдохнула и прижала локоть к телу, чтобы держать опухающий мизинец подальше от стены и вообще чего бы то ни было.

— Почему сразу не сказала?

— А кто-то о чем-то меня спрашивал? Если хотите услышать ответы, надо задавать вопросы, — я не сдержалась и вернула ему его же фразу, боль — плохой советчик, он делает людей опрометчивыми.

Радиф поднял руку, но не ударил, лишь сжал пальцы в кулак и с сожалением отпустил.

— Тебе понадобится другой артефакт, наорочи, — он повернул голову.

— Какой? — я проследила за его взглядом.

В коридоре освещенная скудным светом керосинового фонаря стояла невысокая миниатюрная женщина.

— Ты спрашивала об обитателях цитадели, — не стал отвечать Радиф. — Знакомься, наорочи, это Киу, хм... гостя нашего хозяина, — а потом, схватив за шиворот, потащил в противоположную сторону.

Ночью меня разбудил не звук текущей воды и не боль в руке. Вернее, не только они. Легкое как перышко прикосновение прохладного воздуха к коже, скорее, дуновение, навеянное сном.

Покрывало, поверх которого я легла, успело сбиться и съехать на пол, выставляя напоказ белье неприятного темно-вишневого цвета.

Плинка-плинка.

Обрывок цепочки тихо звякнул. Четыре круглых звена и металлическое кольцо кандалов на лодыжке. Теперь при каждом движении я издавала звук, сделавший честь любому привидению. Метка гостя. У обитателей Желтой цитадели отсутствовало чувство юмора, они всерьез полагали, что человек в резиденции Хозяина востока ограничится в передвижениях подвальными этажами и камерами. Мне была оказана небывалая честь: браслет кандалов был выломан из стены каменного мешка и торжественно надет на ногу. Хвала Святым, второй конец цепи оставался свободным, а не крепился к кровати. Исключительное гостеприимство.

Плинка-плинка.

Я потеряла ухо. Легкий ветерок снова ласково прильнул к телу. Окно было закрыто и для

надежности даже забрано решетками.

Плинок-плинк.

На комодке лежали спички и с десяток свечей в подсвечнике. О да, я была гостьей. Пока. Серная головка с тихим шорохом зажглась, выбросив сноп искр. Стоило пошевелить рукой, как боль вгрызлась в кости. Первый робкий огонек едва не погас напуганный моим шумным дыханием. На кончике фитиля расцвел оранжевый бутон и заколыхался, освещая пустую комнату.

И тут же кто-то невидимый тихонько провел пальцем по моей шее.

Плинок-плинк.

— Кто бы ты ни был, советую убраться отсюда и побыстрее, — я стала надевать кроссовки.

Желтая цитадель была сухой и теплой от тьмы подвалов до смотровых окон башен. Но ее стены были холодны своей чуждостью, их не хотелось касаться, на них не хотелось смотреть. Ни следа той внутренней теплоты, что пришлась по душе в замке Кирилла. Я и не представляла, как глубоко пустила корни на севере, и как глубоко он запустил их в меня.

Плинок-плинк-плинк-плинк-ппппллииинннкккк.

Я бросилась к двери. Незавязанные шнурки путались под ногами. За миг до того как потолок рухнул, дверь распахнулась. Сама. Я даже поднять ладонь к нарисованной на светлом камне ручки не успела.

У меня была метка, браслет каторжника, которому лишь пушечного ядра не хватало. Дверь должна была открыться, по крайней мере, эта. Вот только ни фотоэлементами, ни датчиками движения ее не оснастили. Магия активировалась от касания, которого не было.

— Повтори, — приказал злой Радиф полному травителю в не очень белом халате.

— У меня заказ на очередной грипп, третий котел пашет без передышки, не отойти, последние восемь часов я при нем, скоро разлитие и закупорка, — монотонно повторил мужчина с добродушным лицом и редкими рыжими волосами. — Разрешите идти, а то передержу, малярия получится, а она не для этих широт, потеряем заказ.

В комнату, напоминавшую гостиную, где еще не успели закончить ремонт, вошел синеглазый тюремщик и едва заметно качнул головой. Обыск у повара тоже ничего не дал. Допросы шли уже второй час. С моей легкой руки искали привидение. Что-то было в этой комнате за несколько минут до обрушения, что-то разбудило меня, что-то открыло дверь. Последнее беспокоило вестника больше всего. Нарисованная дверь не открылась бы перед чужим, будь он живым или мертвым. Желтую цитадель переворачивали в поисках домашнего привидения.

— Ингредиенты Шусе отпускал, остатки подсчитывал, ходил в Болотное к Лильке травнице, — расписывал по часам свой день ключник, занимавший должность кладовщика или завхоза.

— Учила проклятия, — молодая ведьмочка — горничная пожала плечами. — Хочу повысить ранг.

— Спал, — пожилой мужчина в пенсне стоял навтыжку, словно солдат. Секретарь? Дворецкий? Дядюшка — приживал?

— Проверял рецептуру гриппа, читал, систематизировал изменения, — целитель был абсолютно спокоен.

Они все были спокойны. Четверо охранников, посыльный, дворник, ведьмак — зодчий,

под чьим руководством восстанавливали разрушенные перекрытия. Мужчина с кудрявыми, торчавшими во все стороны волосами с большой долей вероятности строивший для нас иллюзию Юкова. Потом был зверолов, не любивший замкнутых пространств и живший вне стен цитадели. Палачом оказалась молодая, крепкого телосложения карка, назвавшая последовательно трех мужчин, с которыми спала, чистила инвентарь и ужинала. Те — изменяющийся, шут и заговорщик — в свою очередь, подтвердили каждое слово.

Вестник то и дело кидал на меня смурные взгляды, возможно, ожидая, что вода, увидев хозяина, радостно кинется обниматься. Но вода молчала, и нелюди покидали гостиную на своих двоих. Я слушала тихие вопросы и тихие ответы, видела отрицательные кивки тюремщика после очередного неудачного обыска. Я пыталась сосредоточиться на словах, на их смысле, но любые мысли быстро изгонялись пульсирующей болью, мизинец словно окунали в кипяток. И каждый, кто заходил в комнату тут же чувствовал это и улыбался. Зверолов облизнулся, карка показала большой палец. Я даже нашла в себе силы оскалиться в ответ, но получилось неубедительно.

Зато кое-кто нашел способ избежать допроса, и это я заметила даже сквозь красноватую дымку боли, постепенно сгущающуюся перед глазами.

— Где Киу? — спросила я, когда поток допрашиваемых иссяк.

— В комнате Хозяина, — вестник дернул уголком рта, — и до сих пор не выходила, Лучшего алиби не придумаешь.

— Простите, — я закрыла глаза, кресло, в котором провела последние часы, чуть слышно скрипнуло. — Могу предположить, только предположить, что опрошены были не все.

— Не юли, — рявкнул вестник. — Я разрешил тебе говорить, но запретил юлить и врать.

— Тюремщик, осматривавший комнаты, — это раз, — я загнула палец здоровой руки, стараясь не смотреть на опухшую, — другие пленники — это два. Хозяин — три.

— Магия не для Дениса, тюремщик — человек, это твой раз, — мужчина встал. — Когда хозяин захочет тебя видеть, ты узнаешь об этом незамедлительно — это твое три. Не очень сложно?

— А вам стебаться, значит, можно?

— Мне все можно, — он подошел к нарисованной двери. — У пленников не о том голова болит, пока еще есть чему болеть. Никто из них не покидал своих апартаментов. Твое «два» тоже абсурдно, но оно наименее абсурдное из трех.

Осмотр тюрьмы запомнился как-то смазано, за исключением двух моментов. В один из них я встретила друга, во второй мне сломали нос.

Подземные этажи цитадели имели три уровня, одинаково сухих и безликих. На минус первом содержали людей, меня и еще, как оказалось, двоих мужчин. Абсолютно не знакомых, затюканных, равнодушных, с обрезанными языками и остановившимися взглядами. Один из них даже нашел в себе силы замычать, второй не повернул головы.

Минус второй был заселен плотнее и преподнес несколько сюрпризов. Первым оказался лежащий в деревянном ящике человеческий сын Ависа. Он дышал, но отвечать на вопросы или делать что-либо другое он был не в состоянии.

Одна ведьма, лешак и неопределенного вида нечто, издававшее жизнерадостное уханье в ответ на каждый вопрос Радифа. Воплощенная в жизнь идея выглядела еще глупее, чем

звучала. Они были пленниками, они были заперты и лишены сил.

И обитатель последней камеры был не исключением. Вернее, обитательница. На куче песка, поджав под себя босые ноги, сидела хрупкая девушка с темными спутанными волосами.

— Пашка, — выдохнула я и опустилась на грязный пол.

Она вздрогнула и медленно подняла голову. Вместо ярких глаз цвета меди, на ее лице слепо таращились в пространство два пустых бельма.

— Ольга?

— Да. Как ты? Как они тебя поймали? — я дотронулась до холодной, покрытой испариной кожи, впервые за все время забыв о сломанном пальце, о боли и том, что приказ о казни уже отдан.

— Какая, к низшим, разница как? — она сжала кулаки, звякнул металл, на тонком запястье матово блеснул круглый браслет, цепь от которого уходила в светлую стену. — Они забрали мой яд! Совсем! Я теперь человек! Поняла? — она опустила незрячие глаза и уткнулась лбом в грязные колени.

— Послушай, — она была похожа на ребенка, и я погладила спутанные волосы. — Мы что-нибудь придумаем, только не сдавайся, прошу.

— Невыполнимое обещание, — проговорил Вестник, дергая меня за шиворот. — На выход, живо.

— Пашка, — простонала я, силясь вырвать воротник из пальцев Радифа, — прошу.

— Не проси, — рявкнул Вестник.

— Забудь обо мне, — прошептала девушка прежде, чем дверь захлопнулась и исчезла, растворяя всхлипы в тишине тюремных коридоров. Змея снова осталась один на один со своим кошмаром.

Жесткие пальцы обхватили меня за шею и без всяких предисловий впечатали лицом в стену. Хрустнула кость, боль, казалось, пробила глаза насквозь и шаровой молнией заметалась внутри черепа. Светлый пол украсили темно-красные капли.

Я замычала и зажала нос ладонями. Радифа схватил меня за запястья и с силой развел руки в стороны, заставляя смотреть прямо в склонившееся лицо. Крик перешел в стон, который он вдохнул вместе с воздухом и аж зажмурился от удовольствия. Святые, как же больно! Я всхлипнула, глотая кровь вперемешку со слезами.

— Использовать меня в своих целях тоже запрещено, — он склонился, продолжая пить эмоции и ища в глазах отражение боли, которая так нравилась ему на вкус. — Ты могла спросить о ней.

— Вы бы не ответили, — я закусила губу, стараясь подавить дрожь, но ничего не получалось.

— Это другой вопрос, ответ на который ты теперь не узнаешь. Если так дальше пойдет, палач получит человека по частям и очень расстроится, — Вестник отстранился.

Плинок-плинок.

Я наклонила голову вперед, стараясь унять головокружение. Сожаления не было. Боль, досада, отчасти злость, перемешанная с желанием закрыть глаза и заснуть. Пашка жива, а это уже немало. Мартына в темнице не было. Вывод: значит, он есть где-то еще.

Надо собраться, надо что-то придумать, или меня скоро превратят в отбивную. Хотя, может, и так превратят, из любви к искусству.

Плинок-плинок.

— Вода, — прошептала я.

— Повтори, — Радиф, отпустил руки.

— Снова течет вода, — я вытерла ладонью кровь, стараясь не касаться носа, стараясь не сорваться на крик.

Плинок-плинк.

Пальцами здоровой руки я оперлась о стену, оставив на ней коричневые разводы, закрыла глаза и прислушалась.

Плинок-плинк.

— Там, — указала я на темный проход.

Коридор заканчивался аркой, за которой была квадратная металлическая площадка, соединявшая с лестницей. Вестник сорвался с места. Я пошла следом, не особо задумываясь зачем. За еще одним ударом? Или как раз во избежание? Кровь продолжала капать на одежду, и когда я перегнулась через перила, несколько капель улетели вниз во тьму. Этажом ниже на ступенях стояла керосиновая лампа с мутным стеклом, отбрасывая на часть ступеней рваный круг света.

Плинок-плинк.

— Куда? — спросил Радиф, в полумраке его глаза отсвечивали алым.

— Не знаю.

Звук ударяющихся о камень капель звучал рассеянно, отражаясь от стен и создавая иллюзию вездесущности. Железные ступени закручивались вокруг пронизывающего боковую башню столба. Светлые стены темнели с каждым сантиметром спуска. Обрывок цепи звякнул о железный настил площадки. Звук капающей воды не приближался и не удалялся, не замедлялся и не ускорялся. Он просто был.

Вестник размышлял не дольше секунды, его тяжелые шаги застучали вниз по лестнице.

Плинок-плинк.

Я стала спускаться следом хотя в голове шумело, а нос превратился в пульсирующий болью комок. Мутило, тошнота то и дело подкатывала к горлу, очень хотелось сесть и хоть на минуту замереть в неподвижности.

Высота этажей метров восемь, длинные лестничные пролеты, кованые перила, опорные балки — железные кости Желтой цитадели, отзывающиеся на каждый шаг гулким звоном. Фонарь горел, я шла, сосредоточившись на танцующем язычке пламени, как мотылек, летящий на огонь.

Плинок-плинк.

Самый нижний минус третий этаж был смесью технического помещения и каменоломни. Я остановилась, не дойдя до конца пару ступеней. Камень стен был таким же необработанным, как и по всей цитадели, но здесь он выглядел грубее, древнее.

Сразу за лестницей начиналась прямоугольная широкая шахта, словно коридор, вырубленный прямо в породе. Через двести метров она заканчивалась развилкой, вправо и влево отходили два округлых штрека. Пол усыпан камнями и песком. Посередине у неровной острозубой стены стояли трое мужчин с кирками. Пыль покрывала рабочих с ног до головы, делая их больше похожими на созданных из песка големов, чем на существ из плоти и крови.

В правом коридоре виднелась часть очищенного от мусора круга с высоким валуном в центре. Сквозь дыру в каменной верхушке была продета длинная металлическая перекладина, которую толкали двое. Их силуэты колыхались вместе с живым светом керосиновых ламп. Они вращали длинную палку вместе с камнем, как волы жернова на

средневековой мельнице. Но Радиф напряженно вглядывался в темноту левого ответвления.

Плинок-плинок.

Я тяжело оперлась о перила и прикрыла глаза, минута, мне нужна лишь минута, чтобы загнать поднывающую к горлу желчь обратно. За спиной раздался шорох, и я едва не подпрыгнула на месте. От резкого движения ослепляющая боль снова ударила в голову, куда-то над левой бровью. Цепь от кандалов громко звякнула о ступени, я обернулась, продолжая цепляться за железо. По лестнице спускался тот, кого Вестник называл Денисом. Синеглазый человек, служивший в Желтой цитадели тюремщиком. На плече мужчины лежало двустороннее кайло. Он обошел меня, спрыгнул со ступеней и небрежно бросил кирку у стены на пол.

Плинок-плинок.

Звук стал тоньше.

— Отдаляется, — прошептала я, едва узнавая звук собственного голоса, но Вестник услышал и тут же оказался рядом, — уходит выше.

Радиф побежал по лестнице обратно. И не просто побежал, а потащил меня за собой, не считаясь с хрупкими человеческими костями. Я ударилась голенью о ступеньку, зашипела, едва не упала, перед глазами все завертелось. Но Вестнику было плевать, он даже не замедлился. Пальцы на плече сжались до хруста, и движение возобновилось. Перила слились в сплошную пелену. Ладонь задела о железо, из горла вырвался крик. Удар о перила выбил из груди воздух, обрывая звук, и прежде, чем меня снова потащили вверх, я успела просипеть:

— Здесь! Это где-то здесь! — упала на колени, и тут меня наконец-то вырвало.

— Да? — Вестник оскалился и сам же ответил. — Здесь. Теперь и я слышу.

Плинок-плинок.

Я старалась делать глубокие вдохи и выдохи, чтобы унять тошноту и головокружение. От ударов горели голени и правый бок, но на фоне превратившегося в уголек носа и пульсации в ладони это были почти пустяки.

Плинок-плинок.

— Попался, ари, — рыкнул Вестник, его шаг стал обманчиво плавным и крадущимся, ноздри раздулись. Я подняла голову. Мы были на втором надземной этаже.

Мужчина выскользнул из башни в коридор, двигаясь от одной проступающей двери к другой.

Плинок-плинок.

Горло саднило, язык казался распухшим и еле ворочался. Я уцепилась за железо и с трудом поднялась, первые шаги дались нелегко, коридор качался из стороны в сторону. Вестник остановился метров через пять напротив ничем не примечательного куска стены. Я прислонилась к стене позади. Это место ничем не отличалось от точно такого же правее или левее или того в самом конце коридора. А может, я просто сейчас не могла этого увидеть.

— Слышу тебя, ари, — прошептал он.

Мужчина ткнул ладонью в стену, но та осталась чистой. Рисунок двери почему-то не спешил появляться, а тем более обретать объем и рельефность. Чувство острой неправильности происходящего вдруг стало настолько очевидным, что я едва не попросила мужчину остановиться. Вот насколько было хреново. В здравом уме мне бы и в голову не пришло останавливать идущую на заклятие нечисть, тем более такую.

Раньше то, что разрушало песок, назовем это «невидимой водой», приходило само, без

приглашения. Теперь мы шли за ним и почему-то считали, что поступаем правильно.

Радиф зарычал от ярости и ударил кулаком по светлому камню.

Плинка-плинка.

— Нет, ари, нет, — гнев в его голосе сменился лаской, — нет.

Мужчина расстегнул верхнюю пуговицу бежевой рубашки, поддел пальцем массивную цепочку и вытащил наружу ключ. Большой, латунный, с листовым орнаментом. Я качнулась и едва не упала.

— Хозяин, — позвал Радиф, поднимая ключ над головой. — Прошу силы, джараш.

И Простой услышал. Легким шелестом пробежался по коридору, от стены к стене, прошуршал песком по полу. Прошелся сквозь тело, заставив почти физически ощутить чужое присутствие и на мгновение забыть о боли, о крови, головокружении и тошноте.

Я знала, что именно сейчас в этот миг в пустом коридоре, кроме нас с Радифом, есть кто-то еще. Так чувствуется сквозь сон чужой недобрый взгляд, заставляющий человека открыть глаза и в панике взглянуть в темноту, ожидая воплощения страхов.

Хозяин Востока откликнулся своему Вестнику. Сухой воздух стал теплее и одновременно колючее.

Плинка-плинка.

Ключ в руке Радифа задрожал, качнулся, касаясь песочной стены, и та расцвела тем же рисунком, что был нанесен на металл неведомым мастером. Легкие штрихи разошлись по стене, как следы от карандаша, невидимого карандаша в руках у невидимого демона. Узор проступал на стене все быстрее и быстрее, линии становились четче и толще, штрихи уверенней.

Плинка-плинка.

Мир мигнул так же, как тогда в иллюзорном Юково. Пропал и появился в том же виде, только теперь разрисованная стена стала стеклянной, а рисунок на ее поверхности смотрелся витражом. Я вздрогнула и едва не упала.

Вестник разжал руку, и ключ упал на грудь, закачавшись на цепочке. Мужчина удовлетворенно улыбнулся и со всей силы ударил кулаком по стеклу, в которое превратилась стена. Улыбка оставалась на его лице, даже когда крохотные осколки резали кожу Вестника.

Я закрыла лицо рукам, не сдержав стога. Песок. Стекло. И снова песок. Замкнутый круг. Витраж разлетелся мелким блестящим крошевом.

Плинка-плинка.

Радиф перешагнул осыпавшуюся стену. Комната, спрятанная между двух других. Ни окон, ни дверей. Небольшое рабочее пространство, в котором сразу обращаешь внимание на железную клетку в углу, родную сестру той, что ловила в свое нутро нечисть на переходе северо-западной окраины Остова.

Рядом на складном железном столе возвышалась конструкция, которую я без труда узнала. У бабушки была такая же. Ее самогонка была лучшей в Климовском, работяги из колхоза подтягивались к дому, стоило только солнцу зайти за горизонт. Железный бак, горелка под ним, синий огонь, пара закупоренных пузатых колб, змеевик — все связано системой трубок. Последняя на выходе прорезинена и оснащена краном, из которого в граненый стакан монотонно капала прозрачная жидкость.

Кап — кап — кап — кап.

Картинка расплылась, я уцепилась за стену. Боль снова начала вытеснять мысли. Моргнув, я тряхнула головой, зашипела, но комната перед глазами снова обрела четкость.

Все свободное пространство комнатки было заставлено рядами одинаковых бутылочек с горстками песка. Запертые в прозрачных емкостях кристаллы слабо шевелились, словно живые.

Два нечеловека замерли по обе стороны стола. От их спокойствия на допросе не осталось и следа. Второй подбородок повара мелко трясся, как желе, вынутое из формочки. Кисточка в руках у ключника ходила ходуном, еще минуту назад он наносил рисунки — насечки на прутья клетки.

Радиф поднял руку и завернул кран.

Кап.

Последняя капля ударилась о жидкость в стакане и разошлась кругами по поверхности.

— А теперь поговорим, ари, — удовлетворенно сказал вестник, — о живой воде.

Плинка-плинка, жизнерадостно подключилась та к беседе. Я посмотрела на завернутый кран и застонала.

Плинка-плинка.

— Это не они!

Вестник оглянулся, его зрачки расширились, полностью слившись с радужкой.

Плинка — Пппллллииинииинннккк.

Мужчина был настолько быстр, что я даже не уловила его движения. Он дернул меня на себя, втаскивая внутрь комнаты за секунду до того, как коридор исчез. Лавина песка обрушилась на второй этаж. Я ударилась о его грудь носом и взвыла, едва не ослепнув от боли, снова потекла кровь. Вестник задумчиво смотрел, как она капает на рубашку. Рыжая пыль оседала на наши лица, плечи и волосы.

Да, все было неправильно.

— Они всего лишь подделывали пески, — прошептала я.

Вестник оттолкнул меня, развернулся, ухватил мужчин за плечи и от души столкнул лбами. Голова повара лопнула, брызнув кровью, как перезрелый арбуз мякотью. Шея ключника хрустнула и подломилась. Они рухнули к его ногам без единого звука.

— Идиоты, — Радиф пнул ногой стол, звякнули колбы, огонь горелки лизнул железный бак и погас, — нашли что прятать.

Ветер закружил стеклянные обломки вокруг ног, сгущая колючую силу Простого в маленькой комнатке. Я обхватила себя руками. Вестник склонил голову, сейчас в эту минуту он слышал что-то недоступное человеку.

— Хозяин уезжает, — сказал Радиф через минуту, — на сутки. Мое место рядом с ним, — он снова обхватил висящий на шее ключ и направил на стену песка, засыпавшую коридор.

Завал вздрогнул и стал слой за слоем проседать, проваливаясь ниже, пока перед нами не осталось чистое, сухое, покрытое пылью пространство. Рассыпавшиеся стены, рухнувший потолок и две черные дыры с неровными оплавленными краями — в полу и в потолке, одна над другой. Магия невидимой иглой проткнула цитадель насквозь. Так мальчишка поливает тонкой струйкой воды зачерпнутой в маленькие ладошки свой замок из песка, разрушая его стены.

— Постарайся доказать свою полезность. Казнь не отменена, она отсрочена, — Вестник посмотрел куда-то вверх моей головы. — У нее допуск только по первому кругу, Денис, проследи.

Я переступила с ноги на ногу и с трудом подняла голову, стараясь дышать через рот и не

поддаваться желанию лечь на пол прямо здесь, на битое стекло, и попросить, чтобы до казни не беспокоили. Через провал коридора нереально яркими синими глазами на нас смотрел тюремщик и, видимо, по совместительству землекоп, так как кирка мирно лежала на его плече.

— Двадцать четыре часа, — взгляд Вестника вернулся к крови на моем лице.

Тело повара у ног чуть шевельнулось. Вряд ли такая мелочь, как расколотая голова и сломанная шея, способна надолго вывести нечисть из строя.

Девять часов из отпущенных я проспала. Вода или другая магия меня не беспокоили. Тошнота исчезла, сменившись голодом. Странное создание человек, знает, что вряд ли доживет до следующего рассвета, и тем не менее хочет есть.

Нос остался на месте и, вопреки ожиданиям, не отвалился. Я его не трогала, лишь дышала с присвистом. Лицо, и без того достаточно круглое, стало похожим на блин. Переносица раздулась, синяк сполз под глаза, сделав их узкими. Свезенная о камень кожа саднила. Но я уже не чувствовала себя так, что голова вот-вот отвалится. Я чувствовала себя достаточно сносно, чтобы понять: мне ее оторвут, и скоро.

Мизинец опух, став похожим на вареную сардельку и по цвету, и по виду. Дергающую боль я старалась игнорировать, но выходило плохо. Попробуй-ка отмахнись от ощущения, что кто-то бьет молотком по суставу в такт каждому удару сердца.

Кровь на рубашке застыла, сделав ткань жесткой и заскорузлой. Я умылась, расчесала волосы пальцами и, набравшись смелости, все-таки вышла из комнаты. Дверь послушно появилась на стене, послушно обрела рельефность и бесшумно открылась. И за ней человека никто не ждал, никто не откусил голову, не заставил искать воду и не загнал пинками обратно. Коридор был пуст. Я прошла до поворота и выглянула из-за угла. Снова ничего и никого. Желудок требовательно заурчал.

Да, человек — очень странное существо.

Желтая цитадель производила странное впечатление. Слишком мало людей и нелюдей для такой громадины. За мной не следили, не провожали под конвоем из комнаты в комнату, не стерегли. Такое впечатление, что, кроме ушедшего в неизвестность Вестника, никому не было дела до человека с обрывком цепи на лодыжке.

Киу я встретила спустя полчаса, повернув в очередной раз за светлую стену и начиная подозревать, что кто-то создал петлю из этих песочных коридоров. Вот это углубление в стене, похожее на дохлую рыбу, уже попадалось на глаза.

Трудно сказать, кто удивился больше. Мы замерли, разглядывая друг друга. Она была миниатюрной и тоненькой, как балерина. На пару сантиметров ниже, ладно скроенная, с тонкой талией и высокой грудью, и очень красивая. Может, не так, как Прекрасная, я на миг ощутила тоску по демонической красоте, но именно такие девушки украшают своими фотографиями обложки журналов и снимаются в рекламных роликах.

Азиатка с миндалевидными глазами, фарфоровой кожей, миниатюрным носом и алым пухленьким ртом. Короткие черные волосы уложены в аккуратное каре, прядки заправлены за уши.

К своему стыду, я не отличала вьетнамцев от японцев, а тех от китайцев, которых вполне могла перепутать с какой-нибудь малой народностью Крайнего Севера. Увы, я не могла сказать, откуда была родом эта ослепительно красивая девушка.

Она заговорила первой. И сразу разочарование. Голос Киу был сухим и скрипучим, как

шелест ветра. К тому же я не понимала ни слова.

— Простите, — я покачала головой.

— Ор кошорт ащо, наорочи?

Судя по интонации, это был вопрос, и он адресовался мне. «Наорочи» — так называл меня Радиф. Гортанный язык, изобилующий шипящими и рычащими звуками, словно создан для глоток, оснащенных клыками и раздвоенными языками. На нем произносились и принимались клятвы. Инопись. Киу разговаривала на самом древнем языке этого мира.

Девушка повторила вопрос. Я развела руками. Жаль, но, похоже, посплетничать и сравнить демонов нам не светит. Киу ответила не менее грустной улыбкой.

Изящная рука в лавандовой перчатке ухватила меня за плечо и настойчиво потянула за собой.

— Эй! — выкрикнула я.

Пальцы девушки по твердости не уступали гранитному камню, а сила явно превышала человеческую. В голову снова стала возвращаться отступившая после сна боль.

Киу тут же остановилась, сложила руки перед грудью в молитвенном жесте, показывая, что не хочет заставлять. Очередная шипящая фраза, произнесенная скрипучим голосом глубокой старухи. Очередной непонятный набор звуков и слов.

Девушка подняла одну ладонь, пальцами второй изобразила на ней идущего человечка, указала на себя и поманила следом. Вполне понятная пантомима: Киу хотела, чтобы я пошла с ней.

Я пошла, может, потому, что для разнообразия меня попросили.

В крыле на первом этаже, куда привела меня девушка, было всего две двери. Одна, по принятой в Желтой цитадели традиции, нарисованная, и вторая — в метре от первой, настоящая. Добротная, железная, очень похожая на выход из этого пыльного безумия. Но Киу толкнула другую, смотрящуюся картинкой со страницы старой газеты.

Вытянутая, словно вагон поезда, комната с парой коек, рядом железных шкафов по правую сторону, столом, накрытым клетчатой скатертью, и десятком потертых деревянных стульев. На полу рядом с выкрашенными зеленой краской дверьми шкафчиков валялись знакомые пыльные сумки.

Охранники отвлеклась от игры в карты и встали. И тут девушка меня удивила: взмахнула рукой и отдала резкий приказ. Я не понимала его смысла, но тон, которому не прекословят, узнаю, на каком языке и какие бы слова ни произносились. Мужчины вышли, не задав ни единого вопроса и не позволив ни одного косога взгляда. Киу в отличие от меня имела власть в Желтой цитадели.

Едва дверь за их спинами закрылась, срастаясь со стеной, девушка подхватила с пола сумки и бросила на стол, столкнув пакет с семечками и блюдо с шелухой. Мятые игральные карты клетчатыми прямоугольниками полетели на пол. Она сделала шаг назад и приглашающе указала на рюкзаки.

Второй раз предлагать не пришлось. Я потянула за язычок молнии и убедилась, что сосиски в тесте стухли, и давно, пропитав своим запахом содержимое. Одежда жутко воняла, но это была моя одежда, моя расческа, моя зубная щетка, мои трусы и носки. Повторюсь, человек — странное создание, и чем дальше, тем страннее.

Узкая ладошка легла на плечо, и я словно очнулась. Вряд ли мне суждено воспользоваться содержимым. Если взять сумку с собой, первый же встреченный тюремщик отберет либо потому, что не положено, либо потому, что может это сделать.

Киу указала на потрепанный рюкзак Мартына. Я приоткрыла надорванную ткань. Сверху лежал налокотник и замотанная в мутный многослойный целлофан часть сустава древнего существа. Девушка с шумом втянула воздух и выругалась. Во всяком случае, так я интерпретировала рычаще-шуршащую тарабарщину. Она отступила на шаг и уже медленнее повторила. Звуки незнакомого языка сливались, слова обрывались вопросительной интонацией. Она очень хотела, чтобы ее поняли, но добилась прямо противоположного эффекта.

Я выложила составные части артефакта на стол поверх оставшихся карт на серой казенной скатерти и повторила ее приглашающий жест.

Но вместо того чтобы подойти, девушка заметалась по комнате. Хлопали дверцы железных конторских шкафов, двигались и падали стулья, слова слились в бессвязный шепот. Я потерла левую бровь, именно там медленно разгорался пульсирующий комок боли.

Наконец, она наклонилась и подхватила с пола пакет с семечками, а другой стала его обматывать выгащенной из шкафчика бечевкой. Обычной такой, некогда белой, такие натягивали у нас во дворе между похожими на грабли столбами и развешивали белье. Один конец веревки был растрепан и окрашен в темно-красный, почти коричневый цвет.

Киу перетянула шуршащий пакет и завязала поверх узла кокетливый бантик, на секунду прижала к груди, как самое дорогое сокровище, и протянула подарок с грязным бантом из бельевой веревки мне.

Я взяла. Собственно, это все, что могла сделать. Мы стояли друг напротив друга разделенные не только столом, но и языковым барьером. Киу, не отрывая взгляда от составных частей артефакта, опять молитвенно сложила руки, беспомощный просящий жест. Красивое лицо выражало неприкрытую жажду обладания, почти алчность.

Развязав веревочный бант, я бросила пакет с семечками на стол и стала приматывать кольцо доспеха к уродливому целлофановому пакету. Говорят, чужой идиотизм заразен, наверное, они правы, но тогда это казалось единственно верным решением. Работать одной рукой было неудобно, но когда я попыталась задействовать вторую, то едва не заревела от боли. Святые, как же плохо, как же неправильно, как же... Я заставила себя сосредоточиться на действиях, а не думать о происходящем и о будущем.

На бантик не хватило веревки, поэтому я обошлась грубым узлом. А затем повторила действия Киу, неловко одной рукой, прижала неказистый сверток к груди и протянула девушке.

Она всхлипнула, но ни одна слезинка не скатилась по фарфоровой коже. Коснувшиеся «подарка» руки дрожали. Киу смотрела на меня так, словно ей подарили весь мир, а не старый хлам с чужой костью. Девушка прижала артефакт к груди и вдруг упала. Повалилась на колени, утыкаясь головой в доспех. Плечи затряслись, из горла вырвался надрывный хриплый вой, перешедший в глухие рыдания. На мой взгляд, пакость в ее руках не стоила и одной слезинки, но Киу, конечно, виднее.

— Теперь меня точно казнят, — пробормотала я, отступая. — За то, что довела гостью Хозяина Востока до слез в его же доме.

— Это вряд ли, — раздался мужской голос, я обернулась, в открытой двери стоял синеглазый тюремщик, с интересом разглядывая опустившуюся на пол девушку. — Она давно уже научилась плакать. Только хрипит и воет. Но Джарашу нравится, он находит это сексуальным и сразу тащит ее в спальню. Идем, — скомандовал Денис, — с тобой хотят поговорить.

Я снова посмотрела на Киу, но ту не интересовало ничего, кроме свертка.

— Давай, — поторопил синеглазый, — ей не до тебя.

Мы вышли из караулки, оставив девушку наедине с тем, что было ей так дорого. Миновали железную дверь, у меня руки чесались коснуться холодной поверхности и повернуть ручку. Но вместо этого мы снова нырнули в полутемную арку соединяющей этажи башни и ступили на железную лестницу. Обрывок цепи зазвенел, соприкасаясь со ступенями. Несмотря на крупные руки и ноги, походка тюремщика была совершенно бесшумной. Он спускался вниз, не оглядываясь, голова наклонена вперед, длинные ноги размашисто отмеряли ступени.

— Тебя можно спрашивать? Или тоже бьешь вместо ответа? — поинтересовалась я, стараясь отмахнуться от сопровождающей каждый шаг пульсации, и уже толком не понимая, что болит сильнее — рука, голова или живот от голода.

— Спрашивай.

— Кухня далеко? — казалось, что откуда-то тянет теплым молоком, сливочным маслом и мягким сыром с легкой кислинкой.

— Заглянешь на кухню и палач тебе не понадобится. Здешняя еда вредна для психики человека. Хлопнешься в обморок, мигом бульон сварят, там ничего не пропадает, — мужчина чуть замедлился, передернул плечами, словно отгоняя непрошеное воспоминание, и снова устремился вперед, чуть наклонив голову. — Зайдешь ко мне, найду хлеба. Если аппетит не пропадет.

Минус первый мы миновали не останавливаясь. Огонь в светильниках колыхался, придавая Желтой цитадели средневековый и обшарпанный вид, особенно по сравнению с Серой.

— Кто хочет со мной поговорить? Пашка? — мы дошли до минус второго. — Та девушка — змея из крайней камеры?

— Нет, — отрывисто бросил мужчина через плечо, — эта ни с кем не разговаривает, даже с Хозяином, — он покачал головой. — Потерпи, сейчас все сама увидишь.

Мы спускались, пока лестница не кончилась, пока порода стен не стала грубой в своей первозданности. Рабочих не было, кирпичи бесхозно валялись в пыли, половину светильников потушили. Левое ответвление штрека оставалось темным и необитаемым. Меня ждали в правом.

Подойдя ближе, я могла разглядеть конструкцию целиком. Из камня в центре круга в потолок уходил вертикальный столб. На уровне груди его перечеркивала горизонтальная перекладина. Этакое коромысло. Двое прикованных пленников толкали рычаг, вращая по кругу, словно ручку гигантской мельницы.

Ошейники заключенных были куда внушительней моих кандалов, и застегивались они не на лодыжке, а на шее, тускло мерцая на грязной от песчинок коже.

Мужчина и женщина. Он обнажен по пояс и бос. У нее на шее кулон с яркими камушками в виде цветов. И все. Я в смятении отвела глаза и тут же снова взглянула.

Человек не в силах преодолеть притяжение уродства. Безобразность, как и красота — магнит для человеческих взглядов и мыслей. Увидев что-то аномальное, нездоровое, мы не можем отпустить картинку, сами того не ведая силой эмоций вдыхая в нее жизнь. Иначе цирк уродов не был бы таким популярным. Можно отвернуться от просящего милостыню калеки, выставившего на безжалостное обозрение культы ног. Но нельзя его забыть неприглядные обрубки. Девять из десяти человек хотя бы раз обернутся, пять подкинут

мелочи, трое что-нибудь скажут, а двоим он явится во сне.

Женщина была старой и уродливой еще до того, как лгуна сняла с нее кожу и надела на себя, как костюм. Дряблая кожа, расписанная сеткой сосудов, обвисшая грудь, как переспелая груша, хлопала по выпуклому лягушачьему животу и неожиданно худые цыплячьи ноги. Зубастый рот широко улыбался синеватыми губами. Рыхлый нос картошкой, всклокоченные седые волосы. Единственно, что было в ней красивого, — это ярко-карие глаза, задорные и блестящие.

На старую кожу ломаными линиями ложились шрамы — на шее, груди, спине, вдоль рук и ног. Уродливые шишковатые наросты, сочащиеся гноем и распухающие краснотой. В лицо дохнуло теплым кисловатым запахом. Пахло не молоком и сыром, пахло расползающейся по швам шкурой лгуны. Скоро ей или ему понадобится новая, если оно не хочет умереть. А оно не хочет. Но этот вид заложника без костюмчика долго не живет, час или два, самые сильные и упорные три.

Денис угадал: есть я больше не хотела.

То, что выглядело, как старая больная женщина, захихикало полубезумным кокетливым смехом. Я опустила глаза. Да, уродство притягивает не меньше, чем красота.

Лениво вращаемое чужими руками коромысло остановилось, и мужчина — пленник сделал шаг навстречу. Я была права, раз Мартына не было в камере, он был где-то еще. Здесь.

— Как договаривались, — кивнул целитель, протягивая руку Денису.

Их ладони соприкоснулись и глаза парня налились яркой зеленью, магия пробежалась по руке одного и влилась в синеглазого тюремщика.

Мартын издал тихий хрип и повалился корпусом на деревянное коромысло. Лгуна снова гаденько захихикала. Я подскочила к парню и аккуратно приподняла поникшую голову, и закусил губу, когда собственная боль прострелила руку до локтя. Из правой ноздри целителя текла тонкая струйка крови, но он улыбался.

— Что ты с ним сделал? — закричала я на потирающего ладонь Дениса.

— Тише, — прошептал целитель, опираясь на перекладину, цепь звякнула почти как моя, — Это не он. Это я сам.

— Десять минут, — кивнул синеглазый тюремщик и отступил в серый полумрак основного штрека.

— Хорошо, — проговорил парень, продолжая через силу улыбаться, и пояснил, — Я всего лишь заплатил за наш разговор.

— Раньше магия не роняла тебя на землю, — я присмотрелась к бледному покрытому разводами лицу, слипшиеся волосы падали на лоб грязными сосульками.

— Раньше я не носил этого, — Март указал на железный ошейник, кожа над кольцом была покрасневшей и зудящей. Плохо дело, если он не может вылечить такую малость. — Раньше чтобы срastить перелом, — он выразительно посмотрел на мою руку, и я тут же спрятала ее за спину. — Нужна была чайная ложка силы, теперь же я выплескиваю целый стакан, и большая часть впитывается этим, — он пробежался пальцами по железу. — Чтобы я не делал, ошейник впитывает, даже кислоту.

Раздался мелодичный перезвон. Я задрала голову, под светлым грубым потолком висел маленький медный колокольчик на веревке, которая в данный момент резко подергивалась. Коромысло качнулось, лгуна толкнула рукоять вперед.

— Отойди, — попросил парень. — Если не подадим воду наверх, спуститься охрана, а

нам этого совсем не нужно.

Мартын налег на свою часть коромысла и столб закрутился быстрее. Круг на полу никто не расчищал, он давно отполировался ногами пленников вращающих перекладину.

— Я подарила меняющий судьбу артефакт любовнице Простого, — покаялась я.

— Круто, — он показал мне большой палец. — Умудрилась подарить то, что и так принадлежит им по праву сильного. Талантище.

— Пашка здесь, в крайней камере, этажом выше, — снова сказала я.

— Знаю, — парень прошел мимо. — Мне пока нос не ломали.

Перекладина едва слышно поскрипывала. Старая лгуна и молодой целитель ходили по кругу, как заводные игрушки.

— За что с тобой так? — я обвела глазами овальный штрек. — С нами? Мы что-то натворили? Ты разговаривал с Простым?

— Меня пока не удостоили личной аудиенции, — целитель горько рассмеялся. — Я в первые сутки голос сорвал, пытаюсь докричаться хоть до кого-то. Награду обещал, угрожал, просил передать слова Хозяина восточнику.

— И?

— Ничего. Либо не передали, либо Простому нет до этого дела, — парень шумно выдохнул, налегая на рукоять, и вдруг серьезно добавил. — Ты должна убраться из цитадели до возвращения демона.

— Спасибо за идею, — я потерла пульсирующий лоб, — сама бы ни в жизнь не догадалась.

— Ты не поняла, — целитель сплюнул на песок вязкую слюну. — Ты должна забыть о нас: обо мне, Пашке, о морали и остальной человеческой шелухе. Использовать любую возможность, понимаешь? Хозяйская девка тебе обязана? Прекрасно вынуди помощь. Обманывай, обещай, ври что угодно, но уйди. Если потребуется, принеси Простому клятву верности. Да, низшие, переспи с ним, с вестником, с джином, со всеми разом за послабление, но исчезни из цитадели, поняла?

— Почему? Чем я отличаюсь от вас? — мне действительно было интересно, что он ответит.

— Тем, что тебя убьют в любом случае. Назло Седому и Легенде зимы, — он покачал головой, горьким выражением лица разом напомнив мне Константина. — Забудь о Юково. Идея самого начала была не ахти, и если б не приказ хозяина заглохла бы как старый москвич нашего препода по артефактам.

— Давно тебя потянуло в герои, да еще и посмертно? — спросила я, парень предпочел не ответить, продолжая налегать на коромысло. — Святые с вами и с вашими идеями. Иногда гадаю, кто из нас сошел с ума. Помнишь, мы говорили о перегибах? Переспать с Простым или еще с кем, самая идиотская мысль, которая тебя посещала. Не дорос еще такие советы давать. Вестник, этот урод, до меня не дотронется. Джина не видела, а Простой... посмотрел бы ты Киу, — я указала на свое лицо и тише добавила. — Все что во мне есть привлекательного сейчас — это боль. Они пьют ее глотками, и вряд ли захотят останавливаться. Никто не откажется от бутылки щекочущего небо шампанского.

— Значит, нам придется выпустить пузырьки, — теплая мозолистая рука ухватила меня за предплечье. — Низшие, я настолько ослаб, что без прикосновения не сведу и прыщ с задницы.

Глаза Мартына вновь вспыхнули. Ладонь стала горячей, кровь бросилась мне в лицо, в

переносицу вонзился с десятков раскаленных игл, а по правой ладони затанцевали искорки. Так бывает, когда поджигаешь бенгальский огонь над новогодним столом. Его искры оставляют на скатертях и салатах черных хлопья и разбегаются по рукам мелкими муравьиными укусами.

Целитель закатил глаза и упал под перекладину. Коромысло замедлило ход, колокольчик над головой снова зазвенел. Лгуна зарычала, продолжая толкать свою часть рычага. Коромысло уже прошло четверть оборота. Прикованная к нему цепочка натягивалась, ошейником врезаясь в кожу бессознательного парня. Еще немного и она потащит его за собой.

В штрек вбежал синеглазый тюремщик.

— Помоги, — закричала я, стараясь поднять Мартына.

Лгуне было плевать на парня, она давила и давила на перекладину. Тут быстро учат людей делать только то, что им положено. И нелюдей тоже.

— Да помоги же!

Денис прыгнул в круг, закинул руку парня себе на плечо и приподнял, ставя на подгибающиеся ноги. Я уперлась ладонями в коромысло, мельком отметив тот факт, что мизинец хоть все еще и выглядел прищемленным дверью, но сгибался без всякой боли. Кость стала целой. Штырь, который кто-то вкручивал в лоб над бровью, тоже исчез. Нос, покрытый разводами и пылью, снова стал частью лица, а не чем-то пульсирующим и чужеродным. Святые, и за что я раньше не любила целителей, не напомните?

Рукоять неохотно пошла вперед. Колокольчик замолк. Но еще несколько минут мы со лгуной крутили столб, а тюремщик шел следом, придерживая Мартына, как пса прикованного цепью. Кровь из носа парня капала, впитываясь в светлый песок у нас под ногами.

О железной двери я вспомнила через час, после того, как меня вывели из подземелья и снова предоставили самой себе. Казалось, никому нет дела, кто бродит у них по лестницам и пустынным коридорам. Правда, я насчитала все два наземных этажа, ограниченных с двух сторон башнями с лестницами, плюс три подземных, и очень сильно сомневалась, что обошла всю Желтую цитадель. Вестник сказал: «доступ по первому кругу», видимо, это и есть его пределы. А остальное человеку видеть не по чину.

Я сидела на подоконнике и всматривалась в сухие ветки и листья, катаемые ветром по плотной, словно утоптанной земле. Мысль о двери пришла сразу после того, как идея сигануть в это самое окно уже перестала казаться абсурдной, а стала обрастать все более привлекательными чертами. Вот тогда-то и всплыло воспоминание о двери рядом с караулкой.

Цепь громко звякала о ступени, пока я, поминутно оглядываясь, спускалась вниз. Но коридоры оставались пусты, лишь с самого нижнего подвального этажа слышались равномерные удары кирки о камень. Тихая, мирная жизнь Желтой цитадели, и чего ее все так боятся?

Минут три я стояла перед железным полотном, не решаясь взяться за ручку. Там могла быть как кирпичная стена, так и дорога к ушедшим. Или еще хуже, каморка с особоченными швабрами. Дверь могла не открыться, браслет от кандалов мог «вспомнить», для чего повешен, да много чего могло произойти... Но я слишком много времени провела среди нечисти, и уже не могла пройти мимо закрытой неизвестности, даже если в ней сидел волк.

Особенно если он там сидел. А может, это ген любопытства, присущий всем женщинам еще со времен сказки о Синей Бороде. Но одно знала точно, время истекало, вода молчала... да какая к низшим разница, почему я хотела открыть эту дверь, и почему все еще медлила, тупо плясь на круглые тронутые ржавчиной заклепки. Я выдохнула и потянула ручку.

Все оказалось прозаичнее. Иногда, мы полагаем себя гораздо более важной персоной, чем являемся на самом деле. Дверь не запирали. И вела она в сад. Понятно, почему здесь оборудовали караулку, и также понятно, почему в ней играли в карты, а не заряжали оружие.

Но в первый момент, когда я ступила под солнечные лучи, и вдохнула холодный воздух, сердце радостно забилось, а невозможная надежда расправила крылья.

Это был скудный сад. Несколько деревьев с пожелтевшими листьями, подчеркивали осеннюю обнаженность окружающего пейзажа. Солнце было ярким, но холодным, редкие облака тенью набегали то на один, то на другой его край. Кусты диких роз свернули чуть тронутые краснотой листья, сбрасывая их по одному. Две скамейки из такого же железа, как и ступени лестницы цитадели. И все это заперто в четырех стенах, но не тех, что складывают из монолитных блоков или обожженного кирпича. А других — подвижных, изменяющихся, состоявших из миллиардов крупинок песка, поднятых в воздух магией.

Я бегом миновала сухой кустарник, не оглядываясь и не давая себе труда задуматься о том, что вижу и куда бегу. Солнце било в глаза, слабый ветерок обдувал лицо. Секунда нерешительности и я ступила за границу сада. Поднятый в воздух песок, это не забор из досок, и не сетка — рабица. Это всего лишь воздух и грязь. Маленький человеческий шагок, и меня едва не сбил с ног порыв ветра. Еще совсем недавно ласковое касание превратилось в ураганный смерч. В лицо полетели колючие горсти, не позволяя ни дышать, ни смотреть, ни понимать. Маленький дворик ограждали не заборы и стены, а песчаная буря. Сад был островком спокойствия, в пылевом безумии.

С первой попытки я осилила пять шагов, со второй — семь. И вынуждена была вернуться, кашляя, закрывая глаза руками и отплевываясь. Все просто — идти дальше и умереть сейчас или вернуться и умереть позднее. Снова иллюзия выбора. Дверь не охраняли, потому что сбежать отсюда без противогаза невозможно. Сад был отрезан от мира.

Может быть, я подозревала, что-то подобное еще до того как вышла в сад. Подозревала, что дверей, за которые заглядывать не положено, мне просто не покажут. Зачем сторожить пленника неспособного найти выход из клетки?

Я стояла перед стеной песка, задрав голову, стараясь отдышаться и смириться с очередным поражением. Там, вверху была недостижимая свобода, свобода голубого неба с бегущими облаками.

Сад оказался невелик, вполне сравним с двенадцатью сотками приусадебного хозяйства бабушки. Здесь не было ни вытоптаных тропинок, и любовно выращенных клумб. Я обошла его минут за десять.

Пожухшие кусты, прошлогодняя трава, скребущее каменное крошево под ногами. И могила вместо альпийской горки. Одинокое старое захоронение. Неожиданность для нашей тили-мили-трындии, где тела, становятся сырьем для колдунов или пищей падальщиков. Трупы не принято закапывать в землю. Их либо сжигают родне назло, либо используют по назначению. Сразу вспомнился Парк-на-костях, но там могилы не трогали потому, что не знали чьи они, потому что они были там еще до того как по стежкам ступили люди и нелюди и основали поселение. Здесь я видела второе исключение из правил.

От входа захоронение загоразивал ряд невысоких жердей, воткнутых в землю. Их обвивали сухие плети дикого гороха, нити паутины с застрявшим в них мусором соединяли побеги серыми нитями. Я обошла шпалеры, и едва не наступила на вросшую в землю надгробную плиту. От таблички мало что осталось. Раскрошившийся по углам камень, усыпанной листвой, над которым возвышалась невысокая статуя из потемневшего почти черного металла. Коленопреклоненная миниатюрная девушка задумчиво смотрела на стену беснующегося метра в пяти песка. По коже побежали мурашки. Она была столь же красива, как и при жизни. Киу в старомодной легкой одежде преклонила колени перед надгробием и замерла. Навсегда.

Я стала счищать листья со старого камня, надпись почти стерлась, но ровные строки инописи едва угадывались на неровной поверхности.

— Ор тессеешь, наорочи, — раздался шелестящий голос.

Я подняла голову. Слезы не оставили на ее лице никаких следов. Оно было таким же светлым и нежным. Всегда завидовала таким девушкам, я после того, как наревусь к людям и к зеркалу не подхожу, опухшие глаза и красный нос — не то зрелище что повышает настроение.

— Скажи мне, что это твоя сестра близнец. Или двоюродная бабушка, в которую ты уродилась, — попросила я, зная, что она все равно не поймет ни слова, а если и ответит, не пойму ни слова уже я.

Киу подошла ближе и ласково сняла с коленопреклоненной статуи опавший листик.

— Гаро — она посмотрела мне прямо в глаза, и кивнула.

— Хотела бы я знать, с чем ты соглашаешься.

— Гаро, — повторила девушка, и стянула с руки нежную лавандовую перчатку, — Со, — она указала пальчиком сперва на статую, потом на себя, — Киу. Гаро — повторила она.

И с размаху опустила кулак на каменную плиту, будто хотела разбить ее. Вот только разбился не камень, а рука. Фарфоровая кожа пошла трещинами и разлетелась на куски, словно крынку, покрытую белой глазурью, на пол уронили. Рука Киу осталась на месте. Настоящая рука, та, что скрывалась под гляncем фарфора. Тонкое прозрачное запястье, сквозь которые видны ровные буквы инописи.

Киу подняла ладонь и провела по моей щеке. Я ничего не почувствовала. Совсем. Привидения живут в отличной от нашей реальности, но Простой похоже нашел способ их совместить. Он заключил приведение в глиняное тело. И самое страшное, что у него получилось.

— Наорочи, — позвала она.

— Да, Киу, — мне было так ее жаль, что слова просто застревали в горле.

Как сказал баюн, смерть — это точка, к которой ничего нельзя убавить и прибавить. Но посмотришь на эту девушку, и верится с трудом.

А ведь она наверняка была когда-то человеком, таким же, как я. Смертная девушка, приглянувшаяся хозяину предела и ставшая его игрушкой. А потом умершая. Даже в длинном, растянутом времени внутреннего круга люди уходят быстрее нечисти. Если им дают этого сделать.

Глядя на памятник мертвой девушки, на ее неживое воплощение, я представила, как Кирилл заключает мою душу в другое тело. Хотя нет, на визирга не тяну, скорее уж на каменную куколку. Может, он сделает это не сам, а по просьбе Алисы, и меня будет ждать

вечность в каменном теле голема. К горлу подкатила тошнота. Не хочу. Как сказал тот мальчик, мне не нужен еще один шанс, я и с первым-то не знаю, что делать. Но люди умирают быстро.

— Сарам, — Киу встала, взялась целой рукой за мое запястье и потянула за собой. Это мы уже проходили, и я не видела повода сопротивляться.

Привидению, которое не мерзнет, не спит, не ест и не нуждается в крыше над головой, отвели две просторные комнаты на втором этаже. Перед тем как войти следом за девушкой я оглядела коридор. Готова спорить, что когда проходила здесь несколькими часами ранее, этой деревянной двери с резными листьями не было.

Первая комната выглядела как мастерская, в которой одновременно рисовали, строгали, лепили, паяли, мастерили, вязали, шили, и святые еще знает что делали. Вторая..., во вторую меня не пригласили и все, что удалось рассмотреть, это угол кровати под резным столбиком балдахина.

Девушка оглядела беспорядок с некоторой растерянностью взяла со стола белую коробку и протянула мне. Я взяла. Видимо, намечался еще один обмен подарками.

Киу тут же выхватила ее обратно, выкрикнула несколько гортанных фраз, встряхнула белым прямоугольником и изобразила походку то ли аиста, то ли солдата на параде.

— Ага, — ответила я, не поняв ни жеста из ее пантомимы.

Она с досадой перекинула коробку из одной руки в другую, забыв, что совсем недавно расколола ее о каменную плиту. Картонка упала на пол, крышка отлетела в сторону. Внутри было пусто. Мне пытались втюхать упаковку от подарка.

Я развела руками.

Девушка выдохнула и как-то разом успокоилась. Подняла коробку и поставила на стол и отошла к стоящему у окна мольберту. Киу столкнула на пол большой лист картона с разноцветными психоделическими разводами, поставила на его место чистый, и взялась за кисть.

На белом полотне картона штрих за штрихом стал проступать черный рисунок. Схематичный, немного корявый человечек с коробкой в руках. И этот человечек куда-то шел.

— Ты хочешь, чтобы я отнесла коробку? Куда?

Киу покачала головой, мои слова для нее были такой же инописью. Я взяла вторую кисть, окунула в зеленую краску, нарисовала идущую от человечка стрелку и поставила большой знак вопроса. Меня интересовал получатель, раз уж личность посыльного была очевидна.

Девушка поняла и указала рукой на висящую на противоположной стене картину. Большой, занимающий полстены холст в багровых тонах. Красное закатное небо, коричневая земля, высокие, очень высокие деревья, одетые в золотистые листья. На первом плане серое надгробие с нарисованным на нем равносторонним крестом заключенным в круг. Очень похоже на колесо. Над могилой стояла девушка, точная копия той, что сидела в саду и той, что сейчас указывала на полотно тонкой несуществующей рукой.

Я знала это место. Не само захоронение, их там несколько десятков, а то и сотен, а парк в котором росли деревья великаны, которые не тронул даже огонь. Я помнила ночь в Заячьем холме, помнила теней и пламя.

— Гаро, — ответила я, подражая ее гортанному выговору.

— Гаро, наорочи.

Она снова скинула белую крышку, осторожно вытащила из-под завала на стуле кольца доспеха и моток целлофана, в котором темнела кость. Киу складывала артефакт в коробку с таким почтением словно это была величайшая ценность, сопровождая действия короткой напутственной фразой, произнесенной благоговейным шепотом. Третьей и последней вещью, отправившейся в картонку, оказалась маленькая с мизинец куколка — статуэтка. Бирюзовый цилиндрик тела и круг головы, с черными, подстриженными под каре волосами. Такому самое место на брелке с ключами. Но больше всего меня насторожило то, что держала ее девушка несуществующей рукой, и игрушка совсем не собиралась падать. Я слышала об этом, но никогда не видела. Не просто красивый предмет, а якорь. Амулет, держащий призрак в нашем мире, единственное до чего он может дотрагиваться.

Киу закрыла коробку и перевязала знакомой веревкой и с измочаленным и окрашенным в коричневый цвет концом. Теперь это снова стало похоже на подарок. Или на посылку, которую нужно было доставить на могилу неизвестного.

Я поставила ногу на заваленный лоскутками ткани стул и приподняла штанину, указав на браслет кандалов.

— Боюсь, я чуть-чуть несвободна.

В ее черных глазах отразилось непонимание. Цепочка браслета звякнула, но не особо ее заинтересовала. Я снова подошла к мольберту и нарисовала поверх ее черного человечка зеленую решетку.

— Я ничего никуда не могу отнести.

Вода вернулась, когда из отпущенных суток прошло уже часов двадцать.

Плинок-плинок.

Я села на кушетке, где без всякого толка валялась, разглядывая потолок. Была у меня, нет даже не идея, а скорее мысль, отчего вода взяла столь неожиданный перерыв, но теперь с ней придется распротиться.

Станный звук проходил сквозь холодную колючую стену комнаты и ввинчивался прямо в голову.

Плинок-плинок.

Невидимая вода словно срывалась с камней и звонко ударялась о них же. Капель снова двигалась, истончаясь, уходила вправо, в ту сторону где была лестница. Но разве может звук ходить по ступням?

Плинок-плинок.

Я обошла стол, пару стульев, задела бедром кровать, зашипела и бросилась к двери. Но та, еще минуту такая настоящая, словно в насмешку растворилась в песочной стене. Руки впустую уперлись в камень. Выход исчез. Совсем.

Плинок-плинок.

— Что за черт!

Я застучала по стене, сначала ладонями, потом кулаками.

— Эй! Эй! Есть там кто! — кричала я, прекрасно понимая, что сквозь камень звуки не проходят, эту цитадель тоже строила нечисть и для нечисти.

Я смутно помнила, как, бродя по коридорам и одурев от безделья, поднялась на второй этаж, свернула в третью комнату от лестницы и минут десять играла в игру «найди десять отличий». Опять одинаковая мебель, будто они сразу оптовую партию заказали. Значит, лестница совсем рядом.

Плинок-плинк.

Но это вряд ли мне поможет. Я пробежала вдоль стены, как слепая ощупывая ее дрожащими руками, все еще не в силах поверить, что выхода нет. Пальцы царапали твердый камень, сдирая кожу и оставляя за собой красные следы. Всего несколько часов относительной свободы в череде одинаковых и не очень комнат и исчезнувшая дверь кажется чем-то невозможным. Чем-то неправильным.

Плинок-плинк-плинк.

Невидимая вода уже, была прямо здесь, заливала пол, я слышала ее мягкое плескание.

Плинок-плинк-плинк — п्लीиииннк.

Последняя отчаянная мысль о том, что неплохо было бы залезть под кровать. Хотя, вру, была еще одна. Чтобы все закончилось быстро. Чтобы раз и все, без боли и без агонии.

Пол пошел трещинами. Комната вздрогнула, от потолка откололся большой камень и грохнулся о пол, развалившись на части. Сверху потекла струйка песка. Цитадель еще раз трянуло. Я зажмурилась, вжимаясь в стену. Святые!

И все кончилось. Стены остались стоять на месте.

Я недоверчиво открыла глаза, полотно двери проступило в метре левее. Песок продолжал сыпаться, но это была тонкий ручеек неспособный наполнить и песочницу, не то, что завалить комнату.

Руки не слушались, соскальзывая со ставшей осязаемой ручки. Дверь открылась, гулко стукнувшись о камень от слишком сильного рывка. Да я была в третьей комнате от начала коридора, от арки, от лестницы, которой больше не существовало. Влажный песок мягко скатывался с насыпи, уходящей далеко за оплавленную линию потолка.

— Руку, — услышала я, отдаленный крик.

Гора дрогнула, как тогда, под направленным на нее ключом вестника и стала проседать. Комки слипшегося песка, катились, разбиваясь, исчезая на нижних этажах, обнажая часть стены, и огрызок комнаты примыкавшей вплотную к лестнице.

— Держись, — раздался голос чуть выше.

Я подошла к неровной линии разлома, там, где пол и потолок коридора перечеркивала оплавленная дыра и посмотрела наверх. На третий этаж, где я никогда не была, как и на четвертом, и остальных. За остатки пола одной рукой цеплялся мужчина, вторая крепко сжимала каменное доисторическое кайло, хотя разумнее было бы его бросить. Тело долю секунды болталось в воздухе, а потом мужчина забросил инструмент, и рывком втянулся в верхний коридор.

— Идет за мной, да? — выкрикнула я вверх.

Он обернулся, сузил черные глаза, под которыми залегли глубокие тени. Аккуратная борода, присыпанная песком, была похожа на глиняную маску, закрывавшую нижнюю часть лица. Вестник вернулся в цитадель раньше срока, который сам же мне отмерял. Та дурацкая мысль, что вертелась в голове, как вертится слово на кончике языка. Догадка, для которой не было по сути, никаких оснований, кроме одного. Вода ушла вместе с вестником, с ним же и вернулась.

— А за мной ли? Сколько раз ты оказывался рядом? Дом справедливости, баня, цитадель. Может, и в остальных? — я увидела, как напряглось лицо мужчины, и поняла что угадала. — А заперли меня потому, что надеялись на... На что? Свалить на человека разрушение замка? На труп? Ха-ха, — я натужно рассмеялась. — Скажи, а Простой знает?

Из-за спины Радифа, выглянул ошарашенный Денис. Вестник зарычал, оттолкнулся и

перепрыгнул провал, проделанный водой в потолке. На волосы снова посыпался песок. Я слишком поздно поняла, что он собирается сделать, хотя, это уже не имело значения. Мужчина присел, ухватился рукой за край дыры и спрыгнул на второй этаж. Я честно попыталась убежать, но миновала лишь две двери, когда что-то по ощущениям похожее на кувалду обрушилось на спину, заставив пролететь еще полметра на полусогнутых ногах. Кувырнувшись, я упала на пол. Где-то рядом громко ударилось о камни то самое доисторическое кайло, что держал в руке Вестник. В голове зазвенело, по спине расползся холод, тут же сменившийся узкой как полоска стали болью, будто из меня пытались вытащить позвоночник.

Радиф неторопливо подошел и присев на корточки, заглянул в глаза. Его лицо выражало злое удовлетворение.

— На рассвете тебя отдадут лгуне, она давно заработала на новую шкуру, — он встал. — А когда она ею обзаведется, ее отправят к Седому. В подарок. И как знать, может новая наорочи понравиться севернику больше.

Слова, застревали где-то на пол дороге. Какой в них теперь толк? Никакого. Увидев Киу, я испугалась за личность, которую могли заставить жить и после смерти, но не думала о том, что они могут использовать не душу, а тело.

Боль острыми стальными полосками расплзалась от позвоночника к лопаткам, основанию шей, пояснице. Последнее, что я увидела, прежде чем закрыть глаза, — это синеглазого Дениса, все еще стоящего этажом выше. Тюремщик сжимал в руках маленькую фляжку — мой покойный дед в похожую самогон заливал. Не могу не согласиться, сейчас самое время выпить.

— Запереть, — приказал Вестник, поднимая с пола кайло, — и да, джараш знает.

Тот, которого нет

Хоть что-то хорошее из этого вышло. С меня сняли браслет от кандалов, покормили и заперли в уцелевшем после обвалов каменном мешке.

Лестницы в правой башне больше не было, как и самой башни. В камеру меня вели по второй, с противоположной стороны крыла. С десятков камер перестало существовать еще несколько дней назад, и сомневаюсь, что кого-нибудь заботила судьба сидевших там людей. Как и нечисти, что томилась этажом ниже. Я представила план подвала и даже немного порадовалась за Пашку, ее камера осталась в стороне от своеволия песка.

Принесли позавчерашний хлеб или позапозавчерашнюю кашу. Не скажу, что было вкусно, но я все съела. С утра меня должны были отдать лгуне. Жизнь заканчивалась хуже не придумаешь, но я запрещала себе об этом думать. Получалось плохо, картинка завтрашней казни то и дело вставала перед глазами. Пара часов болезненных метаний — и мозг устал настолько, что отключился.

Память любит подкидывать пищу для размышлений. Мы беззащитны перед ней, перед фактами и ложью, перед игрой в прятки, перед намеками и обрывками, что выталкивает подсознание. Никогда не знаешь, какой лоскуток прежней жизни всплывет в голове. И зачем он это сделает.

Я нырнула в полусон, в полуявь. В соседнем доме жил парень. Вернее, приезжал к тетке на праздники и выходные. Лет на восемь старше нашей дворовой компании. У него были все шансы стать ее предводителем. Тем, кто угостил нас первой сигаретой, играл на гитаре темными вечерами и дал попробовать портвейн. Тем, за кем пошли пацаны, и в кого влюбились все девчонки, а он выбрал бы самую красивую, вроде Маринки. Но он им не стал. Может, не умел играть на гитаре, а может, еще почему. Белобрысый, молчаливый, если не сказать угрюмый. Он всегда садился чуть поодаль, всегда только смотрел.

Я помню, как мы с девчонками хихикали, шептались и делали все остальное, до чего могли додуматься глупые двенадцатилетние подростки. К счастью, приезжал он нечасто, а иногда уезжала я, так что настойчивость его круглых глаз не успела беспокоить ни маму, ни бабушек на лавке.

Через четыре года он пригласил меня на свидание и сделал это не сам, к сожалению, ему бы я отказала сразу не задумываясь. С такими странными парнями девчонки не встречаются, даже не очень красивые.

Однажды субботним днем его тетка пришла к маме. Тогда мы знали по именам соседей не только по коммуналке, но и всех окрестных домов. Они вместе сажали цветы, сушили белье и решали, что делать с Петькой из первого подъезда, когда он в очередной раз разбил стекло на кухне бабы Любы из угловой квартиры. Ее окна были последними перед глухой стеной на торце, об которую так удобно пинать мяч, сама грешна.

Тетка Аля была доброй женщиной и, поскольку своих детей у нее не было, души не чаяла в племяннике. Они с мамой по-женски поболтали за блинами. Даже во сне рот наполнился слюной, никто не пек такие блинчики, как мама, и никто не варил такое вкусное земляничное варенье, как бабушка. Мама пришла в комнату через час, немного смущенная и растерянная, и попросила, вернее, предложила прогуляться по набережной с «хорошим мальчиком». Я умела отличать просьбы от мягких приказов. Это был приказ, немного

неловкий и беспокоящий что-то в ней самой. Никогда больше ни до ни после она не устраивала мне свиданий, но на то пришлось пойти.

Оно не было ужасным или прекрасным. Оно было никаким. Я мало что запомнила из прогулки. Мы шли на расстоянии полуметра друг от друга, молчали и смотрели, как ленивые волны Волги лижут каменную пристань. Он вроде что-то рассказывал, память, играя в прятки скрывала подробности. Я кивала, ежась под настойчивым тяжелым мужским взглядом. Вернувшись к дому, мы пошли каждый в свой подъезд. На прощанье я услышала самый искренний и самый неуклюжий комплимент в своей жизни.

— Ты такая красивая, когда не улыбаешься.

Несколько правдивых слов, которыми можно охарактеризовать мою улыбку. Через полтора года я встретила Кирилла и забыла обо всем. О его словах тоже. Но тогда это здорово разозлило. Я больше никогда не хотела с ним встречаться. Тем же вечером, побросав в рюкзак вещи, села на вечернюю электричку и уехала к бабушке. Не то чтобы специально, ведь стояло лето, и я бы все равно уехала. Наверное. Так что днем позже, днем раньше, не имело значения.

Как оказалось, у племянника соседки были другие планы. На следующий день парень пришел к нам с цветами, собираясь отвести меня в кино, на которое я якобы согласилась. Не помню, но вполне могла кивнуть, не особо слушая, что он там рассказывал или спрашивал, пока мы гуляли. Об этом неделю спустя рассказала мне мама. Больше он не приходил, а если и приезжал к тетке, то наши пути не пересекались.

Став старше, я иногда представляла, как он стоит на пороге в отглаженной форме с гладиолусами в руках, а женщина с натруженными руками объясняет ему, куда уехала ее своенравная дочь. Мне было уже не двенадцать, чтобы с восторгом гонять по просторам на велике и купаться с пацанами в пруду, шестнадцатилетней девушке город казался более привлекательным. Но я уехала от его прибывающего к земле взгляда и неловких комплиментов.

Дураком он не был и больше не приходил. Его жизнь сложилась более или менее удачно: работа, семья, дети и, надеюсь, внуки. Меня ничего больше не связывало с тем парнем. Но иногда среди ночи я ни с того ни с сего просыпалась от настойчивого взгляда синих глаз.

Я рывком села в ящике с песком, заменяющем здесь кровать. Спину тут же прострелило щемящей болью.

— Он был конвоиром, — прошептала я, вспомнив серо-зеленую форму, натягивающуюся на широких плечах.

Парень пришел из армии и устроился в службу исполнения наказаний, где работал его отец. В этой форме он был в то наше единственное свидание. Воспоминание всплыло внезапно, как обрывок сна, как его продолжение. Память капризна и своенравна. Я вспомнила его одежду, но начисто забыла имя.

С трудом сев, я протерла глаза. Темнота так и осталась темнотой, в этот раз на лампу никто не расщедрился. Святые, как же надоел песок!

То, что утро уже наступило, я поняла, когда проступившая на стене дверь распахнулась, впуская в камеру поток тусклого, но с непривычки все равно режущего глаза, света. Еще минуту назад казалось, время тянется бесконечно, и вот его уже не осталось.

Гортанный скрипучий голос отдал сухой приказ. Сердце заколотилось о ребра, в безумной непонятной надежде. Через порог камеры Киу переступила одна. На вид обычная

девушка в джинсах и тунике. Перчатки, на этот раз белые, закрывали руки до плеч.

— Наорочи, — просипела гостья Простого.

— Киу, — ответила я.

Она стояла в прямоугольнике света, напряженная, такая тоненькая и эфемерная, словно ненастоящая.

— Сколько у меня времени? — спросила я, постучав указательным пальцем по запястью.

Девушка ответила гортанной фразой и со злостью пнула песочную стену ногой в элегантной туфельке.

— Согласна, — фыркнула я, происходящее мне тоже мало чем нравилось.

Она в два шага оказалась рядом и заглянула в лицо.

— Гаро, наорочи?

— Гаро, Киу, — ответила я.

Какой теперь смысл выяснять, что она имела в виду? Никакого. Можно соглашаться со всем.

Киу прикрыла глаза, выпрямилась и кивнула, словно приняв решение. Она медленно подняла руку, сжатая в кулак рука в перчатке раскрылась. На ладони лежала маленькая куколка — статуэтка из неизвестного камня или дерева.

— Со Киу, тажан, — она вложила бирюзовую поделку мне в ладонь и крепко сомкнула пальцы. — Гаро?

Сотни вопросов вертелись в голове, но я не задала ни один. Она вручила мне якорь души, предмет, через который я могла бы влиять на призрак, если б умела. Пальцы скользнули по гладкой поверхности статуэтки. Не отрывая глаз от напряженного лица девушки, я сунула игрушку в карман джинс.

— Гаро.

Я не понимала смысла подарка, но раз она доверяла мне, решила довериться ей.

Киу отступила, задев ногой железную миску из-под каши, в темноте я просто бросила ее на пол, и вышла не оглядываясь. Нарисованная дверь качнулась, свет мигнул, языки пламени мигнули и исчезли.

Время я так и не узнала. Сколько минут или часов прошло, прежде чем дверь открылась второй раз, неизвестно. Но я успела много о чем подумать, много придумать и вспомнить. Например, кайло, которое я видела в руках Вестника один-единственный раз, когда он висел, цепляясь за потолок. Или о перемещении воды по ступеням, словно она имела ноги. Попыталась представить Радифа плечом к плечу с пленниками, вгрызающимися в твердую породу камня, расширяющих владения Желтой цитадели. Сюрреалистическая вышла картинка. Скорее, он кому-нибудь головы им пробьет.

Так зачем ему инструмент? Его кирка чем-то отличалась от остальных? Я старательно вспоминала. Одно отличие все же нашлось. Его кайло было каменным, тогда как те, что были свалены у стены, и те, что носил на плече Денис, мягко поблескивали металлом. Что это могло значить? Ничего. Или все.

Замок разрушает вода, и не просто влага, а чистая вода из источника, которого тут нет. Как он мог здесь оказаться? Простой вопрос — простой ответ. Что-то или кто-то его вызвал. Вряд ли ошибусь, предположив, что замок — это артефакт, по аналогии с Серой цитаделью. Его стены живые, и источнику, чтобы выйти на поверхность, нужно их разрушить, чем он и занимался.

От открывшихся перспектив у меня заломило зубы. В мире существовал артефакт, способный вызвать на поверхность чистую воду там, где она никогда бы не вышла. И его владелец не делал из этого секрета. Кайло Видящего, заключившего союз с Седым. Плюс передел территорий, предвоенное положение. Неужели «дети» втянули Простого в свою возню в песочнице и притащили с собой целое ведро воды?

Почему я одна ее слышу? Потому что человек? Чистая вода — чистый человек, не очень сложная ассоциация. Так в Желтой цитадели был еще один чистый с синими глазами. Но он по большей степени молчал.

Очередное появление двери я встретила, морщась от боли в спине и стараясь отогнать страх. Но тот упорно не желал расставаться с так понравившейся ему добычей. Неужели все? Холод побежал по позвоночнику, подавить дрожь не удалось. Я боялась и больше не могла скрывать этого даже от самой себя.

Что толку с пришедших в голову догадок и предположений? Здесь человека вряд ли кто удосужится выслушать. Зачем мне спасать песчаные стены? Пусть рушатся, хоть посмеюсь напоследок.

В камеру широким размашистым шагом вошел Денис. В глубине его синих глаз была растерянность и какая-то странная обида, словно это его, а не меня собрались сейчас казнить.

— Жаль, что это ты, — едва слышно сказал тюремщик, мужчина, с которым мы едва перемолвились парой слов, жалел почти незнакомого человека.

— Не представляешь, как жаль мне, — голос внезапно охрип, — пора?

— Да, пора, — он сожалением кивнул.

Хотела бы я сказать, что шла к месту казни с высоко поднятой головой, полная презрительного достоинства. Увы... Меня тащили двое. А я брыкалась, плевалась и выла на всю цитадель.

Все сплелось в один бесконечный хоровод из мелькающих песочных стен, знакомых и незнакомых лиц и волны всеобъемлющего ужаса, поднимающейся откуда-то из глубины, где нет места ни личности, ни разума, есть лишь животный страх.

Меня притащили на минус третий, в грубый прямой штрек, расходящийся на два. И прежде чем меня швырнули в левый, я даже успела увидеть дикие глаза Мартына, все еще сжимающего и толкающего рукоять, и отвратительно довольную морду лгуны.

В левом штреке горели многочисленные светильники, создавая едва ли не торжественную обстановку. Колеблющиеся огни, оставляющие болезненные отпечатки на сетчатке. Судя по потолку, это ответвление было чуть меньше правого, неровной, ломаной формы. Двое охранников, на допросе которых я еще недавно присутствовала, деловито затащили меня на матово поблескивающий металлом стол и зафиксировали руки и ноги кожаными ремнями.

Дыхание было шумным и силным, как у больного пневмонией, из горла уже давно не выходило ничего членораздельного.

Сейчас я бы, не задумываясь, променяла подвал на спальню Простого, холодный стол на кровать. И еще поблагодарила за предоставленную возможность. Не выйдет из меня героини эпоса.

Денис деловито расстегнул мою рубашку, откидывая полы в разные стороны, обнажая живот и грудь в старомодном бежевом бюстгальтере. Знала бы, что меня ждет, надела что-нибудь симпатичное. Или, что еще скорее, сиганула из окна, не дожидаясь развязки. Святые,

о чем я думаю на пороге вечности?

Синеглазый тюремщик достал нож. Меня затрясло так, что голова с глухим звуком ударилась о железо, зубы клацнули. Мужчина придержал ладонью подергивающуюся ногу и вспорол штанину. Отстранился, посмотрел на дело рук своих, словно художник на вазу с фруктами для натюрморта и перешел к второй ноге. Я стиснула зубы, загоняя отчаянный крик обратно. Боли пока не было, лишь один страх, животный ужас перед грядущим. По лицу потекли беспомощные слезы. К разделочному столу приблизился Радиф, взмахом руки отсылая синеглазого в сторону.

Ярость Вестника утихла, он был бледен, но спокоен. Я смотрела в черные глаза, чувствуя, как внутри все дрожит, как к страху примешивается ненависть.

— Доброе утро, — поприветствовал мужчину, словно мы пили утренний кофе, — есть предложение. Первое и последнее. Твоя душа в обмен на жизнь. От тебя требуется лишь сказать «да», — он выжидательно поднял брови.

Слезы все текли и текли. Я не могла остановить их, как не могла открыть рот и сказать «да». Как не могла сказать «нет».

Вот оно, избавление, на расстоянии вытянутой руки. Согласись — и металлический холод стола, ремни, что впиваются в кожу, паскудный взгляд лгуны и яркий свет ламп останется позади. Избавление, после которого я вполне могу завязать петлю под потолком и шагнуть с табурета. Вот только это мне уже не поможет. Ничто не поможет. Моей смертью отныне будут распоряжаться другие. Как и жизнью. Заложнице Востока не будет хода на север. Ей не позволят подойти к Легенде Зимы, а если и позволят, то только для того, чтобы одна перегрызла горло другой. Это даже не инстинкт, это суть, отражение мироустройства, его не изменить никакими медальонами матери.

И отказаться я тоже не могла. Будь на месте Радифа Александр, другой Вестник, Северный вестник, я бы дала согласие еще до того, как он успел предложить сделку.

Я продолжала глотать беспомощные злые слезы, не в силах согласиться, и не в силах отказать. Но нечисти не нужны слова. Торговец душами не стал повторять, грозить или уговаривать, он втянул в себя мой страх, словно аромат аппетитного кушанья и отошел. Я испытала крохотное, едва осязаемое облегчение, оно было почти кощунственным на фоне всего того, что происходило, потому что будь у Простого Вестник искушеннее, а не тот, кто сперва бьет, а потом разговаривает, уверена, они бы меня сломали.

Шумное дыхание выходило из груди неровными судорожными толчками. Каждую секунду я ожидала увидеть над собой зубастую лягушачью улыбку лгуны. Только одна мысль помогала сдерживаться, не давала превратиться в воющее обезумевшее создание — так или иначе, все скоро кончиться. Надо потерпеть и постараться умереть быстро.

Святые, помогите! Высшим мастерством у низших, живущих за счет других, считается умение снять кожу с человека, пока тот еще жив. Агония должна продолжаться. Это будет настолько скверно, что и представить сложно.

Я сосредоточилась на потолке, на неровных ломаных линиях, на чуть более темном пятне. Перед глазами все расплывалось. Я снова затряслась, как осиновый лист, и не могла остановиться.

В шпрек вошли трое, двое на своих ногах, а третий невидимым холодным воздухом пробежал по коже. Я помнила это липкое прикосновение, но от страха мало что соображала. Сила Простого сгустилась в шпреке, заставляя всех присутствующих замирать в почтительном ожидании. Хозяин Востока был невидим, но никто не сомневался в его

присутствии. Одной из тех, кто пришел поглазеть на казнь, оказалась Киу, ее черные глаза встретились с моими карими.

«Гаро, наорочи», — эхом пронеслись в голове чуждые слова.

Уродливая и обнаженная лгуна, позвякивая длинной цепью, сделала шаг к столу. Мир сузился до заостренных серых ногтей на узловатой старческой руке. В лицо снова пахнуло теплым молоком и молодым сыром.

Плинок-плинк.

Я вздрогнула, и это непонятным образом помогло унять дрожь. Но никто не обратил внимания, жертве дергаться по сценарию положено. Лгуна мягко провела рукой по обнаженной ноге. Один раз я видела, как Веник так же ласкал труп.

Плинок-плинк.

Сухой колючий ветер закружился под потолком. Пальцы лгуны поднялись к животу, обрисовали пупок. В свете огненных фитилей блеснул каменный цветок на ее шее.

«Не смотри, — приказала я себе. — Не думай. Уйди в такое место, где они тебя не достанут. Туда, где у тебя есть семья: муж, дочь, дом и уверенность в том, что тебя любят. Уйди в воспоминания. Пусть они будут последним, что увидит воспаленное воображение. Это, а не собственные дымящиеся кишки на полу».

Короткая острая боль, и кожа на животе разошлась под нажимом острого ногтя, чужой палец погрузился в кровь.

Я застонала.

Один из мужчин, притащивших меня сюда, с улыбкой сказал что-то Денису, тот ответил, Радиф шикнул на обоих, словно зритель в кино, которого отвлекают от происходящего на экране шумные соседи.

Плинок-плинк.

Святые, помогите! Не выдержу, знаю, что не смогу, расползусь, как желе.

Я повернула голову и встретилась взглядом с Киу. Девушка не улыбалась, она смотрела и словно чего-то ждала. Чего?

Плинок-плинк.

Коготь лгуны заскользил выше, едва касаясь расходящейся кожи. Сухой ветер бросил песок в лицо. Киу закрыла глаза и упала, словно героиня романа о любви. Просто взяла и осела сломанной куклой на пол.

Плинок-плинк-плинк.

К девушке подскочил Радиф, поднимая за безвольно мотающуюся на тонкой шее голову. Взметнулся песок. Денис вдруг оказался рядом и оттолкнул от меня не обращающую ни на что внимания лгуну. Один из швов на груди твари лопнул, и по дряблой коже потек остро пахнущий гной. Заложница огрызнулась, и он ударил ее кулаком в лицо, снимая раздутый нос. Мне на щеку брызнула горячая кровь, и то, что выглядело, как старая больная женщина, упало куда-то вниз. Тюремщик расстегнул ремень на правой руке.

Плинок-плинк-плинк — плинок.

Звук набирал обороты, ускоряясь и приближаясь, шаг за шагом.

У стола возник Радиф с искаженным от ярости лицом.

— Пошел вон, — рявкнул на Дениса Вестник, и тюремщик отпрянул.

Я почувствовала горячий комочек у бедра, словно в карман запихнули вынутый из печки уголек. Статуэтка девушки! Ее якорь!

— Гаро, наорочи? — прошелестело в ушах, на этот раз я была уверена, что это не

воображение.

— Гаро, Киу.

Глаза Радифа округлились, он издал рык и теперь уже сам схватился за ремень, удерживающий вторую руку.

Уголек в кармане прожег ткань и коснулся кожи. Я замычала, кусая губы.

«Со Киу», — сказала девушка, вручая ее.

Понимание было мгновенным и острым, как удар ножом. Я вдруг осознала, что знаю все что она говорила мне. Все до последнего слова. И поняла, на что с таким упорством дала согласие.

«Она Киу. Она Киу. Она Киу. Она Киу», — слова повторялись в голове, словно запись на заезженной, заикающейся пластинке.

Волна чужой души накрыла меня с головой, втекая сквозь поры прямо внутрь, просачиваясь под кожу и наполняя тело невероятной свинцовой тяжестью. Она и я теперь едины. Призрак, как и бес, — бестелесное создание, и ему тоже нужно согласие «костюма» на вселение. Я свое дала. Мертвая девушка была внутри меня.

Плинок-плинок-плинок — плинк-плинк.

Киу ударила Радифа. Ударила моей рукой, разорвав кожаную петлю, словно та была бумажной. Удовольствие от удара в ненавистное лицо получили мы обе.

— Тварь, — Радиф вытер с поцарапанной щеки кровь и, резко развернувшись, исчез из поля зрения.

Тяжесть, наливавшая мышцы, вдруг исчезла, собираясь, съеживаясь до едва осязаемого уголька в чудом сохранившемся кармане разорванных штанов.

Плинок-плинок-плинок — плинк-плинк.

Пятно на потолке, раньше едва заметное, сейчас казалось черной набухающей кляксой, пульсирующей в такт каждому удару невидимой капли. Я села, судорожно дергая за ремни на ногах, ломая ногти и сдирая со щиколоток кожу. Нужна всего пара секунд, чтобы расстегнуть, всего чуть-чуть, чтобы освободиться...

Пллиииннк.

Выход из штрека был так же далек, как и Дивное городище. Брюхо темного пятна на потолке разошлось, извергая в лавину песка. Я успела выдернуть ногу из кожаной петли и прыгнула вниз, под железное ложе устаревшей медицинской кушетки, с которой давным-давно оторвали клеенчатый матрас. Я забила под нее, как маленькая девочка забивается под кровать в ожидании чего-то настолько страшного, что тьма под ней кажется уютной. Последнее, что я сделала, прежде чем меня погребло под рухнувшим потолком, — это отпихнула ногой вяло шевелящуюся лгуну.

А потом мир упал, окружая влажной тяжестью и тишиной.

Ножки кушетки подломились, основание приземлилось на спину. Удар был страшен, из тех, что заставляют забыть собственное имя. Святые! Я захрипела, дыхание стало почти непосильной задачей, на спине словно выстроили дом. Со всех сторон двигалась влажная сыпучая темнота. Ладони ушли в песок, грудь сдавило сильнее, в глазах заплясали белые искры.

Словно почувствовав мое отчаяние, по телу разлилась свинцовая тяжесть чужого присутствия, сила потустороннего существа наполнила суставы. Киу снова нырнула в тело. И снова меня спасла. Иначе лежать бы мне раздавленной под рухнувшими перекрытиями. То, что рвало ремни, словно бумагу, что смогло разбить скулу Радифу, позволило мне

продержаться несколько минут, необходимых, чтобы Простой или его Вестник вернули себе контроль над песками и сдули их в сторону, как ребенок сдувает с ладони сухую пригоршню. Чтобы чужие руки вдруг появились из ниоткуда, ухватили мои и выдернули на свет. Они не успели всего на одно мгновение, в тот миг, когда мужские ладони сжались на запястьях, уголек в кармане треснул. Чужая душа тут же исчезла, унося с собой силу, оставляя на прощание знакомый шепот: «Гаро, наорочи? Гаро?»

— Да, Киу, — просипела я, но с губ сорвался лишь невнятный всхлип.

В воздух поднялась сухая пыль, заменившая здесь воздух. Песок был повсюду: внутри и снаружи, сухой, взлетающий пылью к потолку, и мокрый, забивающийся колючей тяжестью в обувь. Он лип к стенам, к обломкам, к людям и нелюдям, покрывал глиняными масками лица Мартына и Радифа, все еще державших меня за руки.

— Где она? — Вестник угрожающе качнулся, отбрасывая мою ладонь.

Переспрашивать и уточнять не было нужды, я знала, благодаря кому была вытащена из-под завала столь быстро и не по частям. В кармане медленно остывала фигурка, теперь уже пустая и бесполезная. Я закашлялась, подцепила пальцами и вытащила маленькую куколку. Через продолговатое тело деревянной игрушки шла длинная трещина.

Мы смотрели на останки мертвой девушки. Давно мертвой. Мысли были отнюдь не радостные.

Осколки души. Я держала на ладони якорь, предмет, к которому привязывают вызванную из-за грани ушедших душу. Сколько таких куколок у Киу? Одна? Две? Пять? Семь? Одинаковых деревянных куколок, сделанных и раскрашенных одной рукой. Один в один, одним мастером, в одно время, для одной цели. Их нельзя отличить друг от друга, это в сущности одна и та же вещь. Якоря могут быть раскиданы по мирам, цитаделям и стежкам, как высшие на душу положат, и призрак может перемещаться между ними, как между станциями метро.

Это все в теории, на практике же редко кто держит призраков вместо домашних животных. Даже бесчувственная, по человеческим меркам, нечисть не выдерживает и ломает якоря спустя максимум полгода. Как бы близкие ни тосковали по ушедшим, обречь их на существование в мире, где мертвые всего лишь дым, решаются единицы. Любовь — это не только возможность видеть, это еще и желание ощущать, чувствовать, касаться. Близкие этого лишены. Это попытка, которую не выдержать. Нарушая целостность предмета, они рвут нити, которыми призрак привязан к миру живых.

Радиф сплюнул темную слюну и бросился вон из штрека, больше похожего на гигантскую песочницу, в которой маленькие человечки играли во взрослые игры.

Я посмотрела на молодого целителя, на покрытый ржавчиной ошейник, на болтающуюся, покрытую крупинками песка цепь.

— Денис меня открепил, — пояснил Мартын, — хотя я уже почти освободился сам. Не хотел казнь пропускать, не каждый день такое зрелище.

Из центрального штрека послышались шум и угрожающие выкрики.

— Открепил? Зачем? Меня тоже пытался...

Я коснулась рассеченной кожи на животе и едва слышно зашипела, пальцы окрасились красным. Мартын пожал плечами, принялся и произнес:

— Царапина, рассечен кожный покров, жировой слой. Жить будешь.

— Уверен? — я завязала полы разорванной рубашки под грудью, стараясь не смотреть на залитый кровью живот.

Песком завалило полшпрека, казнь прервали на самом интересном месте и разбежались кто куда. А и в самом деле куда?

— Стоять на месте! — закричал молодой голос из центрального коридора.

Парень бросился к выходу, гремя цепью. Я последовала за ним с куда меньшим энтузиазмом. Мышцы болезненно сокращались, спина казалась одеревенелой и негнущейся, песок забился под одежду, в волосы и скрипел на зубах. Иллюзий, что нам удастся сбежать, я не строила, да жизнь давно уже научила не нестись неизвестно куда сломя голову, если, конечно, за тобой не гонится что-то клыкастое и голодное.

Сделав два неловких шага, я осторожно выглянула из-за неровного каменного края, из песка буквально в двух шагах торчали гладкие деревянные рукояти заступов. У противоположной стены шпрека стоял Денис, у ног тюремщика растрескавшейся глиняной статуей лежало тело Киу. Ее ударили так сильно, что раскололи грудную клетку. Тюремщик сжимал в ладони что-то пульсирующее живым бирюзовым светом. Маленькое бьющееся сердце. Пальцы, словно подсвеченные на рентгеновском снимке, выделялись четко очерченным рисунком костей, сухожилий и вен.

— Один шаг и ей конец. Уже навсегда, — выкрикнул синеглазый.

Справа к тюремщику подступали охранники: ведьмак в амулетах и изменяющийся, одно неверное действие — и бросятся. Слева стоял Вестник. Ни один восточник не решался пресечь границу, отбрасываемую пульсирующим светом. Дениса окружал невидимый круг страха, ненависти и неверия, что это происходит.

Мартын замер в двух шагах от развилки, цепь звякнула, оставив в песке извивающийся след.

— Я хочу видеть Простого! — громко сказал Денис, чем, похоже, удивил не только меня, но и остальных.

— А я хочу, что б ты сдох, — медленно растягивая каждое слово, ответил вестник, — Чего тебе не хватало? Тебе дали все: дом, помощь, работу. Ты не полы мыл, ты работал на Хозяина.

— Я и сейчас на него работаю, — невозмутимо ответил тюремщик. — Это сложно. Вряд ли ты поймешь.

— Тогда упростим, — Вестник ухмыльнулся, а через секунду появился позади целителя и ударил парня в спину. Я инстинктивно спряталась за камень.

— Эй, — закричал Мартын, едва не упав на колени.

— Отдай или твой помощник окажется без головы.

— Я не... — очередной толчок заставил парня замолчать.

— Да ради ушедших, сверните уже ему башку и перейдем к делу. К Простому и его любимой дохлятине. Пора выяснить, насколько любимой, — лицо синеглазого неумовимо изменилось, делая его старше и искушеннее.

Радиф даже не стал ничего обсуждать, он легким стремительным движением швырнул целителя в волосатые руки изменяющегося.

— Убить, — прозвучал короткий приказ.

— Нет! — не выдержав, закричала я, хотя и понимала, что это глупо.

— Я ему не помогал, я сидел на привязи... — удар охранника прервал оправдания Мартына.

Здесь и сейчас слова не имели значения. Они все равно убьют его, для того чтобы посмотреть, останется ли Денис столь хладнокровен, как говорит.

Охранники не рассуждали, они слушались. Изменяющийся наступил на конец цепи, ведьмак пнул парня, опрокидывая на землю. Цепь звякнула и натянулась. Глаза ведьмака посветлели, ошейник на шее Мартына повернулся вокруг собственной оси. Потом еще и еще, медленно набирая скорость. Целитель захрипел, призывая силу в ответ, и металл с готовностью поглотил ее. Почти всю, но изменяющийся вдруг зашипел и схватился за ногу, освобождая конец цепи. И только. Ошейник оставлял парню лишь жалкие крохи магии.

— Я хочу поговорить с Простым. Лично, а не с одной из его дворняжек, — повторил Денис, не достаивая валяющегося в пыли парня взглядом. — Пора ему показаться, — тюремщик поднял руку с пульсирующим предметом выше.

И я поняла что это, что держал в руках синеглазый и что заставило Вестника и остальных остановиться. Якорь души, и судя по неистой пульсации, последний. Сломай его, и Киу отправится туда, откуда пришла навсегда, потому что призвать одну и ту же душу дважды невозможно.

— Откуда у тебя якорь? — зарычал Вестник. — Кто тебе его дал? Назови предателя и умрешь быстро.

— Правда? — синеглазый прищурился. — Я пока не тороплюсь к ушедшим. Но отчего ж не сказать, раз просят. Сама девка и дала. Не веришь?

Не знаю, как Вестник, а я поверила сразу. Потому что мне девушка дала статуэтку, маленькую куколку, маленькую копию самой себя. Зачем? На первый взгляд, нелогичный поступок. А на второй? А на второй самоубийственный. Может, в этом все и дело?

— Я буду говорить только с Простым! — повторил тюремщик.

— Все, что хочешь сказать ему, скажи мне. Я его голос, его уши, его глаза. Я Вестник его воли. Чего тебе еще? — Радифа трясло от злости.

Ошейник на шее Мартына уже крутился беспрестанно, как диск для заточки ножей на ременной передаче. Мартын старался его остановить, просовывая руку под тусклый металл, глаза парня то и дело вспыхивали и гасли. Кожа на шее покраснела, пальцам было не за что зацепиться, с двух уже слетели ногти.

Я бросилась на все еще трясущего ногой оборотня, даже не знаю почему выбрав его, а не ведьмака. Он был ближе или из-за атаки целителя казался более уязвимым. Казался, вот ключевое слово. Он отмахнулся почти небрежно, как от надоедливой вертящейся перед глазами мошки. Я отлетела обратно к развилке, ударившись спиной о стену, снеся несколько заступов, прикусив язык. Он не бил прицельно, он отбросил помеху, но не учел, что приговоренной «мошке» уже нечего терять.

Я приподнялась, сплюнула кровь и подхватила с пола кусок обрушившейся стены. Тот тут же рассыпался. Это были не камни кладки, это был все тот же песок. Не позволяя себе ни минуты раздумья, я схватилась за гладкую деревянную рукоять кирки, замахнулась и швырнула в охранника.

Нечисть редко принимает людей всерьез, не берет в расчет их неуклюжие попытки вмешаться. В большинстве случаев пренебрежение оправданно. Не сосчитать, сколько раз я оказывалась бессильна и старалась забыть каждый из них. И не просто забыть, а начисто стереть из памяти. Но иногда у меня что-то получается, как правило, что-то еще более хреновое.

Кирка кувырнулась в воздухе. Измененный не дал ей врезаться в напарника, отбив рукой на подлете. Охранник — колдун сбился, потерял концентрацию, и ошейник едва ли не снявший кожу с шеи целителя замедлился, продолжая вращаться скорее по инерции. Парень

тут же сжал металл пальцами останавливая. Кирка отскочила от волосатых рук и упала на глиняное тело девушки, разбив его на куски.

Святые!

Да, как правило, результат еще хуже. Доказывать, что охранник сам отбил кирку, я скорей всего буду с того света.

Все смотрели на расколотое глиняное тело, замершие, почти очарованные картиной разрушения. Пользуясь секундным промедлением, Мартын вскочил с пола, подхватил цепь и закинул звякнувший конец на ведьмака, захлестывая шею. Охранник дернулся, но было уже поздно, в свой рывок парень вложил все, что у него было, все оставшиеся силы. Он практически повис на ведьмаке, натягивая цепь, перекрывая охраннику кислород и делая это с непередаваемым наслаждением.

Теперь уже восточник пытался призвать магию, но цепь, оказавшаяся продолжением артефакта, не делала различий между охранником и пленником, ей, как и ошейнику, было все равно, что поглощать.

Взгляд синих глаз тюремщика на долю секунды переместился на целителя, и Радиф атаковал. Рывок был почти неуловим для человеческих глаз. Вестник перехватил руку с зажатым якорем, одновременно нанося кулаком удар в переносицу. Нога Вестника угодила в фарфоровое лицо Киу, вдавливая в пол остатки ее красоты. Денис уклонился от летящего в лицо удара, неосознанно чуть сильнее сжимая кулак. Фатально сжимая.

Якорь — хрупкая штука, даже если изначально отлить его от чугуна. Никакой металл не сохранит свойства при прикосновении с призванной душой. То, что внутри нас, несоизмеримо сильнее того, что снаружи, хоть мы не можем это ни измерить, ни взвесить, ни разложить на атомы.

Раздался сухой треск. Простой и обыденный звук, будто ботинком наступили на пустую яичную скорлупу. Киу мертва, и сейчас уйдет навсегда. Уйдет под аккомпанемент ломающегося дерева, а не под стоны боли. Может, это не так уж и плохо?

— Ушедшие, — ладонь тюремщика разжалась, на влажный песок упала лишенная головы куколка, на месте слома белело светлое дерево.

Все снова пришло в движение, словно фильм сняли с вынужденной паузы и запустили ускоренную перемотку. Измененный бросился на Мартына, который почти висел на брыкающемся ведьмаке, и ударил в спину. Резанул изменяющимися когтями. Потекла кровь, но Мартын не выпустил цепь, продолжая затягивать ее на шею охранника. Раны заживут, а вот если он даст охраннику шанс, зарастать будет уже не чему и не на ком.

Я бросилась к ним, совершенно не представляя, как буду оттаскивать оборотня от Мартына, в очередной раз досадуя на человеческую медлительность.

Рядом с Вестником выросла колеблющаяся, сотканная из тумана фигура. Она была намного красивее своего глиняного тела. Киу в старомодном перетянутом широким поясом кимоно, с высокой прической, в антураже, для которого была рождена, девушка выглядела просто ослепительно. Чуть виноватая искренняя улыбка тронула яркие губы. Она не смотрела ни на кого, ее темные раскосые глаза сияли. По темному подземному коридору разнесся едва слышный мягкий смех. Киу качнулась, легкая и невесомая, как пушинка, срываема ветром с головки одуванчика. Качнулась и пролетела прямо сквозь меня. Для нее больше не существовало ни стен, ни песка, ни якорей с цепями.

Ноги вдруг ослабели, и я грохнулась в пыль, не добежав до оборотня полметра. Призрак Киу ощущался потрескивающим, пахнущим озоном облаком. Сделав вдох, я едва не

задохнулась от свежести, этот воздух с легким привкусом камфары можно было пить глотками. И не напиться. Потому что это был лишь миг, один удар сердца, а потом все исчезло, и все вернулось: штрек, нелюди, кровь и борьба.

Вместо того чтобы убить лишившегося преимущества Дениса, Радиф упал на колени. Его рука, все еще сжимающая запястье синеглазого тюремщика, подрагивала, а на лице расцветала счастливая улыбка, показывая, каким красивым мужчиной он когда-то был, до того как внутреннее уродство взяло верх над внешностью.

Затылка коснулись липкие пальцы гуляющего по штреку ветра. Знакомое ощущение, невидимые руки один раз подняли меня посреди ночи. Я вспомнила испуг от постороннего присутствия, вспомнила забранное решеткой окно и капающую воду. Вспомнила и поняла, кто это. Поняла, кого увижу, еще до того, как обернулась к шевельнувшемуся песку за спиной.

Кто проявлял интерес к игрушке Седого? Кто все время был рядом, незримый, но почти осязаемый? Чью силу призывал Вестник?

Песок собрался в кучу, в грубую тяжеловесную фигуру, в громадную статую, которую скульптор вырезал из скалы, да так и не закончил. Квадратная голова подпирала остатки ломаного потолка, ноги — грубо отесанные колонны, руки со сжатыми кулаками напоминали кувалды размером с автомобиль, глаза — куски тусклого кварца, рот — темный провал мусоропровода.

Я зажмурилась, а когда открыла глаза, этого собранного из песка монстра уже не было. Он двигался не просто быстро и бесшумно, он был мгновенным, как молния, как луч света, как рожденное в одночасье желание.

Изменяющийся отпустил уже занесенную для удара лапу и повалился на колени, утыкаясь выпуклым лбом в пол, из глотки вырвалось тоскливое подвывание.

Глаза недодушенного ведьмака вспыхнули, но не магией, а торжеством, он перестал беспорядочно дергаться, пытаясь стряхнуть со спины парня, зарычал и со всей силы припечатал того к угловатой стене штрека. Мартын сдавленно вскрикнул, но цепь не выпустил.

— Спасибо, — поблагодарил, глядя в пространство Вестник.

Трепещущий огонек фитиля на миг отразился в потемневших глазах Дениса. Круглый зрачок сменил форму, и теперь напоминал полевой цветок или пятиконечную звездочку с чуть скругленными краями.

И как тогда в глухой тьме я почувствовала сдвиг реальности. Не той что снаружи, а той, что внутри. Как он двигался, как уклонился от удара, как уверенно, без малейшей тени страха вел себя. Человек — тюремщик. А человек ли?

Я снова была слепой. Пусть и в другом смысле. Моя память, мои сны и даже мои страхи просто кричали о происходящей вокруг неправильности, но я не видела и не слышала их. Не слышала саму себя. Синеглазый сосед — конвоир, укоризненно смотрящий из мира снов после того, как он закрыл дверь камеры наяву. Я неспроста вспомнила того, кто ассоциируется у меня с тюрьмой, неловкостью и виной. А он позволил видеть желаемое. Он всегда был добр. Смертельная щедрость психарей. Их невозможная милость. Мы не видели в Желтой цитадели джина, хотя он совсем не прятался.

Громада песка открыла похожую на ковш экскаватора пасть и взревела.

— Приветствую, джараш, — звездчатые глаза налились насыщенным фиолетовым цветом ночного неба, а сам тюремщик съезжился, рост стал меньше, лицо, наоборот, шире,

морщины глубже, волосы короче и реже. Сельский мужичок в серой спецовке, случайно заглянувший на бал к чудовищам. Джин из Кошухино. Евгений. Тот, кто завел меня в пузырь безвременья, в насмешку очень сожалел об этом. Так же как сожалел, когда часом ранее вел на казнь. О да, сожаления много значат.

— Ты, — зашипела я, поднимаясь. — Ты...

Он услышал, разобрал тихое слово человека сквозь утробный, заставляющий вибрировать рев монстра. Поднял голову и смущенно улыбнулся. На его лицо снова легла чужая маска и тут же растаяла. Я больше не хотела обманываться.

Молоты рук песочного существа ударили по обе стороны джина. Пол отозвался гулом, песок взметнулся в воздух. Один кулак превратил коленопреклоненного Вестника в кровавое месиво из крови, внутренностей и костей. Часть скулы и половина глаза фарфорового лица Киу откатилась в сторону. Второй кулак прошел в сантиметре от лица исполнителя желаний и расколол пол. Трещины ажурными линиями разошлись в стороны. Цитадель вздрогнула.

Из глотки монстра снова вырвался рев, в котором смешались боль и ненависть. Я зажала уши, изменяющийся сделал то же самое, не переставая скулить, кадык охранника ходил по горлу ходуном. Мартын выпустил оставившую на ладони кровавые вмятины цепь и сполз на пол. Ведьмак повалился вперед, припал на руки, жадно вдыхая воздух и мотая башкой.

Джин все так же неловко улыбался.

Создание закрыло рот, вой оборвался. Сланцевые глаза наткнулись на покачивающийся фарфор лица, и песок с гротескной фигуры стал осыпаться. Сначала тонкими струйками, потом целыми оседающими на пол пластами. Все лишнее слетело с песочной фигуры, как шелуха с лука, открывая взглядам лишь то, что на самом деле важно.

Обычного мужчину, пусть и сделанного из песка. Больше всего он напоминал начавшуюся разрушаться статую какого-нибудь писателя и политического лидера в костюме, галстук и ботинках. Короткие волосы навсегда застыли на крупной голове. Он смотрел на мир глухими непроницаемыми глазницами гипсовых бюстов, что стояли у нас в школе. Рот выдавался вперед, словно он каждую секунду порывался что-то сказать, но сдерживал себя.

Мужчина склонился и поднял кусочек фарфорового лица. И то, с какой осторожностью он это сделал, сказало о его чувствах лучше слов.

— Вы добились моего внимания, — тихим голосом проговорил живой памятник. — Да помогут вам Низшие.

В воздух взвились тонкие струйки песка, подобно гибким прутикам, напомнив мне о выскакивающих из земли мутных кольях иллюзорного Юкова. Только эти застыли не сразу, а после того, как лентами обвилились вокруг щиколоток, захватив мои ноги в стеклянный неподвижный плен. Упавших охранников окольцевало поперек туловища и еще сильнее прижало к земле. Сидящего Мартына приковало наискось к стене, словно ремнем безопасности. На долю исполнителя желаний пришлось сразу три ленты, две удовольствовались ногами, третья перекинулась через запястье, чуть развернув мужчину к кровавой луже, оставшейся от Радифа.

Мы были здесь пленниками. Ими же и остались.

— Постарайтесь умереть тихо. — попросил Простой, не отрывая взгляда от глиняных останков Киу.

Пески дрогнули и пришли в движение. Застывшие стеклом ленты стали погружаться во влажную глубину. Я вскрикнула. Все заговорили разом.

— Помогите Хозяину в поисках исчезнувшего, и он вернет вам несуществующее. — как

по писаному затараторил Мартын.

Он так давно хотел сказать эту фразу, что наверняка повторял ее в голове снова и снова, как приставучий припев глупой песенки. Удивило другое. Джин сказал почти то же самое:

— Помогите Хозяйке в поисках ушедшего, и она отдаст вам несуществующее.

Лишь я отличилась, выкрикнув первое, что пришло в голову:

— Не надо! Это не мы!

Ленты погрузились в грунт еще на сантиметр, ступни засыпало песком полностью.

— Как всегда, — посетовал неизвестно кому памятник, песок застыл, и мы вместе с ним, — не вы?

— Нет, — я говорила чересчур быстро, перепрыгивая с одного на другое, стараясь уместить в связный рассказ пришедшие в голову в полной темноте догадки, чаяния и выдумки. Я вывалила их на него, как ворох старой одежды, тогда как в голове билась одна мысль: пока он слушает, пески спят, пока он говорит — мы живем. — Это ваш Вестник. Он вызывал чистую воду, я ее слышала. Наверное, потому что тоже чистая. Я человек. У Радифа кайло Видящего — артефакт, что пробуждает источники. Вода шла за мной, потому что ее направляли. Вестник всегда знал, где я, знал, куда бить, знал на кого свалить вину. Но источнику не так легко пробиться сквозь цитадель, это ведь не просто стены и потолок, не просто замок? Не знаю, зачем вашему вестнику понадобилось уничтожить замок, но наверняка...

Я замолчала, вдруг вспомнив, как чистая вода в одно касание превратила мои артефакты в обычные безделушки. Цитадель устроена сложнее, но она все равно остается песком, наполненным магией.

Именно в этот момент, высказав вслух догадки, я вдруг поняла, насколько нелепо они звучат. Увидела всю неправильность произошедшего, Источнику все равно, что разрушать. Ему плевать на сложности мироустройства, как реке плевать на смену времени года. Она не перестанет течь даже подо льдом. Одно касание и вода вышла бы наружу, она не отступила бы, она не стала бы думать, она просто сделала то, для чего предназначена, а песок остался бы песком. Происходящее в замке Простого больше походило на пробу, на проверку возможностей, но никак не на стихию.

— Цитадель — это я, наорочи.

— Значит, он пытался убить вас, — не знаю чего было в голосе больше упрямства или желания доказать невозможное.

Прозвучавшее обвинение выглядело детской попыткой свалить вину на Петьку из первого подъезда, стеклом больше, стеклом меньше, ему уже все равно.

Я подняла взгляд на Мартына, лицо которого болезненно кривилось. Парень со злостью мотнул головой, ударился затылком о неровную стену позади и тихо зашипел.

— Простите ее, джараш, — уголки губ джина чуть подрагивали, словно он едва сдерживал улыбку. — Она человек и не понимает, что говорит.

— Я Джар Аш^[7], — демон выпрямился, и произнес это рычащее слово не так, как Вестник или Евгений, а отдельно, будто каждая часть произносимого была важна сама по себе. — А она должна понимать, за что умрет. Я помню завет о праве приговоренного на знание, высказанный Кайором. Наверное, только я один и помню. Надо было ему рот зашить. Покажи, что у тебя в кармане, желальщик^[8].

Исполнитель желаний сунул руку под полу серой спецовки, извлек пузатую, обшитую кожей, флягу и протянул Простому.

«Право знать» — сознание зацепилось за эту вроде бы обычную фразу, в которой больше пафоса, чем смысла. Но что-то в ней было, что-то знакомое. Право знать — два слова, слышанные ранее и именно в таком сочетании, в таком контексте. Только голос был другой, чуть более насмешливый и небрежный. Я уцепилась за воспоминание, стараясь вернуться в прошлое, представить его как можно четче, ярче. Тембр голоса, движение губ, наклон головы, черные глаза, седые волосы. Староста Юкова, именно он говорил что-то о старых изжитых традициях.

Воспоминание было ярким, как вспышка. Сваар, приговоренный за то, что влез в отношения нелюдей накануне прибавления в семействе, уж очень сладкой оказалась их ярость. Не удержался, подтолкнул. В итоге четыре трупа и заложник, опьяневший от силы. Он тоже хотел знать, почему его казнят. За что? За его суть? За его природу? Бывший человек так и не понял, что даже нечисть не гадит в собственном доме.

Я помню ответ старика:

«Право знать соблюдали лишь святые, лишь ушедшие, нам так высоко летать грехи не дают».

Сказал и отмахнулся.

«Право знать» — закон тех, кто управлял этими землями до эпохи Единения. Демоны вышли из тени Высших и Низших только после их ухода. Вышли и прибрали к рукам пределы. Так почему Простой соблюдает закон, который давно никто не помнит? Или все дело в том, что помнит он?

Кирилл тоже говорил об этом. Говорил, что Простой лично беседует с приговоренными. С теми, кто должен умереть. С нами.

Когда хозяин востока двигался, его песочная одежда не натягивалась и не собиралась складками. Она выглядела монолитом. Продолжая держать на широкой ладони часть расколотого лица Киу, другой рукой мужчина взял флягу, большим пальцем раскручивая крышку на узком горлышке, пока та без единого звука не упала на песок. Простой поднес флягу к лицу, и на одно безумное мгновение мне показалось, что он сейчас хлебнет оттуда. Но он всего лишь вдохнул воздух. Выглядело абсурдно. Разве может песок ощущать запахи? Видимо, да, но не всякий, а именно этот, собранный в статую чужой волей, не имеющий ни органов, ни рецепторов, и все-таки чувствующий.

— Боль шамана, мед психаря, яд нелюдя, шкура заложника, кровь демона, — монотонно перечислил памятник и наклонил сосуд.

С горлышка сорвалась тягучая капля и упала на его ботинок. Песок тут же брызнул в разные стороны, словно там внутри взорвалась петарда.

— Выворотное зелье, — без эмоционально сказал целитель, — выворачивает наизнанку все, с чем соприкасается.

— Не вы? — устало переспросил демон.

— Но я его слышала? — глупее возражения не придумаешь, но другого у меня не было.

— Потому что он, — взгляд на джина, — позволял тебе слышать.

— Должен же был кто-то отвлечь Радифа, — не стал отпираться Евгений.

Да, все именно так, пришло запоздалое понимание, для этого он и пошел на сделку с Мартыном, для этого освободил его во время казни, мы всего лишь отвлекающий фактор, а никак не главные герои. «Жаль, что это ты», — вот, что я услышала от тюремщика накануне казни, но вряд ли он действительно сожалел. Перед глазами одна за другой вставали картинки: плачущая явидь — «они забрали мой яд», лягушачья улыбка лгуны и ее

расползающаяся шкура, прикованный целитель, подающий руку тюремщику. Сбор ингредиентов — вот что это было.

Кайло Видящего там же, где и всегда, на западе. Я человек и рассуждаю, как человек. Для меня артефакт ушедших — это вещь, очень опасная, но всего лишь вещь. Вряд ли хозяин запада думает так же, и вряд ли он когда-нибудь расстанется с ним, тем более передаст в руки южного джина, чтобы разрушить цитадель востока. Даже для нашей тили — мили — тряндии это перебор. Только как же в этот перебор было удобно верить.

— Ммм... кровь Прекрасной? — под взглядом песочного мужчины ботинок снова обрел четкие очертания.

— Хозяйка предлагает сделку: знание в обмен на жизнь, — Евгений склонил голову.

— На чью жизнь? — вопрос прозвучал равнодушно, словно все, что мог сказать исполнитель желаний, не имело значения, Простой протянул флягу обратно и скомандовал, — пей.

— На вашу, джараш.

— Я Джар Аш. Я первый. Я видел, как ваши хозяева сменяют друг друга, будто лепестки на увядающем цветке. Киу была со мной с первого дня эпохи единения. Что может предложить новый лепесток взамен «той, что цветет осенью»^[9]? — фляжка перешла в руки джина, и я заметила, что ладонь психаря дрогнула, соприкасаясь с обтянутым кожей сосудом. — Пей! Эта смерть будет быстрой.

— Она предлагает вам тело, — будь в слепых глазницах памятника глаза, они бы сейчас налились злостью, сила песков всколыхнулась, заставляя кристаллики на полу подрагивать от напряжения, но песчаное лицо оставалось равнодушным, — со всем уважением, — быстро добавил исполнитель желаний, склоняясь. — Когда-то давно вы нарушили клятву крови, данную другому демону, и выжили. За это знание Хозяйка вернет вам тело. Тело демона.

Я прерывисто вздохнула. Вот что значит его высокопарное «Цитадель — это я, наорочи». Не бравада, не самолюбование. Я ошиблась еще раз. Вода, та вода, которой не существует, но которую я слышала, шла не за мной, не за Вестником, она шла за Простым. Каждый раз, когда вертикаль цитадели выворачивало наизнанку, сила Хозяина Востока была рядом — в комнате, в коридоре, на казни. Как сказал Мартын, он много раз пытался докричаться до Простого. Джин пошел другим путем, психарь, ставший тюремщиком, чтобы поговорить с Хозяином Востока, слуга, который так ни разу и не увидел демона. Выворачивающее зелье — это не больше чем крик мальчишки, желающего привлечь внимание старшего. Всего лишь истерика подростка, которого не хотят слышать.

— Каждую эпоху находится герой, готовый меня облагодетельствовать. Не хочешь пить? Твой выбор. Я буду великодушным и сохраню его за тобой до конца, когда решишь, что с тебя хватит, — он посмотрел на флягу в руке Евгения. — Что же касается клятв, я научу их произносить, научу клясться на крови, на кишках, на еще бьющемся сердце. Прежде чем время оббежит внешний круг, ты дашь тысячи обетов и кожа слезет с твоих губ.

— Джараш, прошу, — простонал джин, но не был услышан.

Дернулся в путах, оглянулся, но не нашел ни поддержки, ни ответа. Его ждал песок.

Рука Простого шевельнулась, путы на теле исполнителя желаний пришли в движение. Три стекловидных отростка погрузились в песок, утягивая за собой джина. Только эти три и только его.

— Джараш, простите.

Фляжка так и осталась в крепких мозолистых руках, ладонях, словно созданных для обычного физического труда. Мы проводили его с тишиной, граничившей с отчаянием. Психарь дергался, горящие фиолетовым глаза не отрывались от застывшего лица памятника. Он не верил, что умрет. Никто из нас не верил. Каждый подошедший к черте не в силах осознать и принять собственную смерть. Каждый чувствует себя главным героем книги под названием «жизнь». А главных героев не убивают, других — пожалуйста, но не нас, потому что это не может закончиться именно так, не имеет права.

— Вы тоже желаете сначала поговорить? Или ускорим? — пальцы памятника ласково скользнули по сохранившейся части скулы фарфорового лица Киу.

— У вас нет тела, — только и смогла выговорить я. — Вас не существует!

— Значит, поговорить. Я не отказываю в последнем желании, — он поднял слепую безглазую голову, на которой не шевельнулось ни волоска. — У меня есть тело. Замок — мои руки, ноги и голова, весь океан песка, существующий на земле, — мое тело.

— Вы нас слышали, — устало проговорил парень, — с самого первого дня вы знали, зачем мы пришли.

— Я редко обращаю внимания на муравьев, ползающих по ногам.

— И тогда они начинают кусаться, — парень чуть шевельнул плечами, но лента из стекла осталась неподвижной.

— Прошедшие тропой иллюзий бывают настойчивы, — мужчина стал снова смотреть на останки лица девушки. — Я стараюсь казнить их сразу. Не надо было отступать от правила.

— Тропа иллюзий? Вот как это называется, да? Вы вытащили на свет, — мой голос стал тонким и писклявым, я сглотнула подступившие слезы, — наш дом и испоганили его.

— Не надо патетики. Это всего лишь испытание.

Простой разговаривал с нами спокойно и неторопливо, как с умственно отсталыми детьми или животными, понимающими лишь интонации, но не смысл слов. От этого демона не шло той волны животного иррационального страха, что внушал Седой, не было благоговейного болезненного восхищения, что вызывала Прекрасная. Он был отстранен от действительности. Но и вместе с тем тот, кого не существовало, выглядел и вел себя как человек, в нем было что-то... простое. Джар Аш говорил, не испытывая брезгливости или превосходства, он был равнодушен, так могла отвечать на вопросы компьютерная программа.

— Гости редко спрашивают разрешения на вход. Слухи о моей сокровищнице будоражат каждое поколение. Они подкупают слуг, ищут подземные ходы, притворяются посыльными, поставщиками. Некоторые пытаются спасти Киу от злого и нехорошего меня. Я устал. Давно. Теперь сюда попадают только достойные.

— Достойные казни? — я потеряла начинающие зудеть глаза.

— Хотя бы. Большинство не заслуживают даже ухода. Вы заслужили. — мужчина взмахнул рукой, и изломанный потолок рухнул нам на головы.

Закричать я не успела, только набрать воздух, чтобы с безвольным отчаянием выпустить его в песчаник, внезапно выросший со всех сторон настолько близко, что можно сделать слепок с тела, а потом отлить в броне. Как раз вместо надгробия. Нас запихнули внутрь замка буквально. Я не стояла в коридоре, я очутилась в его внутренностях, в стене, полу или потолке. В песке. Сухость сменилась влажностью, потом снова сухостью. На пять гулких ударов сердца меня погребли заживо. Сам Простой не пугал, его магия справилась с этим

куда лучше.

Темнота отступила, песок разошелся в стороны, из груди вырвался судорожный вздох, тут же перешедший в кашель. Ругань Мартына слышалась чуть дальше. Я несколько раз моргнула, стараясь избавиться от песка, стряхивая его с рук, лица, волос, шеи.

Потолок не рухнул. Он даже не шевельнулся. Магия Простого не затягивала нас внутрь, она сделала нечто иное. Подняла сквозь перекрытия, протащила через этажи, переместила так быстро, что мы этого даже не почувствовали. Не было ни ощущения движения, ни чередования света и тени, ни звука. Удушливая ловушка из песка вытолкнула скованных стеклянными лентами пленников в залитое сероватым светом нового дня помещение. Лифт в демонском исполнении.

Мы оказались в продолговатой комнате с длинным рабочим столом вдоль правой стены. Затертая деревянная поверхность была заставлена колбами и ретортами, весы у самого края, поддон со зловещего вида железками разом напомнил последний визит к стоматологу. Тишину нарушал лишь размеренный стук черного пластикового маятника, отбивающего одному ему понятный ритм. Тик-тик-тик...

Не маятник — метроном, — вспомнила я название, — у нас такой стоял в классе пения. Святые, кому тут петь? И о чем?

За столом сидел целитель и презрительно морщил нос, разглядывая мою рваную одежду, грязное исцарапанное тело, простенькое белье. Тот самый, что еще недавно отказывался видеть в человеке живое существо, тот, чьи пальцы деловито сантиметр за сантиметром осматривали кожу, не оставив мне места ни для стеснения, ни для стыда.

Ленты никуда не исчезли, по-прежнему привязывая нас к полу. Вокруг пленников просто сменили декорации. Мартын продолжал ругаться, глаза целителя Востока вспыхнули, и парень подавился очередным «чтоб вам», дергаясь уже молча. Ошейник не давал ему скинуть чужую магию. Еще одна лента вылезла из стены и обхватила лоб, зафиксировав голову Мартына. Глаза парня бешено вращались в глазницах.

У окна на куче песка сидел еще один заключенный, которым целитель занимался до нашего появления. Вернее, сидела. Страх тут же сменялся злостью.

— Пашка, — прошептала я.

Но явидь предпочитала ничего не видеть и не слышать. Кандалов не было, но бежать она не собиралась. Змея ничего не собиралась делать, только сидеть на куче песка и раскачиваться из стороны в сторону, обхватив колени тонкими, потерявшими силу руками.

— Они убили моего визирга, — сказал Простой поднимающемуся целителю. — Пришла пора возместить. Вырежи из них души, мне нужны новые советники. А эта, — он кивнул на меня, — твоя. Ты просил материал для опытов.

— Я ничего не сделала. Скажите, за что? — тихо спросила я, зная, как это глупо, но все равно не в силах сдержаться, да никто бы не смог. Он может ответить, может изобрести тысячи причин, а может промолчать, реальность от этого не изменится. Но это был Простой, и что-то в нем позволяло мне спрашивать, позволяло открывать рот. — Не я разрушала Цитадель, не я сломала Киу. Я хотела помочь, пусть и не по своей воле.

Я снова посмотрела на монотонно раскачивающуюся Пашку. Так-так-так — сопровождал каждое ее движение маятник на столе. Лучше бы лгуна закончила казнь, потому как в конце ее изысков стояла точка. Смерть. Вряд ли теперь стоит на это рассчитывать. Судьба заспиртованного в банке образца, возможно, не худший вариант развития событий. Самое время позавидовать спутникам, но тело человека не годилось для

переселения души.

— Ничего? — повернулась ко мне безглазая голова. — Ты уничтожила якорь Киу.

— Неправда.

Целитель вопросительно посмотрел на хозяина, но тот мотнул головой, оставляя человеку голос. Да, Простой отличался от других хозяев и, не намеревайся он нас казнить, сказала бы, в лучшую сторону.

— Цветок Осени дала обещание похоронить одного из ошеров^[10] Кайора. Но когда я снял с него голову, некоторые части тела растащили на амулеты. Она была настойчива. Она искала. Даже после собственной смерти. Невыполненное обещание тоже было якорем. Вы принесли в мой дом последнюю часть того глупца. Ты, — песочная рука сжалась в кулак, — дала обещание отнести эту тысячелетнюю падаль к месту захоронения. Ты разрушила якорь, — он повернулся к слуге. — Сделай так, чтоб она пожалела.

Памятник рассыпался с тихим шорохом, вновь став тем, из чего был создан, мусором под нашими ногами.

Задрожав, я упала на пол. Пережатые стеклянными лентами ступни начали неметь. Все зря! Все, что мы сделали, все, на что надеялись, все впустую. Именно сейчас в этот момент, я вспомнила слова Пашки, сказанные у начала дороги из желтого песка: «У меня есть для чего жить». Потеря Юкова была невозможно болезненной, утрата дома, исчезновение бабки, Веника... Больно, но не смертельно. От этого можно оправиться. У меня тоже было для чего жить. Для кого.

Целитель взял со стола скальпель, показавшийся нестерпимо ярким и острым. Я отпрянула назад, едва не застонав от боли в обездвиженных ступнях, но мужчина не удостоил человека и взглядом. Для него я осталась всего лишь предметом, материалом для опытов.

Восточник подошел к монотонно покачивающейся девушке, склонился и резким движением полоснул Пашку по предплечью. На коже выступила самая обычная красная кровь. Первый надрез. Сколько их еще потребуется, чтобы душа покинула тело?

Так-так-так, — раскачивая груз, покивал маятник.

Змея осталась безучастной. Целитель взмахнул рукой, стряхивая алые капли на пол, и повернулся к Мартыну. Парень выгнулся дугой, с кривящихся губ вместо звука слетела слюна и повисла на подбородке. Март поднял руки, которыми до этого безуспешно пытался ослабить стеклянные ленты, он не будет столь покорным.

Глаза восточника засветились магией. Парень, замычав, уронил ладони на пол. Руки повисли плетьюми, словно из них разом вытащили кости. Вот и все сопротивление. Восточник беспрепятственно склонился к лицу Мартына, губы мужчины изогнулись в улыбке, ему нравилось чужое отчаяние, приправленное надеждой, но большую остроту блюду придавало то, что все это он проделывал с собратом. Есть что-то завораживающее в унижении себе подобного.

Почти неуловимое движение, и на щеке пленника появилась аккуратная наклонная линия, края раны чуть разошлись, по коже потекла кровь.

Так-так-так... Пашка и маятник двигались почти синхронно, завораживая своей монотонностью.

Мужчина вернулся к столу. Легкие щелчки метронома смешались с мягким перезвоном колб, шорохом открываемых и закрываемых ящичков. Я посмотрела на парня, мозг метался в поисках решения и не находил его. Мы обездвижены и лишены магии. Мы готовились

умереть, еще не до конца веря в это.

Мартын раздул ноздри, вбирая аромат чужой крови, и в отчаянии так стукнул ногой, что с нее слетела кроссовка.

Так-так-так-так-так... Маятник едва заметно ускорился. Явидь продолжала раскачиваться все сильнее и сильнее, к отрывистым движениям добавился тонкий, похожий на скулеж звук. И запах сочной травы. Так вдыхаешь полной грудью воздух над свежескошенным лугом, прогретый полуденным солнцем. Теплый, чистый запах. Вторая кроссовка полетела прямиком в меня. Парень снова раздул ноздри, путаясь пошевелить плечами, но руки бессильными обрубками продолжали лежать на полу. Толку от его рывков не было никакого, восточник даже не оглянулся. Кровь из пореза почти не текла. И это «почти» ударило меня сильнее кувалды.

Я задержала дыхание и стала медленно поворачиваться. Шея словно одеревенела. Не от страха, от внезапно вспыхнувшей надежды на чудо. Она неотделима от человека, и неважно, во что он верит — в бога, царя или отечество. Лишь бы не столкнуться с очередной химерой, рожденной пытающимся найти выход мозгом, лишь бы...

Так-так-так... Пашка качалась, стараясь вжаться в собственные колени, словно желая стать маленькой, незаметной, несуществующей. Рана на руке девушки уже начала закрываться.

Мартын не мог говорить, но нос, по его же собственным словам, ему пока не отбивали. Он понял все сразу, как скальпель коснулся тонкой кожи девушки. Кровь человека не пахнет травой и не останавливается, спустя несколько мгновений.

Но самое важное я услышала из песчаных губ Простого, но не поняла, не придала значения. Нельзя взять душу и переселить в человеческое тело. Почему, не знаю, но нельзя и точка. Только в тело нечисти, заменив одну личность другой.

Пашку не лишали сил. Ее заставили поверить в это. Им нужна именно явидь. Сперва ее память, потом яд, а теперь тело. Не человек — нелюдь. Но она этого не знала.

И она одна была не прикована.

Целитель подхватил из лотка железку, похожую на большую скобу для степлера и шагнул к парню. Босые пятки бесшумно стукнулись о пол. Но восточник даже не моргнул, осторожно вводя конец поблескивающей металлом скобки в красную глубину раны на лице. Мартын задрожал выгибаясь.

«Вырежи из них души», — скомандовал Простой.

Так-так, — согласился маятник, — так-так. Сколько еще таких «так-таков» нам осталось? Губы пересохли. У нас был не шанс, а всего лишь его тень.

— Пашка, — позвала я.

Металл вошел в рану на сантиметр. Целитель востока выпрямился, прислушиваясь к моему голосу, дыханию, к лихорадочному биению сердца. От меня на километр несло страхом. Но сейчас я боялась не его, я боялась упустить эту тень. Его же полностью устраивал сам факт человеческого ужаса.

Явидь не ответила, не остановилась и не открыла глаз.

— Ты должна вспомнить Невера, — я подхватила с пола черную кроссовку парня.

Восточник толкнул железку и повернул, разводя края раны в стороны. Мартын задрожал, совсем как я на железном столе. Неизвестный металл побелел, словно раскаляясь, зашипела, закипая, в ране кровь. Скоба была не просто изогнутым железом, она была инструментом. Я замахнулась и швырнула в Пашку обувь, одновременно выкрикивая:

— Вспомни, как пахнет твой сын, как пахнет нелюдь, а много ли нелюдей ты здесь види...

Губы вдруг стали непослушными, чужими, немного прохладными и совершенно неподвижными. Язык скользнул по внутренней стороне сомкнутых зубов. Я замычала, впервые ловя на себе пристальный взгляд восточного целителя. Пашка чуть сбилась с ритма, когда пыльная кроссовка вскользь задела локоть, стукнулась о стену и толкнула метроном, сразу перескочивший с размеренного «так-так» на быстрое, скользящее «та-так-та-так-та-так».

Пашка возобновила ритуальное равнодушное покачивание.

Мужчина хмыкнул, в руке сверкнула металлом вторая скоба, и он неспешно пошел к девушке. Мартын захрипел, раскаленная железка осталась торчать из его щеки, словно кто-то приставил к голове парня строительный степлер и нажал на спуск. Пахло не только травой, пахло поджаривающимся мясом. Кровь заливала нижнюю часть лица Мартына, подбородок, шею и грудь, делая его похожим на героя второсортного фильма ужасов. А ошейник все так же исправно поглощал магию, на которую тот был еще способен.

Я почувствовала, как по щекам снова потекли слезы. Бесполезно. Надо просто закрыть глаза и не смотреть, потому что иначе можно сойти с ума, как Пашка.

Восточник коснулся пальцем нанесенной минуту назад раны и поднял скобу. Чешуйчатый хвост, взметнувшийся с пола, стал неожиданностью для всех. Но дороже всех заплатил за нее целитель, его с размаху отбросило в стену. Для меня все выглядело так, будто мужчина сделал два шага, взлетел, ударился спиной о стену и съехал на пол. Так быстра была явидь. И так зла.

Шипение угольно черной змеи было едва слышным и вместе с тем оглушало, вкрадчивый звук полный ненависти.

Та-так-та-так-та-так, — наращивал темп маятник.

Парень замычал, снова стучая ногами, большой палец на правой ноге беззастенчиво выглядывал сквозь рваную дыру серого носка. Пашка подцепила когтем торчащую из его щеки железку и небрежно выдернула из плоти. На одном из блестящих концов повис крохотный кусочек мяса.

Парень заорал, зажал внезапно ожившими руками рану. Я почувствовала, как онемение, сковывающее губы, отступило. Восточнику стало не до контроля над пленниками.

Не сводя горящих медью глаз с экспериментатора, змея отбросила вырванную скобу. Звякнув о светлую стену, та упала на пол в шаге от моей закованной в стекло ноги.

— Сними с Мартына ошейник, — закричала я.

Но восточник пришел в себя быстрее, словно очнувшись от крика, он открыл посветлевшие глаза. Чешуя на правой стороне змеи тут же встала дыбом. То, что он сделал, походило на чистку рыбы, так хорошая хозяйка проводит ножом по блестящему боку, убирая чешуйки. Шипение сменилось ревом боли, хвост взвился, ударил восточника. Еще и еще.

Так-так-так, — отвечал ударом на удар метрономом.

Брызнула кровь. Из носа мужчины, из-под встопорщенных чешуек явиди. Удары целителя были не столь очевидны, но не менее действенны.

— Ошейник! — повторила я.

На этот раз она послушалась. Лапа с когтями подцепила кольцо, и тут же превратилась в тонкую человеческую руку.

Мы одновременно охнули. Парень все еще хрипел, заживляя собственные раны и теряя

силы. Артефакт забирал у нечисти магию. Целитель не мог колдовать, а нелюдь? У Пашки магия в крови, в обращении. Святые! Артефакт выпил из нее эту нечеловеческую силу, и перед восточником снова стояла девушка.

Экспериментатор медленно поднялся. По лицу явиди зазмеилась серая цепочка и тут же исчезла, растворяясь в светлой коже. Чешуя не спешила нарастать обратно. Пашка отступила на шаг.

— Вот что бывает, когда слушаешь человека. Оковы пьют силу любого, нелюдь, — мужчина поддел ботинком звякнувшую цепь и перешагнул через нее. — Пройдет некоторое время, прежде чем твоя вернется. Как раз когда дом займет новый хозяин.

Целитель поднял все еще зажатую в руке скобу и улыбнулся. Кровь медленно стекала по правому виску, но он все еще был силен. А Пашка вновь стала человеком, сильным, быстрым, по сравнению со мной, но все равно человеком. Мы с Мартом были прикованы к полу. Парень с трудом отводил руки от раны на лице. И все же что-то изменилось, не в окружающем мире, в нас. В явиди.

Змея зарычала, грубо и неловко, неприспособленным человеческим горлом. Сейчас она была готова драться. И не она одна. Подвижный конец цепи взлетел и захлестнул ладонь целителя. Мартын не мог встать, но руки снова слушались парня, и он нашел им лучше применение, нежели трагично прижимать к лицу.

Экспериментатор дернулся, но было поздно, металл пришел в соприкосновение с кожей. Одно из звеньев наделось на скобу, и первое самое естественное движение, стряхнуть, сбросить цепь, пропало в туе.

Пашка с тонким девчачьим визгом налетела на восточника, толкая маленькими кулаками в грудь. Мужчина сделал шаг назад, споткнулся о ногу парня и стал заваливаться на спину. Его глаза вспыхнули магией, Пашка дернулась от боли, но не остановилась, снова ударяя целителя в грудь. Цель на ладони не дала мужчине сделать больше.

Восточник упал навзничь. Мартын тут же обхватил его ногами, фиксируя руками голову, и не давая подняться. Цепь вместе с зажатой в кулаке скобой оказалась зажата между мужчинами, и теперь артефакт пил силу из обоих.

Змея бросилась на целителя, сперва беспорядочно пиная все, до чего могла дотянуться, а потом прыгнула сверху и запустила когти в лицо. Обычные человеческие когти, но их хватило, чтобы вспороть кожу. Экспериментатор пытался отмахиваться свободной рукой, цепь звякала, глаза вспыхивали и гасли, наполняясь неверием, ругательства слились в один сплошной вой. Грязная драка зверей без правил, без сожалений и без намерения останавливаться. На краткий миг я порадовалась, что прикована стеклянными лентами к полу, что мне не надо влезать в это месиво. Подумала и отогнала трусливую, но такую удобную мысль.

— Я вскрою тебя и так, умник, — мстительно прошипела явидь, запуская когти глубже в лицо восточника.

Целитель ударил ее, дергаясь всем телом, стремясь сбросить с себя девушку и захват Мартына. Движения восточника напоминали пародию на гротескный вульгарный секс. Секс на грани боли и убийства.

Так-так-так-так, — отбивал груз на стальной полоске и все подчинялись этому странному ритму.

Пашка, не удержавшись, лизнула вымаранные в крови восточника пальцы, скривилась, как от лимона и ударила уже кулаком. Хрустнул нос, голова мужчины запрокинулась.

Мартын держал, а она била. В исступлении, снова и снова, как еще недавно хвостом, пока хриплый рев, вырвавшийся из разбитых, расплюснутых губ восточника не отрезвил всех, даже меня, зачарованно провожавшую глазами каждое движение, каждый удар, каждую стекающую каплю крови. Беспомощный крик вернул упивающуюся болью нечисть в реальность, в которой мы по-прежнему были приговоренными пленниками, а он целителем ближнего круга Простого.

— Убей! — прорычал парень.

Пашка огляделась и, чуть сместившись, потянулась к валявшейся на полу скобе. Мужчина тут же ударил ее в бок рукой, девушка зашипела. Я подхватила железку и толкнула. На ладони остался кровавый отпечаток и кусок плоти, выданный вместе с инструментом из щеки Мартына, но впервые мне было на это наплевать. Кровь больше не пугала.

Тонкие пальцы со сбитыми костяшками ухватились за окровавленное железо. Змея повернулась и дала восточнику сдачи.

Скоба вошла острым концом целителю в мясистую ляжку. Мужчина низко зарычал, заглушая равномерный стук маятника, заглушая победный крик явиди и шуршание песка под их сплетенными телами.

В руках девушки инструмент не торопился раскаляться, но вполне сгодился в качестве шила. Змея выдернула железку и ударила в корпус, в правое подреберье. Металл вошел в плоть сразу на десяток сантиметров. Звук был очень похож на тот, с которым вилка входит в жесткое мясо, тихий треск разрывающихся волокон. Рык перешел в булькающий хрип. Рука восточника безвольно упала, ладонь задрожала и разжалась.

Целитель тяжело дышал, глаза под веками бешено вращались, продолжая гореть, но цепь послушно впитывала магию. Мы выиграли несколько секунд, а в драке с нечистью это равнозначно вечности.

— Хорошо, — похвалил поднимающуюся Пашку парень, отталкивая бессознательного восточника, — а теперьними с меня ошейник. Не руками, — одернул он, потянувшуюся к кандалам явидь. — Железка подойдет не хуже.

В какой момент это произошло? В какой момент они поменялись ролями? Молодой парень и взрослая нелюдь, у которой уже есть змееныш? В тот самый, когда она беспомощно раскачивалась взад и вперед на куче песка? Когда осознание неполноценности превратило ее в растерянную девочку?

Пашка ухватила за скобу, и та с чмоканьем вышла из тела мужчины. По телу восточника прошла судорога.

— В соединяющее кольцо, — направлял действия Пашки молодой целитель.

Явидь продела окровавленный конец в небольшое звено, соединявшее две половинки массивного круга на шее Марта, и потянула. Железо заскрежетало о железо, концы ошейника чуть разошлись.

— Нужен упор, — сказал парень, поворачивая голову к стене.

Пашка тут же приставила уголок скобы к светлому камню и надавила. Ушко разошлось сразу на треть своего диаметра. Посыпался песок. Мартын перехватил импровизированный рычаг и дернул со всей силы. Звено выскочило и, тихо звякнув о пол, исчезло в пыли. Ошейник распался на два массивных полумесяца. Парень облегченно выдохнул и зажмурился.

— Препоганая штука, — прошептал он. — Надо Аррко подарить к выпуску, — и горько расхохотался.

Каким же далеким сейчас казался его сокурник — черт из filii de terra, как и вся Земля детей, как и все ее обитатели.

Произошедшее следом было в какой-то степени ожидаемым, но от этого не менее страшным. Парень посмотрел на восточника, настал его черед улыбаться, зло и цинично, становясь разом похожим на Константина. Сила, больше не сдерживаемая артефактом, устремилась к противнику. Глаза целителя востока вдруг распахнулись, рот широко открылся в оскале. Меж посиневших губ не прорвалось ни звука, но я знала, что он кричит. Не раз видела, как воют от боли, орала сама, а потому знала.

Скулы мужчины заострились, выделяясь, очерчиваясь тенями провисающей кожей. Лицо вытянулось, потерявшие силу руки съезжились, мышцы усохли, кожа пошла морщинами. На полу лежал уже не мужчина, а глубокий старик. Впалая грудь под ставшей свободной рубашкой с трудом поднялась и опала, поднялась и... замерла.

Так-так-так-так, — частил маятник.

Глаза незряче моргнули, веки застыли, прикрыв мутные белки. Металлические звенья цепи съехали со съезжившейся ладони, открывая взгляду старческую в пигментных пятнах руку. За пять секунд он состарился на пять веков. Младший целитель заставил его состариться.

Мартын отпихнул ногой ставшее легким тело, на лице парня не осталось и следа страшной раны. На нетронутой ровной коже играл немного лихорадочный румянец. Я видела такое раньше, таким же ко мне вышел его отец из того желтого дома на холме, дома, где он убил Вестника и Веру, и теперь я знаю как. Парень взвесил в руке скобу, словно принаравливаясь к тяжести, и вдруг поднес испачканную в крови целителя востока железку к перетягивающей грудь стеклянной ленте. Та послушно осыпалась песком на его и без того грязное тело. Мартын поднял скобу к лицу, словно намереваясь воткнуть себе в глаз, коснулся фиксирующего лоб ленты, и наконец освободился.

В Серой цитадели работал тот же принцип, магия замка слушалась лишь того, в ком была «правильная кровь». У Целителя был допуск, и пока его кровь на железке не засохла, у нас тоже.

— Надо уходить, — сказал Мартын и вкрадчиво уточнил, — возражения?

— Ни малейших, — твердо ответила я, глядя на острую железку в его руке.

— Приказ Хозяина мы выполнили. В Желтую цитадель дошли, предложение сделали, дальше пусть уж как-нибудь без нас, — кивнула Пашка и тише добавила, — пока Простой и в самом деле не превратил нас в людей, — она покосилась на песок, который пока, как это ни прискорбно признавать, был довольно милостив, раз мы пока еще живы.

А потом одним стремительным движением хвоста смахнула со стола метроном. Захрустел пластик, маятник качнулся, ударился о камень и замер. Тиканье стихло. Я с облегчением выдохнула, звук, казалось, забравшийся под черепную коробку, исчез.

— Три дня уже это слушаю, — пробормотала Пашка.

— Простой резонатор, — буркнул Мартын, поднимаясь, — Лучше бы мне отдала, воздействие, положенное на колебания, можно усилить раз в пять. Как раз хотел прикупить...

— Давайте вы список подарков к Рождеству обсудите в другом месте, желательно за этими стенами, — предложила я, все еще прикованная к полу.

Мартын встряхнулся, вернув себе силы и стремительность движений, он в один шаг оказался рядом, поддел кровавой железкой удерживающие мои ноги стеклянные путы, и те

исчезли. Часть дела сделана, мы скинули кандалы, но пока еще оставались в темнице.

Стоило коснуться стены скобой, как нарисованная дверь стала настоящей. Пашка первой выбежала в коридор.

— Направо! — закричала я вслед явиди.

— Ты знаешь, где мы? — удивился натягивающий кроссовки Март.

— Наверху, — кратко ответила я, — лестница в левой башне разрушена вашим выворотным зельем.

— Логично, — парень тряхнул головой, — и зелье не мое, я только идею подкинул, когда совсем скучно стало вокруг колеса ходить.

— Теперь уже не заскучаешь, — проворчала явидь, разворачиваясь и первой устремляясь к высокой светлой арке, за которой начиналась железная лестница.

— Тебя, кстати, как взяли? — спросил целитель.

Я оглянулась. Ни одной двери не было на светло-песчаной стене коридора. Ни одной, кроме той, из которой мы вышли, словно других комнат в этом крыле не существовало. Или кто-то не хотел, чтобы их видели.

«Замок — это я, наорочи», — от воспоминания по спине побежал холод.

— Просто, — огрызнулась змея, вспоминать об этом ей явно не хотелось, — сразу, как ушла, сразу, как оставила вас. На той тропе караулили, будто знали, что кто-то вернется. Чертов травитель, а с ним еще двое, целитель и... Джина я слишком поздно почувяла, злилась на вас и на себя, вот и проморгала. Он едва коснулся, а дальше, как в тумане, думать не могу, обернуться не могу, яда нет. Чуть крыша не поехала, — она вздохнула.

— Поехала, не сомневайся, — парень обернулся, — Ольга, давай бегом.

Я бежала на пределе сил и все равно едва успевала. В любой момент они могли включить третью передачу и исчезнуть за одним из поворотов. Инстинкт выживания — самый сильный инстинкт.

Мы преодолели четыре пролета, оказавшись на втором наземном этаже, когда я была вынуждена остановиться, чтобы отдышаться.

— И что дальше? — спросила Пашка, присматриваясь к уходящему от арки коридору, по узкому лицу побежала цепочка черных чешуек, на этот раз не торопясь исчезать. — Ты знаешь, где парадный выход?

— Почти, — прохрипела я, выпрямляясь и указывая вниз, — знаю, где запасной. Во всяком случае, надеюсь.

Бегство запомнилось в основном странной гудящей тишиной. Сперва в голове, затем под нашими шагами вздрогнули и отозвались вибрирующим звуком железные ступени. Монотонные песчаные стены и полная безлюдность. Была пустая караулка, наши с Мартыном рюкзаки, одежда, надетая прямо здесь наспех и без малейшего стеснения. Была незапертая железная дверь по соседству и решимость идти до конца. Лишь раз мелькнула мысль: не слишком ли нам везет в замке, где даже стены — часть чего-то большего, чем просто песок, камни и раствор?

В саду ничего не изменилось. Пашка тут же сунула руку, а потом и лицо, все больше и больше напоминающее морду, в пыльную бурю, встряхнулась и вынесла вердикт:

— Если найдем чем завязать рот и нос, можно попробовать, но без гарантии.

Мартын полез в рваный рюкзак.

— Тетрадь Тура пропала, — проговорил он, извлекая бутылку воды, в которой плескалось едва ли на четверть, и труссы в клетку. Вполне обычные семейники, чуть более

аккуратные, чем дедовы кальсоны до колена, которые бабушка развешивала после стирки на заборе на зависть соседкам.

— Да и наплевать, — огрызнулась змея. — Пусть оставит себе. На память.

Парень невозмутимо полил белье водой и просунул голову в одну из штанин так, чтобы она закрывала нижнюю часть лица.

— Я там даже глаза открыть не могу, — предупредила я, бросая змее одну из блузок и начиная пропитывать водой футболку.

— Тебе и не придется, — ответил парень, голос из-под ткани звучал чуть приглушенно.

— Было бы куда идти, а там, если понадобится, выползем, — явидь покосилась на стену летающего песка, продолжая обматывать голову тканью на манер чалмы и оставляя кусок ткани свободно свисать у лица.

— Еще брательнику буду рассказывать, как убежал из Желтой цитадели с трусами на башке, — целитель встал позади меня и крепко сжал плечо.

— Не надо, — откликнулась Пашка, вставшая впереди, — а то он вознамерится повторить подвиг. Напомните, почему мы не вылезли через окно на нормальную дорогу?

Я понимала, о чем она говорит. Сама не раз раздумывала над этим, сидя на подоконнике и разглядывая скудный пейзаж, казавшийся среди здешних песков просто буйством красок.

— Потому и не вылезли, что на дороге нас возьмут в первый же час, — ответил Мартын, подталкивая меня вперед. — Решетку опять же снимать, а это время, шум и магия, риск возрастет втрое. Ольга дело предложила, сюда вряд ли кто сунется, да и встать на наш след будет трудновато. Еще вопросы? Нет? Тогда давайте быстрее, раньше войдем, раньше выйдем.

Змея отбросила опустевшую бутылку и, на миг задержав дыхание, нырнула в песчаную бурю. Я за ней. И Мартын. Мы выстроились друг за другом, ухватив впереди идущего за плечо. Пашка направляла, парень замыкал, самое слабое звено стояло по центру. От меня требовалось всего ничего: переставлять ноги, не открывать глаз и не паниковать, оставаясь в абсолютной темноте.

Кожи коснулся колючий воздух, наполненный миллиардами летающих песчинок. В ушах зашумело, дышать, несмотря на влажную ткань, стало трудно. Но мы все равно шли вперед сквозь бурю, чувствуя на себе удары меняющего направления ветра, его сухое, жесткое прикосновение.

Это была долгая прогулка. Иногда казалось, ей не будет конца. Иногда рука соскальзывала с внезапно обросшего чешуей плеча, и несколько ударов сердца я вслепую водила пальцами в воздухе в поисках опоры и направления, зная: если хоть на миллиметр приоткрою веки, взвою от боли. И только твердая ладонь идущего позади целителя не давала впасть в панику. А потом прохладные, шершавые пальцы встречались с моими, подхватывали и возвращали ладонь на место.

И мы шли дальше.

Один раз стало совсем плохо, ноги подогнулись, и я упала на колени. Легкие сжимались и разжимались, никак не получалось сделать вдох, организм словно отказывался принимать затхлый воздух с привкусом горчицы, что проходила сквозь высыхающую ткань. Несколько минут меня окружала лишь буря. Лишь ветер и песок. Пока не пришло тепло, янтарной каплей скользнувшее от плеча в грудь и согревшее изнутри. Я смогла встать и пойти дальше в крошечной хрипящей темноте, с каждым шагом благодаря святым, что не отважилась на

переход в одиночку.

Через час Мартын попытался что-то сказать, вплотную склонившись к затылку. Я скорее уловила его дыхание, движение губ, чем слышала звук.

— Что? — громко переспросила я, и ветер унес слово, сделав его частью бури.

Он, кажется, повторил, но с тем же успехом.

Все имеет свойство заканчиваться, даже песок, каким бы бесконечными он ни казался. Сделав очередной шаг, я вдруг вывалилась в оглушающее тихое пространство. Тело, вырвавшееся из плена хаоса, где каждый шаг давался с трудом, показалось нереально легким и воздушным.

— Мы в заднице, — проговорил Мартын.

Я опустила натянутую на лицо футболку и открыла глаза. Сказано было даже слишком мягко. Перед нами возвышалась все та же светло — песчаная громада цитадели. Несколько пожелтевших деревьев, скамейки, кусты, чуть правее ряд жердей с увядшими плетями, за которым пряталось надгробие.

— Ты сбилась с пути? — рыкнул парень, поднимая с песка брошенную чуть более часа назад пластиковую бутылку.

— Нет, — чешуя явиди встала дыбом, глаза с раздвоившимся зрачком вспыхнули медью, сила нелюдя вернулась к ней полностью. — Если я начала ходить кругами, ты бы это почувствовал. Но мы не ходили, я все время шла прямо на северо-запад, — черное тело покрывал песчаный налет, делаая его похожей на фигуру, что лепят на пляжах художники.

Я оглядела осенний сад, что-то в нем изменилось, что-то цепляло глаз. Сердце вдруг забилось у самого горла.

— Тогда как мы здесь оказались? — Мартын стянул с головы облепленную песком тряпку.

— Магия — по твоей части, — огрызнулась явидь.

Она сантиметр за сантиметром осматривала сад, хвост свился в кольцо. Змея чувствовала мой внезапный испуг, но никак не могла найти его причину. Я и сама не могла.

Сделав шаг в сторону, так, чтоб могила и памятник полностью попали в поле зрения, я остановилась. Потому что именно там и было это самое «не так». Сильно не так. На крак растрескавшейся могильной плиты стояла белая картонная коробка.

Песок под ногами ожил, потек, стягиваясь в одно место. Словно отхлынувшая вода, собираясь сформировать очередную, готовую обрушиться на берег волну.

— Мы не одни! — зарычала змея, срывая с головы перекрученную, так похожую на чалму, блузку.

— Мы никогда не были одни, — успела сказать я, прежде чем безглазая голова памятника, сформировавшись, повернулась в мою сторону.

— Ты ведь не собираешься нарушить обещание? — проговорил Простой. — Я уже нарушил одно и лишился тела.

— Клятву крови, — поправил его целитель. — Говорят, вы нарушили клятву крови.

— Может быть, — ответил демон и вдруг сказал то, что мы так хотели услышать, то, на что уже перестали надеяться. — Я согласен на предложение Седого.

В саду установилась выжидательная тишина. Мы ожидали чего угодно, но только не этого. Казнь? Пытки? Мгновенная смерть? Силы, которые уходят в песок? Чего угодно, но не согласия. И не сейчас, когда мы снова пойманы, а целитель мертв.

— Значит, мы можем идти, да? — спросила через минуту Пашка жутким тонким

голосом обиженного ребенка, в которого ее превращала Желтая цитадель.

Даже Мартын отвел глаза в сторону.

— Как из одного следует другое? — казалось памятнику и в самом деле интересно. —

Что важнее для Седого: ответ на вопрос или жизни посланников?

Риторический вопрос. Назови Простой конкретную цифру жизней, которую надо принести за знания, сюда бы уже маршировала шеренга пленников с улыбками на устах и светом высшего предназначения в глазах. Кириллу стоило лишь приказать.

— Но, — чешуя вдруг исчезла, и перед восточником снова стояла девушка с темными волосами, — но...

Что она могла сказать? Что не хочет умирать? Так он это знал.

Был один вопрос, ответ на который не столь важен. Важно было понять, почему его никто не задает.

Я посмотрела на могилу Киу и, передернув плечами, пошла к надгробию. Стало грустно.

— Ольга, — рявкнул целитель.

Так взрослый одергивает ребенка, который вроде и не делает ничего совсем уж страшного, но перед соседями все равно неудобно. Пашка громко сглотнула, может, чересчур громко, но Простой молчал.

Приблизившись к коленапоклоненной фигуре, я тихонько провела рукой по плечу.

«Гаро, Киу».

Взяла в руки белую коробку и сняла крышку. Скрепленные кольца доспеха лежали там, как и завернутая в целлофан кость.

— Ольга, — чуть громче и чуть отчаяннее повторил парень, одно дело быть дерзким перед лицом вынесенного приговора, другое потерять нечаянную надежду из-за неосторожного поступка человека.

Я только покачала головой. Они забыли одну очень важную вещь, истину, которую усваиваешь первой при общении с нечистью. Никто не будет с вами разговаривать, если это никому не нужно. Демон мог уже тысячу раз убить нас, но не сделал этого. Чем на этот раз Простой оправдывает словоблудие? Еще одним замшелым законом? Биллем о правах для первых блюд? Конституцией мертвых? Пактом об отмене пыток для каждого третьего пленника?

Да, ничем. Все уже решено и, чтобы мы не сказали, чтобы не сделали, этого не изменить. Так почему не взять коробочку, я ведь обещала.

— Почему вы не согласились сразу? — я посмотрела в слепые глаза памятника. — К чему все это? Казнь? Целитель? Приказ? И даже попытка бегства? Так забавно наблюдать за бегающими по колесу хомячками?

— Человек оказался не в пример умнее, надо выразить Седому поздравления, или соболезнования, — задумчиво, словно самому себе, сказал памятник. — Может, в чем-то Кайор был прав. И не все, что вылетало из его рта, стоило затолкать обратно, — из голоса пропали эмоции, собранный из песка мужчина снова стал собой — демоном, простым и равнодушным. — Победа, доставшаяся без труда, не многого стоит. Она обесценивается везением. Зато сейчас вы готовы говорить и даже умолять.

— Я и тогда была готова, — пробормотала я.

— Киу ушла, — он посмотрел на коленапоклоненную статую. — Может, пора и мне двигаться дальше? Снова жить и умереть от руки потомка? Такое объяснение тебя устроит, наорочи севера?

— Нет, — ответила я.

— Да, — одновременно сказал целитель.

Явидь промолчала, не сводя взгляда с подвижного песка у ног демона. Ей было все равно.

— Простите, но оно слишком человеческое, — пояснила я.

— Все-таки соболезнавания, — решил для себя хозяин Востока. — Я согласен на предложение Севера, точка. Без обсуждений и объяснений. На вас мне наплевать, но, если уйдете целыми, это расценят, как слабость. Толпы охотников за сокровищами будут рыть подкопы, кто-то из моих собратьев обязательно попытается втянуть Восток в распри за пределы, так что...

Простой повернул слепую голову, земля у его ног вспучилась, приподнимаясь, словно там действительно пробивался источник, только состоял он не из воды, а из светлых кристалликов песка.

— Я кое-чего вас лишу, вернее, вы сами отдадите. Или умрете. Мне все равно.

— Нет-нет-нет, — замотала головой Пашка, пятясь от поднимающейся кучи песка и моментально обрастая чешуей, — силы я вам не отдам, человеком жить не стану.

— Если это все, что тебя волнует, мы закончим раньше, чем я надеялся.

Песочный бугор, выросший едва ли не выше меня, прорвался, как прорывается нарыв на коже, выплескивая наружу гной. Мы снова увидели джина. Его все еще обхватывали прозрачные ленты, а в правой руке все еще была пузатая фляга. Тот же исполнитель желаний. И совершенно другой. На левой руке от плеча до запястья отсутствовала кожа, без всякого стеснения открывая голубые вены, белые жилы, перекрученные жгуты мышц и кровь. Много крови. От него пахло паленой кожей и чуть сладковатым мясом с дымком. Каждый сантиметр открытых мышц покрывали узорные ожоги рун.

Больше всего это напоминало то, как клеймят каленым железом скот. Видела один раз в детстве на колхозном поле. Выпученные от боли коровьи глаза, мотающаяся башка, надрывное отчаянное «мууу» заставляли пятилетнего ребенка тихо плакать по ночам еще с неделю.

Последний час плохо прошел для Евгения, в его глазах плескалось нечто такое, чему я даже не сразу подобрала определение. Не страх, не неверие, не вызов, нет. Это было нечто невозможное, униженная жалость, такими глазами собака смотрит на хозяина, который пинает ее сапогом. Смотрит и продолжает вилять хвостом.

Железная дверь распахнулась, в сад вышел Радиф. Тот самый, что еще недавно премиленько смотрелся размазанным по полу. Не представляю, как они восстановили тело, но душа заложника не дала Восточнику умереть.

Встретившись с черными бесстрастными глазами, я вздрогнула. Даже джин не вызывал такой сильной ненависти, как Вестник Простого. Исполнитель желаний никогда не унижал меня, даже копаясь в голове и зная, как это сделать наилучшим образом. Он всего лишь отправил меня на смерть. Радиф же заставлял спрашивать разрешения, чтобы открыть рот и сказать слово.

— Вы отдадите мечты. Только и всего, — Простой поставил ногу на железный остов скамейки, песок с его подошвы посыпался на землю.

— Мечты? Я прошу вас пояснить, джаращ, — голос Мартына звучал очень официально. И очень настороженно.

Радиф подошел к Евгению и, не говоря ни слова, заехал кулаком в лицо. Со всего маха.

Джин упал на одно колено, не издав ни звука, с полных губ закапала кровь.

— Вы откажетесь от грез. Оставьте их здесь. Это просто. Ты, — он указал на целителя, — хочешь...

— Хочу стать целителем вне категорий, бесцветным, — парень шагнул вперед, — и стану. Силу на жизнь не поменяю.

— Как вы трясетесь, цепляясь за то, чему не знаете даже определения. Пресная мечта мальчика из церковного хора мне не нужна.

— Тогда не знаю, — пожал плечами парень, — это все, чего я хочу.

— Да? — Простой повернулся к джину, — желальщик?

— Нет, — ответ джина был тих, но непреклонен.

— Тогда выбирайте любую, — фыркнул целитель.

— Выберем, — памятник поднял каменную руку и занесенный для второго удара кулак Вестника застыл в воздухе. — Желальщик касался каждого и знает ваши грезы.

Радиф все-таки ударил, на этот раз в ухо. Джин даже не сделал попытки уклониться, он по-прежнему стоял на колене, смотря куда-то вдаль, по руке, шею текла темно-бордовая кровь.

Святые! Тихая эпоха, безграничные силы и древние знания, магия за спиной, а какой-то опьяневший от собственной значимости придурок избивает связанного пленника, на вид вдвое старше себя. И дело не в самом факте, дело в бесцельности. Нечисть умеет наслаждаться болью, умеет смаковать ее, пьянеть от медного вкуса крови, как от изысканного коктейля. Но физические страдания, боль тела — это всего лишь газировка в высоком стакане, приятно щекочет нёбо, но не более. Что джину эти удары, когда в глазах плещется бездна? Так, комариные укусы. Затратив вдвое меньше усилий, Вестник мог бы заставить психаря визжать от ужаса, но предпочитал грубость и грязь. Для нечисти боль — искусство, Радиф не был художником, он был мясником.

— Он хочет уехать. Навсегда, — прошептал разбитыми губами Евгений.

— Это не новость, все подростки хотят.

— Нет, не так, — исполнитель желаний поднял голову, ловя взгляд целителя. — Он не может смотреть на свой дом, не может в нем находиться. Там, где отец убил его мать. Убил после его доноса, но не сразу.

— Сколько она там просидела? — спросил Простой, казалось, ему и в самом деле интересно.

— Девять месяцев, — глухой голос джина мало напоминал прежний вкрадчивый баритон, одна из рун, похожая на взлетающую птицу, вдруг наполнилась яркой рубиновой кровью, заставляя исполнителя желаний говорить и говорить. — Ты сказал отцу об измене матери, но она и не думала отрицать, она бросила ему это в лицо, как подвиг, похвасталась своим положением, плодом, что носила под сердцем. Плодом от другого. Она была уверена, что черный целитель не нарушит закон. Он и не нарушил. Для всех твоя мать пропала, а на самом деле сидела там, где ее крики никого не побеспокоили, в подвале, пока не разрешилась от бремени. Черный целитель сделал так, чтобы ребенок в ней не нуждался. Он не нарушал закон и поклялся в этом на камнях правды тем же утром, когда изменница была найдена повешенной на позорном столбе, тем же утром, когда один из мужчин нашел на пороге корзинку с ребенком и, обнюхав, опознал родную кровь, тем же утром, когда ты сбежал, ревя от страха...

— Хватит, — скривился парень. — Это не мечта, это плохие воспоминания.

Святые, а ведь еще год назад я тоже верила, что они соблюдают свои жестокие законы. Сейчас тогдашняя я самой себе казалась дурочкой.

— И я сделаю так, чтобы они остались с тобой, — безглазый повернулся к парню. — Ты останешься в этом доме навсегда.

— Как вы это сделаете? Выставите стражу? Чем та тюрьма будет отличаться от этой? — Мартын храбрился, но даже я слышала в его голосе волнение.

— Зачем усложнять, это не камера, никто не запретит тебе переступить порог. Но каждый день ты будешь туда возвращаться. Так будет всегда, год за годом, век за веком. Если заход солнца застанет тебя вне стен — умрешь.

— «Всегда» — это слишком долго, — парень огляделся, Пашка все еще стояла позади него, не сводя горящих глаз с демона.

— Торг? Полдела сделано. Заменяем «всегда» на «до смерти»?

— Моей или вашей?

С минуту Простой рассматривал парня.

— Давай, моей, — нога на скамейке чуть шевельнулась, железное перекрытие срезало с подошвы песчаного ботинка еще один осыпавшийся на землю слой.

Мартын посмотрел под ноги, зажмурился и глухо ответил:

— Выбора ведь все равно нет? Согласен, — он протянул памятнику правую руку.

Простой пожал ее. Парень вздрогнул от его прикосновения, на лбу выступила испарина, словно целителя настиг внезапный приступ лихорадки. Когда две ладони разъединились, на живой остался след. Оттиск руны обязательств, так похожей на небрежный росчерк пера или оплывший зиз-заг. Первая мечта исчезла в песках.

Пашка зашипела, парень потряс рукой и невозмутимо спросил:

— Это все? Ни цветов, ни фейерверков? Ни отрезания конечностей? Можно идти?

— Иди, — Простой отвернулся, безглазая голова уставилась на сжимающую лапы явидь. Собранное из песка лицо застыло, если так вообще уместно говорить о памятнике.

Но вместо нее к нему шагнула я.

Какая разница? Мечта человека — разве это не самое жалкое понятие на свете?

Видят святые, я уже отступилась от сотни желаний и неплохо научилась это делать. Но была одна мечта, от которой меня оттащат только в направлении гроба, независимо от того, когда это будет, сейчас или через десяток лет. Я должна была знать, как далеко в мою голову забрался исполнитель желаний, как много желаний успел прочитать.

— А если он, — я указала на Евгения, — тоже откажется от мечты, сможет уйти вместе с нами?

Памятник вздрогнул, запрокинул голову, и заскрипел. Звук, вылетевший из его каменного нутра, больше всего напоминал движения старой рассохшейся двери. Шуршаще-скрипящее «схиу-схиу». Смех Хозяина Востока был таким же сухим и пыльным, как его цитадель. Выражение каменного лица не изменилось ни на миллиметр. Скрип оборвался так же внезапно, как и начался, будто кто-то протянул руку и остановил качающуюся створку.

— Челове-е-ек, — протянул Простой, слепые глаза сосредоточились на мне. — Подумай, желальщик, насколько плохо ты выглядишь, если тебя пожалел человек, — он качнулся, словно в раздумье, и ответил. — Нет, наорочи, не уйдет.

На миг взгляд джина ожил, наполняясь прежним огнем, заставляющим верить в его видения, в его героев. На мгновение он стал прежним, а потом фиолетовая искра потухла, растворилась в жалобной апатии, веки закрылись.

Слишком много крючьев пронзало его тело, слишком много рун. Он не мог позволить себе ни движения против, ни мысли о неповиновении.

— Сама скажешь или предоставишь желальщику? — спросил голос из песка.

Я ответила молчанием. Ни слова, ни звука, ни намека, потому что они поймут, они читают меня, все время, каждый миг, как поздравительную открытку, читают и наслаждаются.

— Желальщик?

— Вы знаете, — ответил джин, — знаете, что для нее страшнее смерти, — голос мужчины был глух, — вдохните ее страх.

Сердце скакнуло к горлу. Видят святые, психарь не соврал, хоть я и продолжала надеяться на чудо. Но сказать правду можно по-разному, этому у нечисти учишься в первую очередь.

— Да, — сказал Джар Аш, — знаю. Радиф, — позвал Хозяин Востока, и мужчина тут же склонил голову, — повтори наше предложение наорочи Севера.

— Не стоит, — я почувствовала, как пальцы стискивают края коробки, упругий картон чуть поддался.

— Любое желание в обмен на душу, и твой страх исчезнет навсегда, — Радиф улыбнулся, но добился прямо противоположного эффекта, вместо облегчения меня начало подташнивать.

— Я хочу остаться человеком. Всегда и во всем.

— Мечтаешь, — поправил Простой. — Видишь, не так уж трудно признаваться в сокровенном. Твой ответ?

— Нет.

Я посмотрела на Радифа, который вопреки воле хозяина не произнес ни слова. А может, и не вопреки. Все уже учтено и просчитано, и мой отказ тоже. Если уж я не согласилась на сделку, лежа на том холодном столе, то почему должна согласиться сейчас? Или я чего-то не знаю? Не вижу?

— Даже не поторгуешься? — казалось, Простому на самом деле интересно.

— Нет, — повторила я.

— Ты не будешь жить человеком, — мягко повторил слова явиди восточник, по иронии судьбы у нас с ней были противоположные желания. И страхи.

— С ним, — я указала на Вестника, — никаких сделок заключать не буду.

— С ним? Уже лучше. Есть торговец, который тебе по душе больше? Не отвечай, — он качнул слепой головой, — не имеет значения. Важен факт, а не детали. Любой из Вестников, любой из демонов на твой выбор. Душа должна уйти в залог. Это мое условие, — памятник протянул руку.

Как во сне, словно боясь передумать, или что передумает он, я сжала каменную ладонь.

Это было ожидаемо больно. Руку словно проткнули раскаленным гвоздем и повернули. Я стиснула зубы, не позволяя крику вырваться. Мир смазлся и потемнел, а потом нехотя обрел четкость.

Ладони разъединились, одна песчаная, другая из плоти и крови. Я сжала и разжала пальцы, кожа вокруг нечеткого, будто нарисованного ребенком зиг-зага покраснела и собралась буграми. Святые, пахло шкварками. Рисунок руны врезался в ладонь на полсантиметра. Боль разъяренной птицей клевала руку. Но когда я выжигала на стене знак опоры, было во сто крат хуже.

— Сдержишь слово — она исчезнет, — проговорил памятник. — Не сдержишь — сожжет дотла. Времени — сотня дней внешнего круга. Не медли.

Еще одна мечта мертва, и это вызывало сожаление, приправленное малой толикой облегчения. Так всегда бывает, когда сложное решение принимают за тебя, когда можно с полным правом сказать, что не было выбора, и возложить ответственность на другого.

Исполнитель желаний не поднимал головы, и за это я была ему благодарна. Здесь и сейчас, в эту минуту я простила ему все. У меня не одна мечта. И страх, лежащий в ее основе тоже не один. Страхи имеют обыкновение множиться. Джин не молчал, руна не оставляла ему такой вольности. Он не соврал Простому. Но он не стал уточнять. Вопрос в том, что услышал демон?

Лежа на холодном столе перед казнью, я боялась не перестать быть человеком. Я боялась больше никогда не увидеть Алису. Это все, чего я хотела, а остальное... Мне действительно не впервой отказываться от чего-либо. Знаю, придется трудно, но будет враньем сказать, что никогда не думала о залоге.

Простой не сделал ни шага, ни жеста, но Пашка стала пятиться, шипение вырывалось из ее глотки рваными толчками. Увы, она тоже знала все о своих мечтах. И о страхах. Хуже, когда о них знают другие.

— Ты отделаешься дешевле всех. Ты расскажешь правду, — восточник смотрел куда-то поверх змеи.

— Кому? И что? — голос явиди сорвался.

— Желальщик, — скомандовал памятник.

— Черному целителю, — послушно сказал Евгений, не дожидаясь рывка руны, — о том, что произошло в ночь на карачун, в ночь, когда он пропал. Ты должна была быть с ним, но была в другом месте и с другим.

— Что? — одновременно выкрикнули парень и явидь.

Черная чешуя враз утратила агатовый блеск, покрываясь пепельным налетом, словно бледнея. К парню это относилось уже без всяких «словно».

— Конечно, у тебя были причины, — продолжил Джар Аш, — они всегда есть, и наверняка важные. Так ему и скажешь. К тому времени ты уже отложила яйцо, так что на сыне твой откровения не отразятся.

— Вы не понимаете, — она сделала очередное крошечное движение назад.

— Твоя мечта исполнилась, разве нет? Ты хотела семью, хотела змееныша. Ты их получила, — голос восточника снова стал равнодушным, он постепенно утрачивал интерес к беседе, к произносимым словам.

— Он убьет меня.

— Меня не касается. Вырвет язык, убьет, съест, поимеет, все сразу — это уже за рамками договора, — памятник шевельнулся, выпрямляясь. — Подумай, ты расскажешь сама так, как захочешь, а не так, как донесут соседи. Правда бывает разной. Соглашайся. Или умри, — песочный человек вдруг распался, осыпался песочным холмом, чтобы через миг собраться за спиной явиди. — Я устал от разговоров на десять кругов вперед.

Пашка закрыла янтарные глаза и качнулась на хвосте. Мы все знали, что она согласится. Уже согласилась хотя бы потому, что черный целитель где-то там, в неизвестности, а Простой со своими песками здесь, в шаге за спиной.

— Мне нужно время, — проговорила змея.

— Ты его получишь, — восточник сделал шаг и обхватил песочными ладонями чуть

вздрагивающие чешуйчатые плечи. — Но не путай время с вечностью.

Явидь выдохнула едва слышное «да», и памятник коснулся твердыми неподвижными губами черного затылка. Наверное, то же самое чувствовала Киу. Поцелуй Простого убил еще одну мечту, оставив еще один след на чешуе. Никто его не увидит, не узнает, не поймет, так как стоит ей стать человеком, руну скроют волосы.

Болезненное шипение слилось с шорохом взвившегося к небу песка. Все, что лежало у нас под ногами, вдруг взлетело в воздух, словно мы снова шагнули в бурю, только на этот раз порознь. Ветер бросил в лицо горсть колючей пыли, солнце виделось мутным овсяным печеньем в утопающем киселе воздуха. Глаза резанула боль, и я зажмурилась. Голос, который мы уже слышали, голос, который проникал всюду, голос восточного Вестника загремел в хаосе вставшей на дыбы земли:

— Хозяин заключил сделку с Хозяином. Восток выполняет свою часть обязательств. Посланникам Севера будет доверен носитель информации. Ваша цель — доставить его Северу.

В ушах загудел ветер, в каждую клеточку тела впились по сотне острых стеклянных песчинок. Я захрипела, силясь вдохнуть. Песок взвился и опал. Осыпался, как недавно тело Простого.

Мы стояли посреди коричневой степи. Я, вцепившаяся в белую коробку, Мартын со рваным рюкзаком за плечами. Пашка с опущенной вниз головой и смутно знакомый мужчина, смотрящий в одну ему видимую точку на горизонте. Сын Ависа Лихорадного. Он пришел в цитадель вместе с нами, вместе и ушел.

Все остальное исчезло — Простой, Радиф, джин и даже песок. Желтой цитадели на этой земле больше не существовало. Но я знала, она все еще там, прячется или ждет очередных неудачников, прошедших сквозь иллюзию.

Змея стеганула хвостом, но целитель успел закричать, останавливая смертоносное движение:

— Нет! Это носитель! Носитель информации.

— Что? Откуда ты знаешь?

— Потому ничего другого нам не выдали, — ответила я, перекладывая из руки в руку коробку, последнее мое обещание Киу.

— У Джар Аша странное представление о флешках и не очень практичное. Тащи его теперь, — парень помахал рукой перед остановившимися, смотрящими в никуда глазами мужчины. — А ты изменилась, Ольга, — протянул он, не оборачиваясь, и тут же передразнил. — «Слишком человеческое», — сказала моська слону.

— Точно, — явидь стукнула хвостом по земле. — Раньше ты не противоречила демонам в лицо. Что изменилось?

— Ничего, — я посмотрела на знак, изуродовавший кожу. — Все.

И поменял все не Простой демон и не руна. Поменяла все хрупкая мертвая девушка, которую заставили жить. Впервые я поняла, что смерти можно желать, ждать и надеяться на нее, как на старого друга, который однажды все же придет за тобой.

Мне отмерено сто дней внешнего круга. И всего десять нашего. Десять суток. Простой был более чем щедр.

Внутри уже начал отсчет времени маятник. Тик-так, Ольга, тик-так...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глоссарий

Атам — жертвенный нож, передающий жизненную силу убитого убийце.

Баюн (Сказочник) — человекообразная нечисть, род психарей, способности передаются по наследству, способен уболтать любого, и заставить его поверить, что белое это черное. Воздействие не имеет обратной силы. Способности передаются по наследству.

Безвремяе — Non sit tempus (*нон сит темпус*) — нет времени, вне времени. Пространство, в котором теряются те, кто сходит со стёжки во время перехода из мира в мир.

Ботар — человекообразная нечисть, относиться к примитивному классу бойцов — людоедов, отличается богатырским телосложением, и примитивным мышлением, живут чуть ли не первобытно-общинным обществом, всегда подчиняются приказам более сильного, характеризуются отсутствием страха смерти или, как говорят некоторые, его полным непониманием. Сильны, выносливы, не способны освоить современную технику в силу ограниченности интеллекта, бреют голову налысо.

Брежатый — должность охранника, лицо, коему поручено охранение чего-либо.

Вестник — собиратель душ. Бывший человек, перешедший на службу демону. Тот, кому люди «закладывают души» в обмен на какую-либо услуги или желание. Душа, использованная какое-то время демоном, необратимо меняется и изменяет самого человека.

Ветер-охотник — охотник на нечисть, что-то вроде страшилки для самой нечистой силы, скользящий вдоль кромки миров, его не видят, но чувствуют, легким ознобом на коже. Он сильнее остальной нечисти, может передвигаться очень быстро, опережая автомобили и другую технику, отсюда и название «ветер».

Визирг — дух-советник. Человеческую душу. Проявившую в первой жизни необходимые качества, вселяют в тело нечисти, тем самым давая ей вторую жизнь. Обладает абсолютной памятью, логическим мышлением и способностью собирать материалы в единую картину. После смерти второго тела умирает уже насовсем.

Восстанавливающийся (восстанавливающаяся) — должность «главного блюда» при дворе демона, ее занимают только те, кто способен в короткие сроки регенерировать, восстановить съеденные внутренние органы и не умереть от болевого шока в процессе. Часто на этой службе находятся представители нечисти склонные к мазохизму и получающие через боль удовольствие.

Гарха — дословно «тень». Искусственно созданный хищник, считается гибридом волка живого и волка мертвого, нечувствителен к боли, имеет защиту от магии, подчиняется одному хозяину. Гархи часто используются в качестве убойной силы в стычках нечисти.

Демон — мир поделен между четырьмя демонами: Седой (Северные пределы), Видящий (западные пределы), Простой (Восточные пределы) и Прекрасный (Южные пределы).

Джин (Исполнитель желаний) — нечисть рода психарей, которая пропитывает тебя при прикосновении ядом, и ты начинаешь бредить, тем бредом, что желаннее всего. В этом бреде ты проживешь целую жизнь, ты будешь счастлив, пока джин не высосет из тебя все желания, даже желание жизнь.

Дивное городище — древний город нечисти, где по легендам обитали Высшие и Низшие еще до раздела эпох, там же они и приняли решение уйти, прошив и соединив наш мир переходами — стёжками. Теперь этот город считается благословенным и проклятым. Из места где великие Ушедшие (Высшие и Низшие) исчезли из сотворенного ими мира творится неопишное и невозможное даже по мерка нечисти. Описать, увы, некому, ушедшие туда, не возвращаются. Еще его так и называют городом Ушедших. Местоположение северо-восток Северных пределов.

Жало Раады — артефакт, каменный атам, созданный для Раады.

Жаркое местечко — место, соотносимое по карте с человеческим городом Припять, считается у нечисти курортом, куда ездят погреть кости, отдохнуть, поохотиться на интересную добычу. Территориально принадлежит западным пределам.

Заговорщица (заговорщик) — владеющая(ий) навыком заговора (предметов, жидкостей, болезней).

Закрытие — магическая способность доступная тем, в ком течет кровь демона, способность не оставлять следов. Закрывающийся создает вокруг себя область, пространство, запирающее звуки, запахи, отпечатки. Закрытого можно увидеть, он не невидим. Можно наткнуться в темноте, он не неосязаем. Но нельзя услышать — ни шагов, ни биения сердца, нельзя учуять — ни запаха тела, волос, дыхания. Пространство вокруг него не изменяется и не сохраняет следов его присутствия. Способность не имеет обратной силы, если след оставлен, значит, оставлен.

Заложник — вид нечисти, в которую превращаются заложившие вестнику душу люди в обмен на выполнение желания. Душа, использованная демоном, необратимо меняется и изменяет человека, делая его частью темного мира. Какие именно метаморфозы происходят с человеком, зависит от желания и от самого человека. Самые распространенные виды заложников: вестники, падальщики, сваары, лгұны.

Земля детей — *Filii de terra (фили де терра)* — Название школы. Находиться в самом безопасном кармане стёжки, куда нет прямого выхода из мира людей, только через другие поселки.

Зеркало ушедших — озеро, через которое ушли Великие. После их исхода в Дивном

городище замерзшая поверхность озера разлетелась на множество осколков. С тех пор эти осколки приобрели свойства артефактов. Наносимые ими раны смертельны для нечисти, но в отличие от атамов осколки не передают жизненную силу от убитого к убийце, она течет за грань, к тем, кто ушел. Осколком можно убить любую нечисть, независимо от силы и скорости регенерации. За использование артефакта, как и любого другого принадлежащего Святым, взимается плата, и эта плата — часть твоего мира. Никто не знает, что это будет: дом, ребенок, книга, а может, рваные портки, или целая стежка.

Злыдень — человекообразная не очень сильная в иерархии нечисть, второе название «отнимающие удачу», приносящие несчастья как мелкие, так и глобальные. Обычно хорошие бойцы, так как фортуна отворачивается от противника стоит вступить с ним в схватку. Живут обособленно семьями по двенадцать человек, часто подвергаются истреблению даже со стороны нечистых сородичей, поэтому учатся сражаться с детства.

Измененный — отлученный от клана изменяющихся. В силу совершенного поступка магия обращений необратимо меняет тело и застывает в промежуточном, половинном состоянии, так как превращение начинается сверху, в большинстве случаев голова животного на теле человека.

Изменяющийся — вид нечисти имеющий два облика, в большинстве случаев один человекообразный, второй — животное.

Камни правды — артефакт распознающий ложь, и карающий за нее мгновенной смертью.

Карка — человекообразная нечисть, от слова «каркать», приносит дурные вести, та, что предвещает скорую смерть, чувствуящая погибель. Впитывает сопутствующие ей выплески, боль, агония, страх, последние эмоции человека, не брезгует и человечесиной.

Ключники — человекообразная нечисть, отличается природной способностью вскрывать любые замки от физических, кодовых до интеллектуальных, виртуальных и даже психических существующих лишь в воображении человека. Умны, корыстны, независимы.

Лгуна (Лгун) — один из видов человека, заложившего душу за желание и, после осуществления оно изменившегося в нечисть. Именно эта характеризуется потребностью охотиться на людей и снимать с них кожу, одевать на себя (забираться внутрь), закукливаться изнутри, постепенно приращивая чужое и превращаясь внешне в другого человека. Старые лгуны даже забывают, какого пола они были изначально.

Лешак — или леший, человекообразная нечисть, отличается кожей, покрытой узором, словно кора дерева, зелеными волосами, может отращивать вместо когтей острые и прочные сучья, обитает в лесах, и являющаяся их частью. Ревностно охраняет свои владения, жестоко наказывает причиняющих вред лесу, растениям или животным. Понятие вреда субъективно, может отпустить охотника, убившего дичь, если популяция этого вида слишком увеличилась и потеря особи скорее идет во благо, чем во вред, и жестоко расправиться со сборщиком

ягод, считая что тот, отбирает еду у исконных обитателей этих земель.

Лихо (лихач) — человекообразная нечисть, живущая обманом, заманивает людей, питающих слабость к презренному металлу, в ловушки, и поедаящая их. Спасти можно только переиграв лихо на его поле, придумав и осуществив еще более извращенный и дерзкий обман. Таким лихо предлагает выбрать награду, что само по себе еще один капкан, только отказавшийся от приза имеет шанс уйти от нечисти живым.

Ложный ребенок — неродной ребенок, обычно сирота, взятый в семью в качестве компаньона для настоящего. На нем проводят уроки, используя в качестве учебного пособия, наказывают вместо родного, и так далее. Доживающие до взрослых лет становятся тенью своего господина.

Маховик — возможно, зверь, возможно, одичавшая нечисть, обитает в Дивном городище, иногда попадает в его окрестностях, внешне напоминает человека с несоразмерно удлиненными конечностями, что делает его походку и жесты размашистыми. Обладает силой и ловкостью, способен убить одним ударом (махом). Питается любым мясом. Степень разумности и социальной организации неизвестна.

Морок — человекообразная нечисть, низкой категории, питается человеческими эмоциями, которые сама и провоцирует, насылая ложные картинки, мороки, воспоминания, если особенно разойдется, может довести до самоубийства.

Норники — звери, напоминающие кротов, в силу того, что их кости являются ингредиентом для зелий, практически истреблены. Остатки популяции ушли глубоко в норы. Найти и поймать норника считается редкой удачей.

Падалиц (гробокопатель) — один из видов заложника, человека, заложившего душу в обмен на желание и, после осуществления оно, изменившегося в нечисть. Этот конкретный вид, что-то вроде кладбищенского гуля, для жизни вынужден выкапывать покойников и поедать их. Разумен и осторожен.

Подвия — человекообразная нечисть, своей природой, присутствием, а не действием, подталкивающая окружающих к поступку, а уж к подлости или к подвигу зависит от человека его характера или сиюминутного настроения. Их способности сродни излучению, их нельзя контролировать или остановить, его воздействию подвергаются все находящиеся в непосредственной близости от подвии. Предпочитают образовывать отдельные от всей остальной нечисти поселения. Часто используются как наемники, для выведения из себя, лишения опоры и душевного равновесия противника.

Психарь — человекообразная нечисть, в основе магии, которых лежит воздействие на сознание, людей, животных, птиц, рыб, всех, кто имеет хоть зачатки мозга. Психари не в состоянии двигать предметы, заговаривать амулеты, видоизменять живую материю, как целители, их специализация изменение разума, разовые или комплексные. Психари имеют несколько подвидов, к ним относятся: баюны, исполнители желаний, потрошители и др.

Радный, радная — от слова «радеть», аналог христианских крестных у нечисти, дословно «тот, кто будет радеть за ребенка».

Разносчик — человекообразная нечисть. Чаще всего является очагом и причиной распространения смертельных для человека заболеваний. Яркие исторические примеры — тифозная Мери. Нечисть относится к роду Моров (Mor).

Робаз — или «родившийся задом наперед», нечисть убирающая свою мать при рождении, а после совершеннолетия — отца, отличается человекообразным силуэтом с длинными «обезьяними» руками до колен, узловатыми пальцами и вытянутым шишкообразным черепом. Робаз предпочитает поедать свои жертвы живыми, выдирая сильными руками руки и ноги, по тому принципу, как человек поступает с мухами. Робазы специализируются на тяжелом даже для нечисти физическом труде. Общинами не живут, одиночки.

Род Нелюди — роды, ведущие свое начало, от мифического животного, характеризуется большим разнообразием подродов: явиди, фениксы, гарпии, арахны, саламандры, химеры, василиски и т. д.

Сваара, сваар (ссорища) — один из видов человека, заложившего душу за желание и, после осуществления оного изменившегося в нечисть. Провоцирует личные ссоры, свары, конфликты, питается отрицательными эмоциями. Чем больше поглощает, тем больше нуждается. Не ест человеческого мяса, но и против смертей в драках и конфронтациях, спровоцированных ею, не возражает.

Следующая вещь — артефакт, который в буквальном смысле следует за хозяином. Заговаривается вещь один раз и на одного хозяина, появляясь вслед за ним где угодно: дома, в гостях, на приеме, в тюрьме. После смерти хозяина обретает ограниченную самостоятельность и не подлежит перенастройке, выбирая нового владельца самостоятельно и следуя уже за ним.

Хранитель стёжки — бывший человек, попавший на стёжку умирающим (смертельно раненым), и согласившийся взамен на жизнь хранить переход из мира в мир. Его сила это сила всех кто-то живет на стёжке, и одновременно его слабость, потому как если стёжка станет необитаемой, хранитель исчезнет в безвременье.

Хрустальный колокол — артефакт времен Эпохи единения, служит той земле, на которой находится, уничтожая любых живых существ извне. На вид стеклянный колокольчик размером с кулак. При проникновении чужаков начинает бить, и слышат его только они, причем количество не имеет значения, от одной особи до армии, те, кто слышал его бой в ту же секунду умирают.

Эпохи (в хронологическом порядке):

1. Разделенные эпохи (временя, которое забыли).

2. Эпоха единения (время, которое боятся помнить).
3. Эпоха истребления (время, которое проклинаяют).
4. Общая эпоха (подаренное время).
5. Тихая эпоха (живое время).

Явидь (женщина змея) — нечисть из рода нелюди, ведущей свою родословную от прародительницы змеи — явиди.

notes

Стяжатель (*ворий\ворья, собиратель*) — нечисть из рода нелюдей, испытывающая страсть к коллекционированию, собирательству вещей.

Крылатая фраза из сказки Д. Ч Харриса «Как Братец Кролик перехитрил Братца Лиса».

Устаток — применительно к нечисти «последний в роду».

Телевизионные сериалы, отличающиеся запутанными семейными отношениями.

Он же разносчик, род моров

Debitorem — с латинского «должник», «взявший на себя обязательства».

Имеет место игра слов «джараш» — имеющий право приказывать, Джар Аш — первый демон, родоначальник рода (*впер. с инописи*).

Желальщик — пренебрежительное обращение к исполнителям желаний, к живущим чужими желаниями.

Киу — осенний цветок, цветущая осенью.

Ошер — воин, сражающийся (*в переводе с инописи*).